

ЕРОФЕЙ
ТРОФИМОВ

ГЛАДИАТОРЫ

ГЛАДИАТОРЫ

СОЗВЕЗДИЕ ЗЛОБНЫХ ПСОВ

Гладиатор

Ерофей Трофимов

**Гладиаторы: Гладиаторы.
Созвездие злобных псов**

«Издательство АСТ»

2011, 2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Гладиаторы: Гладиаторы. Созвездие злобных псов /
Е. Трофимов — «Издательство АСТ», 2011, 2016 — (Гладиатор)

ISBN 978-5-17-147723-3

Нападение на Землю неизвестной цивилизации стало причиной гибели большинства землян. Но оставшиеся не сдались. В этой борьбе объединились люди и собаки. Уничтожив эскадру леобов, земляне отстояли свою свободу, но теперь остатки цивилизации оказались перед новой проблемой. Ведь из глубины космоса к Земле движется новая армада кораблей, на бортах которых находятся остатки расы инопланетян, мечтающих получить новую планету в своё безраздельное пользование. А значит, над командой «гладиаторов» нависла смертельная угроза...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147723-3

© Трофимов Е., 2011, 2016
© Издательство АСТ, 2011, 2016

Содержание

Гладиаторы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ерофей Трофимов

Гладиаторы: Гладиаторы.

Созвездие злобных псов

(Сборник)

Гладиаторы

Матвей вздрогнул и, застонав, медленно сел на своей узкой солдатской койке, утирая выступившую испарину подрагивающей рукой. Ему снова приснился этот страшный сон. Его девчонки, те, кого он любил больше всех на свете, весело махали ему из витринного окна, увидев, как он подъехал к магазину. Они договорились встретиться здесь и, поев мороженого в кафе, отправиться в кино, где шёл очередной полнометражный мультфильм. Вика давно мечтала посмотреть его и прожужжала родителям про него все уши, буквально выдавив из отца обещание сходить в кино. Наташка, и сама любительница мультиков, присоединилась к просьбам дочери, и он сдался.

Едва сумев впихнуть небольшой джип на освободившееся место, он вышел из машины и за витринным стеклом увидел своих девчонок, радостно улыбающихся ему. Потом раздалось странное свистящее шипение, и здание магазина вспухло огромным огненным шаром...

...Девчонки так и остались в его памяти: весёлые, улыбающиеся, ещё не знающие, что это были их последние минуты. Матвея спасло только расстояние и то, что он, отброшенный взрывной волной, оказался зажатым между машин. Пара переломов, опалённые волосы на затылке, несколько ушибов – вот и весь ущерб его организму. Хуже всего было то, что он остался жив, а его девчонки погибли. В госпитале, в срочном порядке развёрнутом в ближайшем пригороде, он молча смотрел в серый брезентовый потолок, пытаясь осмыслить происшедшее и не веря, что их больше нет.

С тех пор он видел этот сон почти каждую ночь. Врач, выписывавший его из госпиталя, только мрачно покачал головой, когда Матвей рассказал ему о своих кошмарах. Подведя его к окну, доктор молча ткнул пальцем в далёкие развалины города:

– Таких, как ты, теперь очень много. Никто толком не знает, кто на нас напал и что это за твари, но все, кто может драться, взяли в руки оружие. Хочешь отомстить за своих – иди и воюй. Ничего другого я тебе в данной ситуации посоветовать не могу. Идёт война на уничтожение, и тот, кто в ней выживет, тот и будет потом оплакивать погибших... Потом... – тихо добавил он, возвращаясь на своё место.

Только теперь Матвей понял, что и у этого странного молчаливого человека тоже кто-то погиб. Вздохнув, Матвей вышел из госпитальной палатки и неожиданно понял, что ему некуда идти. Растерянно оглядевшись, Матвей не выдержал и, не обращая внимания на суетящихся вокруг людей, решительно зашагал в сторону дома.

Его удивило, что в стране, воюющей непонятно с кем, нет регулярных военных патрулей и никто не требует у него документы. Не было даже линии фронта. Осознав это, Матвей потерянно покрутил головой и, решив оставить разрешение всех этих нестыковок тем, кому их положено было решать, зашагал дальше.

Уже в двух кварталах от дома он понял, что всё бесполезно. От длинного двенадцатиэтажного здания остались одни воспоминания. Куча переломанных, перекрученных неведомой силой железобетонных плит, торчащие во все стороны куски арматуры, словно щупальца какого-то мифического зверя, и гарь. Над всем этим кошмаром витал густой, выедающий глаза

запах гари. Постояв на обломках собственного дома, Матвей вздохнул и медленно пошёл дальше.

Куда, он и сам не знал. Главное, подальше от всего этого. Очнулся он на окраине города и, осмотревшись, неожиданно понял, что подсознательно двигался в сторону деревни, где летом жила старенькая мать Натальи. Каждое лето он вывозил старушку в деревню и, обеспечив всем необходимым, оставлял там до осени.

Елена Степановна была страстной огородницей и такие поездки в деревню просто обожала. В охрану ей они каждый год оставляли Роя, взрослого ротвейлера, которого сама тёща с огромным удовольствием баловала. Теперь это были последние близкие ему существа на всём белом свете. До деревни он добрался уже ночью.

К удивлению самого Матвея, его никто так и не остановил. Несколько раз пронесившиеся мимо машины, под завязку набитые солдатами, пролетали мимо, но ничего, кроме настояренных мрачных взглядов, Матвей не заметил. Подойдя к знакомому забору уже в темноте, он напряжённо всмотрелся в тёмные окна и, с трудом решившись, толкнул скрипучую калитку. Матвей уже готов был взвыть от отчаяния, когда к нему от крыльца метнулась знакомая тень. Тихо повизгивая, Рой с размаху ткнулся огромной башкой ему в колени и, моментально облизав руки, кинулся обратно к дому. Входная дверь тихо скрипнула, и свет ручного фонарика ударил Матвею в глаза.

– Кто там? – раздался испуганный голос, и через секунду тёща растерянно выдохнула: – Матюша?!

– Я, Елена Степановна, – так же тихо ответил Матвей, подходя к крыльцу.

Заметив его повязки и обгорелые волосы, она в очередной раз охнула и, пропустив зятя в дом, кинулась занавешивать окна. Стеариновая свеча тускло осветила комнату. Медленно опустившись на краешек стула, тёща настороженно посмотрела на него и задала только один вопрос:

– А девочки?

Матвей отрицательно покачал головой. Ему нечего было сказать. Он, молодой, здоровый мужик, остался жив, а они, такие нежные и беззащитные, погибли. Словно понимая, что произошло, Рой положил голову ему на бедро и тихо заскулил. Судорожно вздохнув, Елена Степановна медленно перекрестилась и беззвучно заплакала...

Ещё через два дня Матвей похоронил её в саду. Гибель дочери и любимой внучки убила и её. Ранним утром Матвей нашёл её мёртвой. Уснув, она тихо ушла. Верный Рой, действительно любивший тёщу, весь день просидел у могилы старушки и только вечером, войдя в дом, улёгся у ног Матвея. Опустив голову, Матвей прошептал:

– Вот и всё, дружище. Теперь мы остались только вдвоём.

...Странного человека с рукой на перевязи и собакой на поводке заметил военный патруль. Подкативший БТР медленно остановился, и сидевший на броне капитан громко спросил, перекрикивая рёв мотора:

– Мужик, твоя собака?

– Моя.

– Дрессированный или так, просто породистый?

– А вам-то какая разница?

– Залезайте, на базе объясню, – ответил капитан.

Воспоминания нахлынули с новой силой, и Матвей, не выдержав, тихо застонал. Услышав его, мирно похрапывавший Рой поднялся и, подойдя к кровати, опустил морду на одеяло, всем своим видом выражая сочувствие. Вздохнув, Матвей погладил мягкие висячие уши кобеля и, поднявшись, взял с тумбочки бутылку с водой.

Выйдя из палатки в одних трусах, он в три затяжки выкурил сигарету, пряча огонёк в кулаке, и, поёжившись, негромко сказал подошедшему псу:

– Пойди проветрись.

Кобель старательно вдохнул сырой, промозглый воздух и возмущённо покосился на Матвея. Умная физиономия пса как бы говорила: «Ты чё, мужик, совсем сблындил, в такую погоду мне проветриться предлагаешь?»

Чуть усмехнувшись, Матвей прикурил от окурка вторую сигарету и, медленно выкулив её почти до самого конца, вернулся в палатку.

* * *

Гусеничный вездеход вылетел из-за поворота на стоянку у разрушенного гипермаркета и, лязгая траками, помчался к перекрученным металлическим конструкциям, оставшимся от некогда роскошного магазина. Круто развернувшись на мокром асфальте, машина остановилась, и из распахнувшегося десантного люка не спеша выбрался мощный, чёрного окраса кобель с тёмно-коричневыми подпалинами. Настороженно приняв сырой воздух, пёс обошёл распахнутую дверцу люка и, задрав лапу, недолго думая, оросил гусеницу вездехода. Следом за собакой из десантного отсека вышел худощавый мужчина среднего роста, в камуфляже и с автоматом на плече. Внимательно понаблюдав за собакой, он заглянул в машину и негромко сказал:

– Порядок, пока всё чисто. Рой никогда не ошибается.

– Чего бы он понимал, твой кобель, – слышался недовольный голос, и из проёма показалась фигура второго бойца.

Словно в ответ на его слова огромный пёс ловко проскользнул под дверцей и, моментально оказавшись перед говорившим, встал, настороженно глядя ему в глаза. Широкий нос собаки сморщился, и среди чёрных бархатных губ жемчужно засветились белоснежные клыки. Тишина стоянки огласилась басовитым рычанием, и говоривший попятился назад. Звонко клацнул передёрнутый затвор, но проводник, не повышая голоса, произнёс:

– Только попробуй. Я тебя прям в десанте положу. Ещё раз вякнешь чего без спроса, отправишься под трибунал.

– Что, за собаку человека пристрелишь? – с тихой ненавистью спросил разговорчивый.

– И даже спать спокойно буду. На сегодняшний день каждый из этих псов дороже трёх таких козлов, как ты! – огрызнулся проводник.

– Ладно, придёт время, сочтёмся, – пообещал патрульный, не сводя с кобеля ненавидящий взгляд.

С лёгкой усмешкой глядя на эту картину, проводник ловко щёлкнул пальцами, привлекая внимание собаки, и, шагнув в сторону, левой рукой хлопнул себя по бедру. Презрительно фыркнув, пёс развернулся и не спеша направился к человеку. К своему человеку. Именно так он воспринимал проводника, при этом регулярно испытывая его на прочность. Вот уже восемь лет они жили бок о бок, и каждый месяц Рой находил момент, когда команды проводника благополучно игнорировались, а все, оказавшиеся в пределах досягаемости, были построены ровными рядами. Но вот уже три года, с тех пор, как на Землю обрушилась военная мощь неизвестной цивилизации, все эти выходки прекратились. Теперь им обоим было не до таких мелочей.

Нападение было совершено внезапно, и большая часть крупных городов сразу оказалась разрушенной. Ксеносы, как прозвали нападавших, не собирались использовать блага человеческой цивилизации, старательно уничтожая всё, что мешало их каким-то непонятным планам. Никто так толком и не понял, откуда взялось это название, но оно прижилось, и теперь везде, даже в официальных отчётах, гуманоидов называли именно так. К удивлению военных,

лучше всех находили ксеносов не радары и сканеры, а собаки. Но и тут всё оказалось не так просто. Учёные – биологи, кинологи и все остальные – себе мозги набок свернули, пытаясь понять, почему присутствие не видимых ни в каких лучах врагов собаки не всех пород обнаруживали одинаково легко. Служебные, охотничьи и так называемые бойцовые породы запросто могли почуять противника, где бы он ни прятался. Все остальные породы – или не замечали, или просто боялись его. Даже дворняжки, об уме и сообразительности которых давно уже ходили легенды, пасовали перед амуницией пришельцев, теряясь или просто убегая от опасности. Совсем иначе вели себя служаки, охотники и бойцы. Эти ребята почему-то изначально восприняли ксеносов как врагов и старательно выискивали их, с каждым контактом умудряясь вырабатывать собственную манеру обнаружения и боя.

Биологи старательно списывали всё на ген свирепости, по сути просто расписываясь в собственной глупости, но опытные проводники придерживались другого мнения. По их мнению, эти породы изначально были предназначены для серьёзной службы и теперь просто реализовывали своё предназначение по полной программе. Военные быстро организовали спецотряд под названием СКС – Специальная кинологическая служба, в простонародье названная «Гладиаторы».

Прозвище спецотряда «смертники» не прижилось. Проводники – ребята непростые. Воспитывать собак серьёзных пород – это не в парке прогуляться. И посему любое подобное высказывание заканчивалось серьёзным мордобоем. С тех пор название «Гладиаторы» прочно закрепилось за отрядом. К удивлению самих проводников, боевые псы, даже оказавшись в одном отсеке машины, вели себя вполне спокойно, словно заключив негласное мирное соглашение. Но в обычный патруль отправлялись только одна собака и отделение из пяти человек. И вот теперь ротвейлер по кличке Рой, отойдя от машины, старательно принюхивался к сырому осеннему воздуху. Внимательно наблюдая за собакой, проводник удовлетворённо кивнул и, поправив ремень автомата, решительно шагнул к развалинам. Но, к его удивлению, пёс развернулся и не спеша зашлёпал по лужам в сторону обгорелого остова грузовика.

– Пёс, ты куда направился? Твари обычно в развалинах прячутся, – негромко окликнул его проводник.

Остановившись, Рой медленно оглянулся через плечо, и проводник ясно прочёл на выразительной, давно уже знакомой до последней шерстинки морде: «Поучи свою бабу щи варить. Понимал бы чего...»

Поперхнувшись от неожиданности, проводник смущённо пожал плечами и покорно отправился следом за собакой. В патруле главным был именно пёс, ведь ни одна хваленая современная техника не могла справиться с маскировкой ксеносов. Оставалось полагаться только на них, сообразительность и опыт собак.

Медленно обходя останки грузовика по кругу, Рой то и дело помечал территорию, словно сапёр, оставляющий за собой флажки на минном поле при проведении разминирования. Заметив едва отличимые непривычному взгляду признаки настороженности собаки, проводник перевёл автомат в положение готовности к стрельбе и, остановившись, внимательно осмотрелся. Но как ни готовился он к контакту, как ни вопила вся его подкорка о близкой опасности, момент броска Роя он всё-таки пропустил. Опытный боец, только что небрежно обнюхивавший сгоревшее колесо, вдруг моментально напрягся и одним мощным рывком ринулся в атаку. Глухое рычание и пронзительный свист ксеноса слились в сплошную какофонию, а у патрульных сложилось впечатление, что крупный пёс просто висит, вцепившись огромными клыками в сырой, промозглый воздух. Раздались едва слышный треск и змеиное шипение неземного оружия. Ксенос выстрелил, пытаясь избавиться от повисшего на нём кобеля. Асфальт, куда ударил луч из оружия противника, вздыбился и пошёл трещинами. Потом воздух под псом замерцал, и на мокром асфальте обозначились контуры противника. К огромному удовлетворению всех сил сопротивления, любое нарушение целостности костюма ксеноса приводило его

к выходу из строя. Учёные и спецслужбы мечтали заполучить в руки хоть один исправный костюм, чтобы подвергнуть его тщательному изучению, но пока каждый контакт с гуманоидами заканчивался чьей-то смертью. Сами патрульные сразу отказались рисковать жизнями своих подопечных, ведь от собак напрямую зависели и их жизни.

Привычно смещаясь из стороны в сторону, кинолог выбирал подходящую точку для стрельбы. Неожиданно рычание и свист перекрыло басовитое рывканье автомата, и проводник испуганно ахнул. Тренированное ухо патрульного ясно расслышало болезненный взвизг кобеля. Недолго думая, он всадил короткую очередь в середину мерцающего контура и, перебросив автомат за спину, бросился к собаке. Почувствовав, что противник мёртв, пёс медленно разжал клыки и, пошатываясь, отступил в сторону. Медленно, со стоном, сильный кобель опустился на асфальт и, несколько раз кашлянув, повалился на бок. Упав на колени, проводник быстро осмотрел окровавленный бок своего питомца и, судорожно вздохнув, прошептал:

– Потерпи, Ройка. Сейчас тебя на базу отвезём.

Грустный карий глаз скоился на человека, и пёс чуть слышно заскулил, словно спрашивая: «За что?»

Мощные лапы несколько раз вздрогнули, и легенды отряда гладиаторов не стало. Три пули из выпущенных пяти пробили грудь собаки. Язык и слюна были окрашены кровью, что означало простреленное лёгкое, и только огромная сила и неукротимый характер бойца помогли ему довести схватку до конца. Он выполнил свою задачу и умер от пули мелочного, трусливого предателя.

Подняв тело собаки на руки, проводник уложил его в десантный отсек и, оглянувшись, взглядом нашёл того, кто осмелился, в нарушение всех приказов и инструкций, стрелять раньше кинолога. Человек, которого Рой успел перед боем напугать до мокрых подштанников, с презрительной усмешкой смотрел на медленно катящиеся по щекам проводника слёзы.

– Зачем? – срывающимся голосом спросил кинолог.

– Я же сказал: сочтёмся, – ещё шире усмехнулся стрелок, не опуская автомата.

Сделав вид, что всё понял и не собирается бросаться на автомат, проводник медленно отвернулся, незаметно передвигая ножны с десантным кинжалом. Сидевшие на броне так и не поняли, когда он успел выхватить кинжал и в развороте метнуть его в грудь убийце. Увидев, что проводник отвернулся, подлец с довольным видом сдвинул автомат за спину, решив, что кинолог смирился и не посмеет поднять на него руку. Но уже в следующую секунду он с хрипом оседал на землю, растерянно держась за торчащую из собственных рёбер рукоять. Бойцы бросились к уже мёртвому напарнику, но, убедившись, что всё кончено, повернулись к скорбно замершему проводнику.

– Ты хоть понимаешь, что натворил? – поинтересовался механик-водитель.

– Погань прирезал. За Роя. За друга, – выдохнул кинолог, опускаясь на колени возле тела своей собаки.

Погрузив тело бойца в машину, группа отправилась на базу. Теперь, когда не стало собаки, патрулирование было бесполезно. Обнаружить ксеносов при помощи техники было невозможно. Не стали они осматривать и труп погибшего гуманоида.

По какой-то причине погибшие оккупанты после гибели растекались грязной лужей непонятной субстанции, больше напоминавшей вытекший из тьюбика гель. Но самое странное происходило с оружием. Оно почему-то сразу выходило из строя и очень часто просто взрывалось, хотя бывало и так, что взявший непонятный лучеём человек получал только кучу разваливающихся в пальцах запчастей.

Он так и простоял всю дорогу до самой базы, где их встретили бойцы из военной прокуратуры. Увидев вылезающего с мёртвой собакой на руках кинолога, они молча отступили в сторону, отдавая последнюю дань уважения одному из лучших бойцов подразделения. Передав

труп собаки ветеринару для составления отчёта, проводник молча сдал оружие и, протянув прокурорским запястьям для наручников, тихо сказал:

– Давайте. Теперь уже всё равно.

– Не дури, разберёмся, – проворчал сержант, беря его за локоть.

Через десять минут Матвей, сидя в палатке, отведённой под допросную, мрачно курил, не сводя с сидевшего перед ним мужика тяжёлого, немигающего взгляда. Мужик, делая вид, что не замечает такого вопиющего нарушения порядка допроса, молча листал лежащее перед ним досье. Наконец, отодвинув его в сторону, он поднял взгляд и, покачав головой, глухо спросил:

– Ну и за что ты его так?

– За друга, – коротко ответил Матвей.

Гибель Роя словно выжгла из его души все чувства. Стоя над его телом на коленях в десантном отсеке, он неожиданно понял, что остался совсем один. Совсем. Один. Это было так страшно и больно, что Матвей едва не закричал во весь голос. Рой был единственным существом, которое связывало его с той, прошлой жизнью, где его любили и где он любил.

– Гибель твоей собаки – потеря для службы, безусловно, большая. Но ты не имел права казнить бойца сам. Даже за друга, – осторожно подбирая слова, произнёс мужик.

– Имел. Просто вы ничего не знаете, – всё тем же ровным, безжизненным голосом ответил Матвей.

– Ошибаешься. Мы многое знаем, – чуть усмехнувшись, ответил тот и, раскрыв лежавшее на столе досье, принялся читать: «Матвей Беркутов. Тридцать пять лет, образование высшее юридическое, до войны был частным предпринимателем, имел жену и пятилетнюю дочь. Обе погибли во время первого налёта ксеносов на город. В СКС состоит уже три года, можно сказать, с первых дней войны. Собака – ротвейлер по кличке Рой, восьми лет, отлично натаскан, на личном счету – больше семидесяти обнаруженных особей ксеносов».

– Семьдесят четыре, – тихо уточнил Матвей. – За что он его? Ведь Рой мог запросто до сотни добрать.

– Знаю. И именно это я и должен выяснить, – вздохнул мужик. – Откровенно говоря, я бы этого поганца сам пристрелил. Но это так, между нами. А если быть совсем откровенным, то у меня складывается впечатление, что целился он не в собаку, а в тебя.

– Хреново целился, раз не попал, – вздохнул Матвей.

– Судя по схеме, он хотел спровоцировать вас.

– На что? – соизволил проявить вялый интерес Матвей.

– Знаете, Матвей, у меня такое впечатление создалось, что вам абсолютно всё равно, что с вами будет, – неожиданно вспыхнул мужик.

– Теперь да.

– Даже если вас приговорят к расстрелу за убийство бойца? По закону военного времени?

– Даже. Терять мне больше нечего, – усмехнулся Матвей, и от этой усмешки сидевший перед ним мужик заметно вздрогнул.

Неожиданно клапан палатки резким движением отбросили в сторону, и к столу подошли трое высоких, крепких мужчин с одинаково хмурыми физиономиями. Молча предъявив сидевшему за столом мужику какое-то удостоверение, они выхватили у него из рук досье и, едва не в шею вытолкнув его за порог, изучающе уставились на Матвея.

Мрачно оглядев вошедших, Матвей снова закурил и, помолчав, спросил:

– А разведке-то чего от меня надо?

– А почему вы решили, что мы из разведки? – быстро спросил мужик, предъявивший удостоверение.

– Я, может, и псих, но не дурак. Просто так прокурорского из допросной выбросить в военное время только вы можете.

– Логично, – усмехнулся мужчина и, присев на освободившийся раскладной стул, со вздохом сказал: – Ладно, Матвей Иванович, давайте начнём сначала. Меня зовут Андрей Сергеевич, полковник разведки генштаба. Мы случайно узнали о сегодняшнем инциденте и решили, что такой случай упускать грешно. Мы быстренько ознакомились с вашими документами и поняли, что вы нам подходите.

– А мне?

– Что вам? – не понял полковник.

– Мне вы подходите?

– В каком смысле? – снова не понял разведчик.

– Знаете, мне совершенно всё равно, что со мной будет дальше. Так что не думаю, что вам стоит продолжать, – вздохнул Матвей, закуривая следующую сигарету.

– Предоставьте это нам решать, Матвей Иванович, – усмехнулся полковник.

– Решайте, – пожал плечами Матвей.

– Как долго вы дрессировали своего пса? – неожиданно спросил полковник.

– Первые три года – каждый божий день. А потом боролся с ним за главенство в стае. Бывает у собаки такой период, когда она физически в полной силе, а ума ещё не хватает, вот тогда и начинаются игры, кто сильнее и наглее, – грустно улыбнулся Матвей, вспоминая старые добрые времена.

Неожиданно его словно прорвало. Сжав челюсти так, что захрустели зубы, он замер, словно каменный идол, а из глаз медленно покатались слёзы. Заметив его реакцию, гэрэушники понимающе переглянулись. Сидевший за столом полковник вздохнул и, потеряв подбородок, тихо прошептал:

– Ну, слава богу, пробило.

Матвей сидел за столом, словно окаменевший. Его ничто не волновало и не интересовало. Только тёкшие по щекам слёзы выдавали ту бурю, что творилась в его душе. В палатке воцарилась напряжённая тишина. Наконец, сообразив, что разговора сегодня не получится, полковник покосился на своих помощников и, поднявшись, решительно сказал:

– Значит, так, Матвей Иванович, сейчас вас отведут в другую палатку и дадут отдохнуть. А завтра мы продолжим разговор.

В ответ на его слова Матвей даже не пошевелился, словно ничего не происходило или всё окружающее его просто не касалось. Только когда подручные полковника взяли его под локти, он едва заметно вздрогнул и, поднявшись, покорно последовал за провожатыми. Точнее, они вели его, держа за руки, словно боялись, что он исчезнет. Только у входа он, словно очнувшись, тихо попросил:

– Курева оставьте.

Быстро переглянувшись, парни довели его до места, после чего один остался стоять у входа, а второй куда-то исчез. Вернувшись через несколько минут, он отдал Матвею две пачки сигарет, новую одноразовую зажигалку и, закрыв клапан палатки, устало вздохнул:

– Хрен его знает, что из всего этого получится.

В палатке Матвей провёл ровно три дня. Про него все словно забыли, только дежурный приносил еду из столовой и, оставив судки на столе, молча исчезал. Так же молча он забирал пустую посуду, и Матвей снова оставался один. За эти три дня он выкурил почти блок сигарет и вставал с кровати, только чтобы поесть.

На четвёртый день его затворничество было нарушено всё тем же полковником. Войдя в палатку, он положил на стол небольшой конверт и, присев на раскладной табурет, с интересом покосился на пепельницу, полную окурков. Нехотя поднявшись, Матвей мрачно посмотрел на полковника и, вздохнув, негромко спросил:

– Что вам от меня нужно?

– Здравствуйте, Матвей Иванович, – усмехнулся в ответ полковник.

– Вы не ответили.

– Не торопитесь. Всеу своё время. Нам удалось выяснить, что случилось и почему один из ваших бойцов совершил такую глупость. Как оказалось, среди людей появились те, кто готов спасти свою шкуру любой ценой. Так называемое «Движение непротивления». Короче, хоть на коленях, в рабском ошейнике, лишь бы жить. Они решили уничтожить вашу службу, чтобы доказать ксеносам свою преданность. Но мы их опередили. Так что теперь у нас целый взвод подобных ублюдков в разработке.

– Поздравляю, – кивнул Матвей. – Спасибо. Ну а теперь займёмся непосредственно вами. Все обвинения против вас будут сняты. Действовали вы в порядке самообороны и под воздействием сильнейшего аффекта. Так что вопрос у меня к вам только один. Где вы так ловко ножи кидать научились?

– В юности не одну доску искрошил. Фильмы про индейцев нравились, вот и решил научиться, – коротко ответил Матвей.

– Сами?

– Сам.

– Лихо. Удивительно, что до сих пор не забыли, как это делается, – улыбнулся полковник.

– Думаю, у вас лучше получится, – пожал плечами Матвей.

– Наверно, только нас этому специально учили. Ну да ладно, давайте о деле. Взгляните и выскажите мне своё мнение, – загадочно сказал он, протягивая Матвею конверт.

Откинув клапан, Матвей достал из конверта пачку фотографий и едва не вскрикнул. Это были снимки щенков ротвейлера. Кутятам было по месяцу, от силы по полтора: очаровательные плюшевые пушистики с серьёзными, настороженными мордами. Настоящие маленькие собачки. Матвей медленно перебирал фотографии, чувствуя, как губы невольно складываются в улыбку.

Одобрительно кивнув, полковник снова заговорил:

– Если помните, полгода назад у всех кобелей проводился забор спермы для усиленного разведения собак подобных пород. Так что могу с полной ответственностью заявить, что это потомки вашего Роя.

Вздвигнув от неожиданности, Матвей выронил фотографии, растерянно уставившись на офицера.

– Вы не ослышались, всё именно так и обстоит, – кивнул полковник, заметив его реакцию. – Но это ещё не всё.

– Всегда и везде есть своё «но», – мрачно кивнул Матвей, подбирая фотографии.

– Согласен. А теперь я должен предупредить вас о сохранении тайны. Всё дело в том, что это не обычные щенки. Наши генетики научились вносить нужные изменения в ДНК животных. Эти малыши будут расти быстрее своих сородичей, станут сильнее, а главное – сообразительнее. Но у нас не было времени провести полномасштабные опыты в полевых условиях. Наш выбор пал на вас потому, что вы опытный кинолог и знаете, как правильно обращаться с собаками подобных пород. Ваша задача – вырастить щенка, обучить его охоте на ксеносов и снова влиться в группу СКС. Одновременно с этим вы будете регулярно докладывать нам о ходе эксперимента: как они растут, как обучаются и так далее. Согласны?

– Знаете, я всегда считал, что людей, проводящих подобные опыты, нужно ставить к стенке, – проворчал Матвей. – Ладно бы – лабораторные мыши, крысы. Но собаки... Это же не просто животные. Это члены семьи.

– Война идёт, Матвей. Война на уничтожение. До сих пор нас спасало только то, что эти сволочи не знают, на что способны мы и собаки. Да ещё то, что их, судя по всему, не так много. Но если так и дальше пойдёт, то скоро от всего населения планеты одни слёзы останутся, – тихо ответил полковник.

– Что вы пытались в них изменить? – устало спросил Матвей.

– Прежде всего темпы роста. Если помнишь, клонирование закончилось полным пшиком. Значит, повторять одни и те же образцы каждые полгода у нас просто нет ни времени, ни финансов. Ты за новостями следишь?

– Как? Телевизора-то нет. Радио глушат, а из прессы – только агитки, – пожал плечами кинолог, не отрывая глаз от фотографий.

– Ну да, – задумчиво кивнул полковник. – Ладно, попробую коротко ввести тебя в курс дела. С того момента, как на Землю налетели эти твари, от всех крупных городов остались одни развалины. Хвалёные американские системы слежения и противоракетные комплексы так и остались хвалёными. Они ни одной ракеты выпустить не успели. В Европе – полный развал. На Ближнем Востоке тут же принялись друг другу глотки резать. По последним данным от Тель-Авива одни воспоминания остались. Теперь и арабы, и иудеи, как в дохристианские времена, пешком по пустыням кочуют и даже забыли, кто есть кто. Просто выжить пытаются. Китай и Индия до сих пор не могут своих погибших похоронить. Сам понимаешь, их так много на маленькой территории было, что от любого взрыва погибало больше народу от обломков, чем от самого взрыва. Нас же пока спасают большая территория и большое наличие лесов, как и Южную Америку. В дебри эти твари соваться не решаются и даже почему-то не бомбят.

– Это всё интересно, но от меня-то вам что конкретно нужно? – вздохнул Матвей, нехотя возвращая ему фотографии.

– Как я уже сказал: вырастить щенка и попытаться его как следует натаскать за короткий срок. Да и вообще, внимательно следить за ним, отмечая все хорошие и плохие стороны. Нам бойцы нужны, понимаешь? А ничего лучше собак у нас пока нет.

– А что вы вообще об этих тварях знаете? – неожиданно спросил Матвей, вонзив в полковника тяжёлый, мрачный взгляд.

– В том-то и дело, что почти ничего. Одно удовольствие, что удалось одним старым спутником их корабль сбить. Остальные сразу подальше убрались.

– В каком смысле сбить? – вскинулся Матвей.

– В прямом. Был у нас на орбите старый спутник на консервации. Ронять в своё время не стали, он на ходу был, но оборудование устарело. Когда эти уроды на орбите появились, наши умники из Жуковского и решили попробовать. Дали команду с Земли, рассчитали траекторию полёта, разогнали его и шарахнули тараном в бок. Фейерверк тот ещё был!

– Это сколько же выпить надо было, чтобы до такого додуматься? – проворчал Матвей, качая головой.

– Неужели не слышал? Про этот случай по всем радиоканалам твердили, – удивлённо ответил полковник.

– Меня новости с полей мало интересовали. Я каждый день в рейд уходил. Только если Ройка уставал, я выходной брал, – ответил Матвей, судорожно вздохнув. – Старый он уже был. Восемь лет – для собаки возраст.

– Ты так и не ответил, Матвей Иванович: будешь кутёнка брать или как? – настойчиво спросил полковник.

– Щенка поднять – это не погулять выйти. Ему режим нужен, уход толковый, да и палатка – это не квартира. Слишком много запахов ненужных, да ещё сырость. Не знаю, – тихо ответил Матвей, покачав головой.

– Это всё не твоя забота. Жильём, питанием, кормами мы обеспечим. Твоя забота – собака.

– Неужели у вас своих специалистов нет? Не поверю. Не помню где, но в одной книжке прочёл, что у вас специалисты в любой области найдутся, да ещё такие, что любого гражданского за пояс заткнут. Так почему я? – снова спросил Матвей.

– Приятно говорить с умным человеком, – задумчиво кивнул полковник. – Всё верно, специалисты у нас есть, но они на другом задании. На каком – говорить не стану. Захочешь – сам догадаешься. А по поводу тебя так скажу: наши умники решили, что у тебя с этими зверёнышами должна связь на уровне подсознания установиться. Они же от твоего кобеля.

– Так вы хотите мне всех отдать? – растерялся Матвей.

– Нет. Сам одного выберешь. Кроме тебя к опыту ещё четверо привлекаются. Так что? Поможешь? – снова спросил полковник, и в его голосе Матвей неожиданно услышал самую настоящую надежду.

Удивлённо посмотрев на этого немолодого, сурового мужчину с коротко стриженными седыми волосами, Матвей сделал глубокий вздох и решительно кивнул. Чуть улыбнувшись, полковник облегчённо вздохнул и, поднявшись, неожиданно протянул Матвею руку:

– Спасибо.

– За что? – не понял Матвей.

– Начальство настаивает на твоём обязательном участии. Их умники так накачали, что ничего и слышать не хотят. Подавай тебя и всё.

– Похоже, они очень рассчитывают на мою связь с Роем, – удивлённо протянул Матвей.

– Не знаю, на что они рассчитывают, а я надеюсь только на твой опыт и на ненависть к этим тварям. Вы с твоим псом меньше чем за три года успели настоящей легендой стать. Будь у нас такое подразделение до войны, может, и не было бы таких потерь.

– До войны, – грустно усмехнулся Матвей. – До войны по всем каналам с визгом и брызгами слюны доказывали, что во всём собаки виноваты. Мол, развели убийц, запретить к размножению, усыпить всех. А то, что не собаки, а те, кто их такими делает, виноваты, об этом все молчали.

– Да уж, дерьма на них вылили много, – согласно кивнул полковник.

– Много? Не то слово, – фыркнул в ответ Матвей. – Ладно, замнём для ясности. Когда с малышами познакомишь?

– А прямо сейчас и отправимся, – ответил полковник заметно повеселевшим голосом.

Выйдя из палатки, они уселись в тонированный джип, и водитель, не говоря ни слова и ни о чем не спрашивая, запустил двигатель и, выехав с территории базы, уверенно погнал машину куда-то прочь от города. Спустя полчаса джип вкатился на территорию какого-то разрушенного завода и, въехав в полуразвалившийся ангар, остановился.

Полковник выбрался из машины и, дождавшись, когда Матвей последует за ним, молча направился куда-то в угол ангара. Дёрнув за торчащую из стены арматуру, он отодвинул в сторону приподнявшуюся крышку люка и начал ловко спускаться в открывшийся провал. Неопределённо пожав плечами, Матвей последовал за ним. Пройдя длинными, полутёмными коридорами, они добрались до широкой, судя по петлям, бронированной двери, и полковник, приложив ладонь к пластиковому прямоугольнику на стене, ровным голосом произнёс:

– Полковник Савенков.

В стене что-то зажужжало, потом раздался негромкий щелчок, и дверь начала отходить в сторону. С интересом понаблюдав за этим действием, Матвей вопросительно покосился на полковника и, дождавшись приглашающего жеста, шагнул через порог. К его удивлению, в помещении, где они оказались, было чисто, светло и даже свежо. Очевидно, система вентиляции здесь работала без перебоев. Пройдя коротким коридором, полковник свернул в боковую дверь и, остановившись, кивком головы указал на широкий манеж с бортами сантиметров тридцати в высоту. Подойдя к нему, Матвей с интересом заглянул внутрь и, не сдержавшись, с улыбкой тихо прошептал:

– Какие же вы сладкие, ребятки.

В манеже, беспокойно тычась блестящими пуговками носиков в разные стороны, ползали пять очаровательных пушистых комочков. Опустившись на колено, Матвей осторожно, кончиками пальцев погладил каждого из щенков и, повернувшись к полковнику, спросил:

– Их, случайно, не в пробирке вырастили?

– Нет, – недоумённо протянул тот.

– А где тогда сука?

– Её увели. На всякий случай, – ответил за полковника высокий сухощавый мужчина в белом халате и роговых очках.

– А теперь – приведите. На всякий случай, – в тон ему ответил Матвей, поднимаясь.

– Зачем? – тут же спросил очкарик, нависая над Матвеем эдаким вопросительным знаком.

– Затем, что я хочу сначала на суку посмотреть, а уж потом щенка выбирать. Ещё вопросы есть? – жёстко ответил Матвей, сунув руки в карманы.

Эта старая, ещё подростковая привычка осталась у него со времён шпанистой юности. Именно так он встречал на улице всех своих противников, давая таким образом понять, что именно думает об их боевых качествах. Поначалу это было чревато синяками и разбитыми губами, но потом, как следует научившись читать язык тела противников, он начал ловко уворачиваться от первого удара.

Мрачно насупившись, очкарик возмущённо сверкнул глазами и, повернувшись к полковнику, забрызжал:

– Андрей Сергеевич, мне обещали полное содействие в проекте, так что...

– Так что лучше заткнитесь и делайте, что говорят. Иначе вообще ничего не получите, – резко оборвал его Матвей, которому давно уже начал действовать на нервы весь этот цирк.

Задохнувшись от возмущения, очкарик развернулся и стремительно вышел из комнаты. Вскоре в коридоре послышались шаги и звук, который Матвей никогда ни с чем не перепутал бы. Цокот когтей по плиткам пола и тихое, едва слышное повизгивание. Сука явно волновалась за своих щенков. Влетев в комнату, она буквально втащила за собой проводника, оказавшегося молодой, спортивного вида девушкой. Одним прыжком влетев в манеж, сука быстро обнюхала щенков и, улёгшись на подстилку, облегчённо вздохнула. Кивком головы поздоровавшись с девушкой, Матвей снова опустился на колено и принялся внимательно рассматривать собаку. Продолжая держать в руке поводок, девушка, в свою очередь, принялась рассматривать самого Матвея. Сука, ещё раз обнюхав щенков, подняла голову и, посмотрев на сидящего у манежа человека, старательно втянула ноздрями его запах.

– Как её зовут? – спросил Матвей, не поворачиваясь.

– Вайда, – ответила девушка, не сводя с него внимательного взгляда.

– Сколько ей? Три, три с половиной?

– Три.

– Первая вязка?

– Да.

– Странно. Вы сказали, что они от Роя, а я не помню эту красавицу, – сказал Матвей, повернувшись к полковнику.

– Она была оплодотворена искусственно, – вместо полковника ответил очкарик.

– Её-то за что удовольствия лишили? – вздохнул Матвей, снова поворачиваясь к собаке.

Словно уловив его сочувствие, Вайда поднялась на лапы и, осторожно переступив через щенков, медленно подошла к борту манежа. Чуть улыбаясь, Матвей аккуратно протянул ей руки ладонями вверх и, дав обнюхать себя, тихо сказал:

– Ну, давай познакомимся, девочка. Не волнуйся, я их не обижу. Да, не обижу, обещаю, – приговаривал он, пока она, старательно обнюхав его руки, не потянулась к лицу.

Ткнувшись холодным носом ему в щёку, она неожиданно лизнула его в нос и вернулась к щенкам. Настороженно следившая за ними девушка удивлённо покачала головой и, помолчав, сказала:

– В первый раз вижу, чтобы она кого-то вот так сразу приняла.

– Значит, хорошие люди вам редко попадались, – усмехнулся полковник. – Знаете, как говорится, дети и собаки хорошего человека сразу чувствуют.

– Ерунда это всё. Все научные разработки по контакту людей и животных сводятся к их эмоциональному соответствию между собой. Это давно уже доказано, – сварливо буркнул учёный-сухарь и тут же получил полное опровержение своей научной сентенции.

Повернувшись к нему, Вайда оскалилась и выдала рычание, от которого этого желчного очкарика просто смело с места. Опасливо выглянув из-за полковничьего плеча, он возмущённо сверкнул очками и, повернувшись к девушке, снова принялся брюзжать:

– Держите свою собаку в узде. Если эта тварь посмеет меня укусить, я прикажу...

– Если ты или твои ублюдки её хоть пальцем тронете, я тебе сам шею сверну, подонок! – рявкнул в ответ Матвей, одним движением взмывая на ноги и подсакивая к учёному.

Обладавший отличной реакцией полковник успел перехватить его за плечи, не давая воплотить угрозу в жизнь. Испуганно шарахнувшись в сторону, очкарик замолк, но потом, взяв себя в руки, завизжал:

– Андрей Сергеевич, как это понимать?! При вас угрожают убийством ведущему специалисту проекта, а вы и ухом не ведёте!

– Вам бы лучше действительно помолчать, Эммануил Остапович, – неожиданно вызвился полковник. – Я ваши кошачьи вопли полгода слушаю, и, скажу вам откровенно, мне это изрядно надоело. Так что лучше помолчите.

Фыркнув, как рассерженный кот, учёный и вправду заткнулся. Мрачно покосившись на него, Матвей неожиданно понял, что отчёт по этому инциденту ляжет на стол начальству раньше, чем они уйдут из этого комплекса. Вдохнув, он взял себя в руки и вернулся к манежу.

– Ты определился? – тихо спросил полковник.

– Найдите, пожалуйста, вот такую коробку. Можно картонную, – вместо ответа попросил Матвей, руками показывая, какая именно коробка ему нужна.

Удивлённо пожав плечами, полковник вышел из комнаты и спустя несколько минут вернулся с требуемым предметом в руках. Передав коробку хозяйке собаки, Матвей попросил:

– Пересадите всех щенков сюда, а полковник вынесет их в другую комнату. Потом – вы отпустите Вайду.

Покосившись на полковника, девушка быстро усадила всех малышей в коробку и, передав её полковнику, крепко взяла суку за ошейник. Вынеся щенков, полковник вернулся в комнату и, пожав плечами, сказал:

– И что дальше?

Вместо ответа Матвей жестом попросил девушку отпустить собаку. Легко перемахнув через борт манежа, Вайда моментально исчезла за порогом. Все стоявшие в комнате вопросительно уставились на Матвея. Ничего не говоря, он продолжал ждать. В коридоре послышался быстрый стук когтей, и в комнату вбежала Вайда, неся в зубах кутёнка. Положив его в манеж, сука развернулась и снова исчезла в коридоре. Чуть улыбнувшись, Матвей достал принесённого щенка и, быстро осмотрев, вздохнул:

– Вот этого и возьму. Раз уж ты, малыш, от Роя, то Роем и будешь.

Расстегнув рубашку, он сунул щенка за пазуху так, чтобы на улице оставалась только мордочка. Почувствовав тепло его тела, кутёнок повозился, устраиваясь поудобнее, и, прикрыв глаза, затих. Тем временем Вайда уже перетаскала обратно всех щенков и, улёгшись в манеж, настороженно уставилась на людей.

– Может, вы поясните суть этого камлания? – послышался ехидный вопрос, и на середину комнаты выступил очкарик.

– Да пошёл ты. Ничего я тебе пояснять не буду, урод, – огрызнулся Матвей, демонстративно поворачиваясь к нему спиной.

– Андрей Сергеевич, это просто возмутительно. Я должен знать критерий, по которому участник проекта отбирает себе объект.

– Сам ты объект. А это – щенок, живое существо, можно сказать, член семьи, – зарычал в ответ Матвей.

– Матвей, лучше расскажи ему, всё равно ведь не отвяжется, – устало попросил полковник.

– Если унести щенков, сука сама выберет лучшего, – коротко ответил Матвей.

– Откуда это известно? В каком научном труде описан подобный способ выбора щенка? – тут же потребовал отчёта очкарик.

– Нет таких описаний, – злорадно ответил Матвей. – Этот способ ещё испокон веков известен был. Сука всегда выбирает первым лучшего щенка. Но если уж вам так важна научная составляющая, отвечу: я потому и попросил принести коробку именно небольшого размера, чтобы щенки были в одной плотной кучке. Самый сильный щенок всегда первым выбирается наверх, и сука берёт его, естественно, первым.

– Чёрт знает что! – снова принялся возмущаться очкарик. – Никакой конкретики и определённости. Одни сплошные домыслы и выдумка.

– Слушай, как тебя там, Потапыч, жизнь – это не цифры и формулы, а опыт, умение и иногда мистика, – усмехнулся в ответ Матвей.

– Я не Потапыч, а Остапович, – сумел выдавить из себя учёный, задыхаясь от возмущения.

– А мне без разницы, – пожал плечами Матвей и, повернувшись к полковнику, спросил: – Где нас устроят?

– Пошли, – улыбнулся полковник, жестом указывая ему на дверь.

Кивком головы попрощавшись с девушкой, Матвей вышел в коридор. Поднявшись обратно в ангар, они снова уселись в джип. Водитель, увидев торчащую из под рубашки мордочку, не удержался и, расплывшись в улыбке, протянул руку, чтобы погладить щенка.

– Не надо, – остановил его Матвей, осторожно отведя руку. – Щенки запоминают руки. Не нужно, чтобы к нему лишний раз прикасались посторонние. На первых порах это должны быть только руки хозяина.

– Ишь ты, целая наука, – удивлённо качнул головой водитель и запустил двигатель.

Повернувшись к полковнику, Матвей вздохнул и, чуть пожав плечами, сказал:

– Извините, Андрей Сергеевич, но неужели среди всех яйцеголовых не нашлось хоть одного приличного человека? Это же ходячий циркуль какой-то, а не человек.

– Знаю, – поморщился полковник так, словно съел лимон. – Но он – лучший в своём деле. Поэтому и приходится терпеть эту сволочь.

– Полностью согласен с предыдущим оратором, – вздохнул Матвей. – И ещё, боюсь, после нашего знакомства он на вас такую телегу накатает, что вони не оберёмся.

– Пускай катает, – усмехнулся полковник. – Он своими телегами давно уже всё начальство завалил. Даже замечание сделали, чтобы бумагу впустую не переводил. Так что плевать. Скажу откровенно, только между нами: я получил настоящее удовольствие, когда вы его при-
нялись по стенке размазывать. Давно этому циркулю такого фитиля не вставляли.

– Рад, что вам понравилось, – усмехнулся Матвей, осторожно поглаживая выглядывавшую из-под рубашки мордочку.

– Не бойтесь, что обдует? – спросил полковник, кивая на кутёнка.

– Нет. Они как грудные дети – чуточку водички, и всё. Железы ещё работать не начали. Вот месяца через полтора-два – это да.

– Не забываете, что он будет расти быстрее обычных щенков, – напомнил полковник.

– А жаль, – вздохнул Матвей. – В этом возрасте они такие лапочки!

– Да уж! На что я ровно ко всякой живности отношусь, и то не смог от улыбки удержаться, когда в первый раз их увидел.

– Надеюсь, Вайду не в том комплексе держат?

– И кто вас больше беспокоит, собака или её хозяйка? – иронично усмехнулся полковник.

– Откровенно говоря, собака. В её положении гулять много нужно, и желательно по травке. Хозяйка и сама о себе позаботиться может.

– Откуда такая уверенность?

– Воспитать собаку серьёзной породы не просто. Тут характер иметь нужно.

– Понятно. Только где ж я сейчас им травку возьму? – вздохнул полковник.

– Вот поэтому толковые кинологи всегда ближе к весне собаку вяжут, чтобы и сука, и щенки могли на воздухе побыть.

– Вот уж точно целая наука, – усмехнулся полковник.

Их привезли в какую-то глухую деревню, из которой жителей давно уже эвакуировали. Как объяснил Матвею всё тот же полковник, разведка решила использовать деревню в своих целях, заселяя в дома своих людей. Здесь находились в основном семьи офицеров и те, кто получал небольшой перерыв в работе. Сама деревня охранялась как настоящий режимный объект. Каждые пятьдесят метров – весь периметр охранялся часовыми с собаками: огромными лохматыми кавказскими овчарками. По улицам деревни регулярно проходили патрули, также с собаками. С одобрением покосившись на часовых, Матвей внимательно осмотрел собак и, кивнув, направился в дом, у которого остановился джип. Заметив его реакцию, полковник насторожился и, дождавшись, когда Матвей войдёт в дом, спросил:

– Что интересного усмотрели?

– Да так, на собак полюбовался, – неопределённо пожал плечами Матвей.

– А если серьёзно? – не отставал полковник.

– На поясах у ваших бойцов какие-то тряпки болтаются. Насколько я могу судить, это специальный опознавательный знак типа «свой – чужой». Человек этот запах учуять не может, а собаки узнают сразу, и любой, появившийся на территории объекта без такой тряпочки, с ходу будет порван на тряпочки, – ловко скаламбурил Матвей.

– Точно, – одобрительно рассмеявшись, ответил полковник.

Быстро распахивая двери, полковник принялся знакомить Матвея с его новым домом. К удивлению кинолога, здесь было всё, что могло бы потребоваться обычному горожанину, привыкшему к изыскам цивилизации. С небольшой оговоркой: после наступления темноты ставни на окнах должны быть плотно закрыты. Распахнув дверцу холодильника поменьше, полковник молча продемонстрировал набор продуктов и консервов, после чего, открыв дверцу холодильника побольше, наставительно заговорил:

– Как вы понимаете, щенок этот не совсем обычный, и вам придётся соблюдать особый режим кормления. В этих бутылочках – смесь, по составу идентичная молоку собаки, но с добавлением всех необходимых витаминов и препаратов. Они все подписаны, так что не запутаетесь. Здесь – комплекс витаминов для укрепления костей, шерсти и хрящей, – продолжил он, указывая на склянки с таблетками.

– Да? И как вы себе представляете порядок их применения? – иронично усмехнулся Матвей. – Похоже, всё это дерьмо готовил ваш Потапыч.

– А что вам не нравится? – моментально насторожился полковник.

– Андрей Сергеевич, ну хоть вы голову включите, – устало вздохнул Матвей. – Там же таблетки лошадиные, а у щенка горлышко крошечное. Он же не за два дня до взрослого состо-

яния вырастет. Кроме того, я даже не сомневаюсь, что это такая гадость на вкус, что любая взрослая собака её выплюнет, не то что такой малыш.

– Чёрт, а ведь точно, – растерянно ахнул полковник. – И чего теперь делать?

– Мне в любом случае тонко перекрученный фарш потребуется, чтобы приучать его к жёсткой пище. Так что буду понемногу в него эту мерзость добавлять, – чуть подумав, ответил Матвей, внимательно просматривая надписи на склянках. – Что с кормом для него?

– На первое время есть, а потом будем подвозить, по мере необходимости, – быстро ответил полковник. – И вот ещё что. Перед тем как выйти из дома, обязательно опрыскайте вот этим какую-нибудь тряпку и повесьте её на пояс. Надеюсь, пояснять зачем – не нужно?

– Нет, – коротко ответил Матвей, внимательно рассматривая аэрозольный флакон без маркировки. – Думаю, я сделаю лучше. Плесну немного на свои штаны. Всё равно других у меня нет, так что до стирки запах продержится.

– Кстати, о штанах. Вам потребуются кое-какие вещи, поэтому вот вам бумага, ручка, и, пока я здесь, составьте список того, что вам потребуется в ближайшее время. Остальное будем привозить по мере необходимости.

Присев к столу, Матвей на несколько минут задумался и принялся быстро писать список того, что могло потребоваться ему сразу. Как выяснилось, требовалось ему всё. От туалетных принадлежностей до нижнего белья. Все его немудрящие пожитки остались на старой базе, и за всеми этими перипетиями он и не вспомнил о них. Составив список, он протянул его полковнику и, подумав, спросил:

– Андрей Сергеевич, а хоть каким-нибудь стволом не разодолжите? А то сидишь тут как голый. Я, конечно, понимаю: охрана и всё такое... Но не могу я без оружия. Отвык.

Понятливо кивнув, полковник взял со стола связку ключей и, продемонстрировав один Матвею, широким жестом распахнул дверь кладовки. За обычной фанерной дверцей обнаружился железный шкаф. Отперев замок, полковник распахнул дверцу и показал Матвею внушительный набор оружия. Автомат, стандартный армейский АКМ. После нападения ксеносов правительство решило вернуться к более мощному калибру 7,62. Пистолет ПСМ с четырьмя запасными обоймами и кучей патронов в упаковках. Подойдя к сейфу, Матвей взял автомат и, быстро передёрнув затвор, спустил курок и одобрительно кивнул, услышав упругий шелчок. Проверив пистолет, он достал из сейфа кобуру и принялся снаряжать обоймы. Повесив кобуру на пояс, он привычно сдвинул её набок и, заперев сейф, облегчённо выдохнул:

– Вот теперь можно и хозяйством заняться.

– Вы так и будете его на себе носить? – с интересом спросил полковник, пальцем указывая на щенка, спокойно спавшего за пазухой Матвея.

– Первое время, пока не обвыкнется. Сука регулярно покидает логово, но в помёте их было пятеро, и поэтому они не беспокоились. Теперь ему придётся привыкать к одиночеству. Но не так резко. Это может надломить психику.

– И в чём это выражается?

– Собака становится беспокойной. Бывают приступы немотивированной агрессии. Воеет, когда остаётся одна.

– И всё это только из-за того, что его забрали от матери и оставили одного? – удивлённо спросил полковник.

– Это одна из основных причин. Понимаете, психика собаки – это совсем не то, что психика человека. Мы, считая себя венцом творения, пытаемся загнать их в привычные нам рамки, и это – самая большая глупость, которую только может сделать человек в отношениях с животными. Мы требуем, чтобы нас воспринимали такими, какие мы есть, при этом даже не пытаясь применять это правило к животным. А между тем каждая собака, каждая лошадь, которую мы используем для работы или службы, это прежде всего индивидуальность. Они чувствуют, любят, ненавидят и даже думают. Но всё это они делают по-своему. Для них любая

семья – это прежде всего стая, где они пытаются занять своё место. И далеко не всегда это место последнее. Знаете, много лет назад, в девяностых годах прошлого века, когда развалился Советский Союз, все питомники под Ленинградом были забиты подростками щенками ротвейлеров и доберманов. Люди брали их, думая, что таким образом смогут обеспечить себе защиту, а когда щенки подрастали – вынуждены были избавляться от них, так как подрастающие щенки входили в силу и начинали отвоёвывать себе место в стае. В итоге – укусы, драки и даже смерть одного из членов семьи. Ведь щенок дерётся так, как диктует ему природа, пуская в ход всю свою силу и навыки, наработанные многими поколениями предков. И это относится не только к крупным породам собак. Кусаются практически все. Однако укус спаниеля и укус ротвейлера – это качественно различные вещи. Но среди обывателей почему-то постоянно культивировались слухи, что породистую собаку и дрессировать не нужно. Она и так всё знает. Согласитесь с тем, что это – полный бред. Даже ребёнка нужно старательно всему учить. Что же тогда говорить о собаке, в генетике которой заложены совсем другие, совершенно отличные от человеческих ценности? Знаете, среди кинологов бытует такой анекдот: встречаются кинолог и владелец боевого пса. Кинолог смотрит на собаку и спрашивает: ваша собака дрессированная или просто породистая?

– Специфический анекдот. Я его не совсем понял, – откровенно признался полковник.

– Вспомните, что я вам только что рассказал, – усмехнулся Матвей.

– Знаете, я бы с удовольствием свёл вас с нашими биологами и послушал ваш спор.

– Боюсь, ничего бы из этого не вышло.

– Почему?

– Мы по-разному думаем. Они будут доказывать мне всё, исходя из научных обоснований, а я буду упираться на собственный опыт и рассказы друзей. Сами понимаете, это будет спор глухого с немым.

– Что ж, с вами очень интересно говорить, но мне, к сожалению, пора. Ещё много дел. Кстати, я так и не услышал, какие отличия вы заметили между обычными щенками и этим чудом.

– Практически никаких. Кутёнок и кутёнок, таких – двенадцать на дюжину. Думаю, все изменения проявятся позже, когда он начнёт подрастать. А кому отдадут остальных?

– Трёх раздадут кинологам, а одного оставят в лаборатории для наблюдения.

– Надеюсь, они не собираются ставить на нём опыты?

– Не знаю, а что?

– Собаки хорошо запоминают тех, кто причинил им боль, а ротвейлер – это не та порода, с которой можно шутки шутить. Ротвейлеры бывают очень преданными и очень опасными, как противники. Даже обычные ротвейлеры. А уж про таких, геноизменённых, я даже говорить не хочу.

– Почему?

– Ну, во-первых, я не знаю, что из всего этого получится, а во вторых, если этот проект сработает, то пёс найдёт способ, как отомстить причинившим боль.

– Станный у нас с вами разговор получается. Такое впечатление, что я с провидцем говорю или каким-нибудь ясновидящим.

– А также ясно слышащим и ясно дышащим, – усмехнулся в ответ Матвей. – Ерунда это всё. Просто я хорошо знаю эту породу.

– Что ж, я прощаюсь, но не надолго. Думаю, на днях мы снова увидимся, – кивнул ему полковник, протягивая руку.

Проводив его, Матвей старательно запер дверь и, посмотрев на часы, решительно направился к большому холодильнику. Пора было кормить малыша.

* * *

К удивлению Матвея, полковник действительно привёз всё, что он указал в своём списке, прибавив к этому ещё и несколько комплектов армейской камуфляжной формы, к которой он так привык за время войны. Щенок, которому Матвей устроил в старом чемодане настоящее логово, уже заметно подрос и постепенно переходил на твёрдую пищу.

Подчиняясь требованию полковника, Матвей каждый вечер обмерял и взвешивал щенка, поражаясь скорости, с которой тот рос. Его отчёты больше напоминали написанные от руки короткие рассказы, но на все высказывания на этот счёт Матвей только пожимал плечами, отвечая, что он не учёный, а собаковод.

Вскоре двухмесячный кутёнок выглядел как полугодовалый пес и вёл себя соответственно. Его сообразительность основательно проявилась во всей своей красе, когда Матвей, оставив пса в доме одного, занялся колкой дров. Стояла поздняя осень, и по ночам уже заметно подмораживало. От души намахавшись топором, Матвей вернулся в дом и, свалив у печки охапку поленьев, вернулся в прихожую переобуться. Первое, что бросилось ему в глаза, были изжёванные задники его домашних тапок, а из-за угла выглядывала лопоухая голова со škодным выражением на мордахе. Чуть усмехнувшись, Матвей взял с полки старую газету и, сворачивая её в трубку, грозно спросил:

– Это что ещё за фокусы такие? Давно по заднице не получал? Тебе кто разрешал тапки мои трогать?

Увидев такое страшное орудие наказания, кутёнок стремительно развернулся и со всех лап кинулся на своё место, отлично зная, что там его никто не тронет. Не удержавшись на повороте, псёныш хлопнулся на бок и, со всего размаху въехав попой в стену, в два прыжка добрался до своего логова. Глядя на этот акробатический этюд, Матвей не удержался от смеха. Отложив газету, он подошёл к логову и, присев на корточки, заглянул внутрь. Из-под фанерной крышки выглядывал любопытный чёрный нос, а на škодной мордахе заглавными буквами было написано: «Что, съел? Не догнал?»

– Ладно, паршивец, жрать захочешь – сам вылезешь, – усмехнулся Матвей, поднимаясь и выходя на кухню.

Услышав хорошо знакомый стук столовой посуды, Рой выбрался из логова и, осторожно подобравшись к порогу, принялся старательно принюхиваться к витающим по кухне запахам. Делая вид, что не замечает его, Матвей разогрел себе гречневую кашу с тушёнкой и, усевшись за стол, принялся за еду. Просочившись на кухню, псёныш сунул нос в свою миску и, увидев, что там пусто, с возмущением уставился на Матвея. Всё так же не обращая на него внимания, Матвей вымыл посуду и, убрав всё в сушилку, снова вышел на улицу. Вскоре входная дверь просто затряслась от ударов, когда щенок принялся драть её лапами, требуя обратить на него внимание. Но Матвей старался выдержать характер. В этой схватке воли он просто обязан был показать, кто в доме хозяин.

У калитки послышался звук мотора, и во двор вошёл полковник Савенков. Удивлённо покосившись на содрогаящуюся дверь, полковник подошёл к Матвею и, крепко пожав протянутую ладонь, спросил:

– Он что там, дерётся с кем-то?

Услышав шаги постороннего, Рой залился звонким, ещё визгливым из-за возраста лаем. Как ни крути, а охранные функции в нём работали отлично. Усмехнувшись в ответ, Матвей отрицательно мотнул головой, коротко ответив:

– Воспитательный процесс. Выясняем, кто главнее.

– И как? Получается? – с интересом спросил полковник.

– Ну, дверь точно красить придётся, – усмехнулся Матвей. – С чем пожаловали?

– Наши умники требуют привести вас обоих для тщательного осмотра. Ваши отчёты их не устраивают.

– Только нас или собирают весь помёт? – насторожился Матвей.

– А в чём разница? – не понял полковник.

– В том, что если всех, то это соответствует действительности, а если только нас, то это явная попытка отыгаться за мои рассуждения при первой встрече, – пожал Матвей плечами.

– Чёрт, а ведь точно! Как это я не заметил? – растерялся полковник.

– Дел много, забот ещё больше. Так что я, откровенно говоря, удивляюсь, что вы сюда сами приезжаете. Думал, будете своих ребят посылать.

– Откровенно говоря, пользуюсь случаем, чтобы просто сбежать и привести мысли в порядок. А заодно проверить, всё ли здесь в порядке. У меня тут семья, – пояснил полковник с некоторым смущением.

– Не оправдывайтесь, – грустно улыбнулся Матвей. – Я вас хорошо понимаю.

– Да и скажу честно, ваши рассказы о собаках меня здорово заинтересовали. Дочка моя всё щенка просит, вот я и решил с вами посоветоваться, кого лучше брать.

– Если серьёзно, то служаку, а если просто для игры, то лучше лабрадора ещё ничего не придумали, – задумчиво протянул Матвей.

– Не время для игр. Думаю, служака будет в самый раз, – вздохнул полковник.

– С ним работать надо. Серьёзно работать. Как я уже говорил, есть собаки породистые, а есть дрессированные.

– Вы всё равно здесь живёте, может, поможете ей? – осторожно попросил полковник.

– А сколько лет дочери?

– Тринадцать.

– Дурацкий возраст. Сами не знают, чего хотят.

– Ну, с собаками у неё очень серьёзно. Она уже два года у меня щенка клянит. Несколько раз её караульные из вольеров с местными крокодилами вытаскивали. Я потому и согласился, что боюсь, как бы это дело плохо не кончилось.

– Для девочки из служак лучше всего боксёры подходят. Собаки не самые крупные, добродушные, но дело своё знают туго. И драться умеют по-настоящему. А самое главное, работать с ними достаточно просто. Вот только щенка хорошего найти сейчас трудно. Измельчала порода.

– Ну, этот вопрос я на себя беру. Вы только выбрать правильно помогите, ну, и потом чтобы всё правильно было. – Голос полковника неожиданно стал просительным.

– Погодите, вы сказали, что дочку из вольера вытаскивали. А мама её куда смотрела? – неожиданно насторожился Матвей.

– Погибла она. Вместе с тещей. Вот мы с Машкой одни и остались, – вздохнул полковник.

– Так она у вас целыми днями одна сидит? – удивился Матвей.

– Ну, девочка она умная, так что особых проблем с ней не бывает. Да и соседки приглядывают. В общем, выкручиваемся, – снова вздохнул полковник.

– Знаете, если хотите, можете её сюда привозить, – ответил Матвей. – Ей будет наука, как с собакой обращаться, да и мне не так одиноко будет. У меня ведь тоже дочка была, – тихо добавил он, опуская голову.

– Если уверены, что девочка не помешает, то я только благодарен буду, – с радостной улыбкой ответил полковник.

– Не помешает, – решительно ответил Матвей. – Только скажите, чтобы в штанах приходила. Щенок молодой, азартный, поцарапать или уронить может.

– Она и так из них не вылезает, – махнул рукой полковник. – Тогда я её после школы завтра привезу.

– Договорились, – кивнул Матвей. – А теперь берегите пенсне, Киса.

– В смысле?

– Я пса выпускаю, – рассмеялся Матвей, одним движением распахивая дверь.

Выскочив из прихожей, псёныш с азартом подлетел к замершему полковнику и, с ходу облаив его, удивлённо остановился. На задумчивой мордочке было ясно написано: «Что за дела? Я же тебя пугаю, а ты почему-то не боишься».

С интересом глядя на щенка, полковник покосился на Матвея и, чуть пожав плечами, осторожно спросил:

– Если с места сойду, штаны не порвёт?

– Вот заодно и проверим, – усмехнулся Матвей и, выпрямившись, твёрдым голосом внятно приказал, одновременно хлопая себя по бедру:

– Рой, ко мне.

Нехотя отвернувшись от такого интересного человека, псёныш задумчиво покосился через плечо на хозяина и, подумав, не спеша выполнил команду. Подойдя к кинологу, он уселся перед ним на задние лапы и, склонив голову набок, ответил ему долгим задумчивым взглядом, словно спрашивая: «Ну, подошёл, и дальше что?»

– Молодец, мальчик, хорошо, – похвалил его Матвей, доставая из кармана кусочек пресной галеты.

Схрумкав лакомство, щенок выразительно покосился на карман и, вздохнув, снова вопросительно посмотрел на Матвея. Погладив его, кинолог снова хлопнул себя по бедру, отдавая следующую команду:

– Рядом.

Подумав, Рой не спеша обошёл его по кругу и, оказавшись слева, снова сел. Получив ещё кусочек галеты, псёныш весело завилял коротким обрубок хвоста и, едва увидев, как полковник шагнул к дому, стремительно метнулся вперёд. Не добегая до гостя одного шага, щенок чуть припал на передние лапы, одновременно грозно издав: «Гав!» С интересом наблюдая за ним, Матвей покачал головой и, усмехнувшись, проворчал:

– Вот ведь упёртый, паршивец.

Не понимая, что его так насмешило, полковник подозрительно покосился на щенка и с удивлением понял, что тот внимательно изучает его реакцию на свою выходку.

– Это что было?

– Очередная попытка вас напугать. Он этого с самого начала добивается, – улыбнулся Матвей.

– У меня такое впечатление, что он просто ждёт моей реакции.

– И вы абсолютно правы, – кивнул Матвей.

– Вот ведь засранец, – проворчал полковник. – Ладно, Матвей Иванович, собирайтесь. Нас в лаборатории ждут.

– Нищему собраться – только подпоясаться. А вы учтите, что ничего колоть или скармливать ему я не позволю. Во всяком случае, до тех пор, пока мне толком не объяснят, что это такое и для чего.

– Не беспокойтесь. На вас возлагаются большие надежды, так что, циркуля уже предупредили.

– Ну, будем надеяться, – проворчал Матвей, быстро накидывая куртку и беря Роя на поводок.

Заперев дом, он усадил щенка на заднее сиденье и, усевшись рядом, устало вздохнул.

– Что-то не так? – моментально отреагировал на его вздох полковник.

– Не нравятся мне такие вызовы. Да и Ройка ещё слишком маленький, чтобы лишний раз встречаться с посторонними людьми. Это служебная собака, и трогать его могут только хозяин и члены его семьи. Все остальные должны держаться подальше.

– Не объясните почему?

– Основная функция этих собак – охранять и защищать. И именно в детстве у них закладывается восприятие тех, кого именно они должны защищать. Все остальные, согласно правилам дрессуры, для них должны быть посторонними, за которыми нужно внимательно следить и ожидать от них агрессии. Это базовые понятия. Я, конечно, описываю их достаточно грубо, но суть, по-моему, ясна.

– Предельно, – кивнул в ответ полковник, с интересом оглядываясь на Роя.

Оказавшись в лаборатории, псёныш повёл себя довольно неожиданно. Внимательно обнюхав все углы, он решительно потянул Матвея туда, где не так давно они и познакомились. Отпустив поводок на полную длину, кинолог решительно последовал за щенком, внимательно наблюдая за его реакцией. Влетев в комнату, где тогда находился манеж, щенок принялся старательно обнюхивать пол, скуля и тихо повизгивая.

– Что это с ним? – насторожился полковник.

– Честно говоря, я и сам не совсем понимаю. Но разумное объяснение у меня только одно. Либо он чувствует, что здесь недавно была Вайда, его мать, либо он помнит, что его именно здесь забрали от семьи, – задумчиво протянул Матвей, продолжая наблюдать за Роем.

– Суку сюда больше не привозили, а всех щенков сразу отводили в лабораторию. Точнее, двух из всего помёта. Вы приехали третьими, – удивлённо ответил полковник.

Но договорить им не дали. В комнату решительным шагом вошёл тот самый пресловутый циркуль и, увидев Матвея, вместо приветствия мрачно проговорил:

– Собаку – в лабораторию. Нужны кровь и слюна на анализ.

– Не так быстро, господин учёный, – жёстко сказал Матвей.

– Андрей Сергеевич, наведите порядок. Мне мешают работать, – презрительно фыркнул циркуль, не обращая на Матвея внимания, словно тот был пустым местом.

Встав между Роем и двумя вошедшими следом за циркулем помощниками, Матвей демонстративно отстегнул клапан своей кобуры и, положив ладонь на рукоять пистолета, зло оскалится:

– А ну, замрите на местах, трубки клистирные, а то ненароком дырок понаделаю. К моей собаке никто, кроме меня, не прикоснётся.

– Как это понимать?! Андрей Сергеевич, что это значит? – спросил циркуль, от возмущения срываясь на визг.

– Это значит, что Матвей Сергеевич будет делать всё сам. Вы обеспечите его необходимыми инструментами и скажете, что делать.

– Это недопустимо! Собаку нужно немедленно обездвижить и подвергнуть тщательному изучению. Наш проект слишком важен, чтобы позволять всяким неуклюжим недоучкам вмешиваться в процесс.

– Значит, вообще ни хрена не получите, – усмехнулся Матвей, с ненавистью глядя на учёного.

– Господин полковник, или вы немедленно арестуете этого человека, или я сообщу вашему начальству, что вы саботируете проект! – снова завизжал циркуль.

– Заткнись, тварь, пока я тебя и вправду не пристрелил, – зашипел Матвей, выхватывая пистолет и досылая патрон в патронник.

В закрытом пространстве комнаты лязг затвора прозвучал особенно звонко. Понимая, что терять этому человеку нечего и что свою угрозу он запросто может привести в исполнение, полковник быстро встал перед Матвеем, закрывая яйцеголового широкой спиной. Заметив его движение, Матвей помрачнел и, вскинув пистолет, прошипел:

– Бесплезно, полковник. С такого расстояния, я ему даже мимо тебя сумею яйца отстрелять. Ты моё дело читал, так что знаешь, что стреляю я неплохо.

– Угомонись, псих. Под трибунал захотел? – попытался урезонить его полковник, но Матвея уже понесло.

Потеряв всё и совершенно случайно обретя рядом единственную живую душу, он просто не мог позволить кому-то причинять малышу боль. В него словно бес вселился. Злость, ненависть, обида, желание защитить – смешались в один убойный коктейль, заставивший его сознание отступить, а кровь бешено нестись по жилам.

Полковник, заглянувший в его серые глаза, поперхнулся на полуслове и растерянно отступил. И этих глаз на него смотрел не человек, а сама смерть. Понимая, что в таком состоянии этот ненормальный способен наделать серьёзных бед, полковник принялся спиной выжимать учёного в коридор, стараясь не делать резких движений. Оказавшись в коридоре, он моментально развернулся и, ухватив яйцеголового за отвороты халата, яростно зарычал:

– Ты понимаешь, кретин, что этот парень сейчас здесь может настоящую бойню устроить? Этот кутёнок ему дороже десятка таких, как ты.

– Мои изыскания не могут быть прерваны из-за эмоционального состояния какого-то неуравновешенного субъекта. Это чистая наука, а не ваши шпионские игры в стиле плаща и кинжала, – с фанатичной настойчивостью ответил циркуль. – Моя теория генетического формирования организма и сознания плотоядных животных должна получить своё подтверждение.

– Ах ты тварь! Так ты вместо дела здесь свои теории отрабатываешь?! – рявкнул полковник, коротко всаживая кулак в живот циркулю.

Сложившись пополам, яйцеголовый хрипло застонал, пытаясь глотнуть хоть каплю воздуха и расслабить скрученные узлом мышцы. Но полковник решил не останавливаться на достигнутом. Этот склочный, желчный человек давно уже не вызывал у него ничего, кроме раздражения и злости. На лежащего на полу учёного градом посыпались резкие, сильные удары. Экзекуцию прервал голос появившегося в коридоре человека. С полминуты понаблюдав за избиением, он чуть усмехнулся и громко спросил:

– Чем это вы там занимаетесь, полковник?

– Интеллигента бью, – зло выдохнул Савенков, моментально разворачиваясь к подошедшему.

– Интересное занятие. Главное – увлекательное, – усмехнулся пожилой подтянутый мужчина. – А теперь, может, поясните мне причину столь бурного проявления эмоций?

– Если в двух словах, то этот гражданин вместо работы над проектом занимался поиском подтверждения своей теории.

– Вот как? Может быть, объяснитесь, Эммануил Остапович? – повернулся мужчина к медленно поднимающемуся учёному.

– Я не обязан объяснять научные теории каждому профану. Это только моя теория, и до тех пор, пока она не проверена, она принадлежит только мне, – прохрипел циркуль, с трудом поднявшись на колени.

– Понятно. Арестовать, – прозвучал короткий приказ, и двое безликих парней уволокли учёного куда-то в глубь комплекса.

Повернувшись к полковнику, мужчина удручённо покачал головой и, подумав, спросил:

– Что у нас есть?

– Одна особь, с которой работал объект, выглядит очень обнадеживающе, – осторожно ответил полковник.

– Он здесь?

– Прошу, – ответил полковник, жестом указывая на дверь в комнату, где всё ещё приходил в себя Матвей.

Однако в комнату полковник вошёл раньше своего начальства. Быстро подойдя к Матвею, он осторожно заглянул ему в глаза и тихо спросил:

– Успокоился?

– Почти, – выдохнул тот, делая ещё один глубокий вдох.

– Тогда знакомьтесь: генерал Александр Юрьевич Лоскутов. Матвей Иванович Беркутов, кинолог, сержант отряда СКС, командир патрульной группы, – представил он друг другу мужчин.

– Гладиатор, – удовлетворённо кивнул генерал, подавая Матвею руку.

– Он самый, – мрачно буркнул тот, отвечая на рукопожатие и внимательно присматриваясь к собеседнику.

– Читал ваше дело. Должен сказать, впечатляет. И примите мои соболезнования по поводу гибели ваших близких. Всех: и женщин, и собаки.

– Спасибо, – всё так же коротко ответил Матвей.

– Признаюсь откровенно, сам готов был отдать приказ на уничтожение того подонка, да вы опередили. Мы очень рассчитывали на вашего пса. Таких, как он, у нас, к сожалению, немного.

– Старый он уже был, – тихо вздохнул Матвей.

– Знаю. Но мы планировали использовать его в подготовке молодых собак. В проекте.

– Простите, но я не совсем вас понял, – покачал головой Матвей. – Обычно собак натаскивают не чужим примером, а собственным опытом.

– Если вы заметили, это не обычные собаки, – улыбнулся в ответ генерал. – Ну, а теперь поделитесь, что необычного заметили за своим питомцем?

– Пока немного. Растёт удивительно быстро и соображает так, что иной раз в тупик ставит, а в остальном – обычный пёс.

– Соображает – это хорошо. Даже очень... – задумчиво протянул полковник. – А пойдёте-ка, Матвей Иванович, чайку попьем и побеседуем, – неожиданно предложил генерал, широко улыбнувшись.

* * *

Спецагент ФБР Джесси Сталк старательно загребал вёслами, пытаясь вывести тяжёлый вельбот к кромке ледяного припоя. Ворочая длинными вёслами, он мысленно пытался сам себе ответить на один единственный вопрос: какого чёрта он делает в этой ледяной пустыне?

Родной берег, от которого он отчалил на рассвете, давно уже остался за кормой, и теперь, изредка оглядываясь, Джесси с радостью отмечал, что чужая земля медленно, но верно, приближается. Получив приказ: «Добравшись до Аляски, пересечь Берингов пролив и на собачьей упряжке дойти до жилых мест в России», – он, грешным делом, решил, что его начальство окончательно спятило. Подобное путешествие для одиночки – это верная смерть, если вспомнить, что и на Аляске, и на Чукотке в любой момент может разыгаться непогода или измениться ледовая обстановка. Но к его вящему удивлению, начальство оказалось здоровым, адекватным и даже трезвым. Получая задание, Джесси не верил собственным ушам. Как оказалось, стремительное нападение ксеносов вывело из строя не только энерго-, газо- и тому подобное снабжение. Агрессоры сумели наладить слежение за всеми механическими объектами, перемещающимися над поверхностью Земли. Это означало, что долететь до нужной точки земляне просто не могли. Небольшое исключение составляли только боевые самолёты, но и тут были свои проблемы. Каждый взлёт такого аппарата вызывал массовый обстрел места взлёта. Таким образом, оставались только истребители вертикального взлёта, которые можно было использовать на воде с палубы авианосца или в местах, скрытых в зелёных массивах. По какой-то непонятной причине гуманоиды не рисковали соваться в них даже с орбиты.

Выбор начальством Джесси Сталка, выходца из смешанной семьи, был не случаен. Без малого двухметровый детина с иссиня-чёрными прямыми волосами и ярко-синими глазами. Смуглая кожа, высокие скулы и прямой римский нос. Мать его была из коренных жителей Аляски, а отец – наполовину из индейцев навахо.

Женщины находили Джесси привлекательным, а мужчины – опасным. Сам Джесси и понятия не имел, что однажды его случайное увлечение русской культурой сослужит ему дурную службу. Ещё в школе его ближайшим приятелем стал мальчишка из семьи русских эмигрантов, и Джесси увлёкся языком. К окончанию школы, благодаря постоянному общению с приятелем, он бегло говорил по-русски и отлично научился понимать их шутки.

Это было, пожалуй, самым сложным в общении с этими странными людьми. Их необычные словообороты, недосказанности и полунамёки частенько ставили его в тупик, выбивая из колеи отсутствием линейной логики и смысла. Но чем старше он становился, тем проще ему было их понимать. К окончанию школы он уже запросто мог и сам подшутить над папашей своего приятеля.

С русским мальчишкой его свело любопытство и странное желание узнать побольше о чужой стране. Увидев в первый раз, как этот нескладный, жилистый подросток бросается в драку с парнями в два раза больше себя, не обращая внимания на разбитые в кровь губы и нос, Джесси вступился за паренька и не прогадал. С тех пор они стали друзьями. Ведь и самому Джесси поначалу здорово доставалось как выходцу из смешанной семьи. Несмотря на то, что основную часть своей сознательной жизни он прожил в Нью-Йорке, родители каждый год отправляли его к предкам, на Аляску. Именно там он научился управлять собачьей упряжкой и находить дорогу в сплошной снежной круговерти. И вот теперь, проклиная свою честность, заставившую его указать это обстоятельство в своём досье, он старательно ворочал тяжёлыми вёслами, направляя вельбот в сторону русского берега. На первый взгляд задание у него было простым и понятным: выяснить, что осталось от российских городов и остались ли ещё очаги сопротивления ксеносам. Из-за отсутствия электричества и стремительных атак пришельцев на пеленг все возможные способы связи не работали. Не желая привлекать внимание противника к своим командным пунктам, все правительства сохраняли режим радиомолчания.

Из-за нападения ксеносов все жители Земли разом вынуждены были вернуться к первобытному образу жизни, заготавливая дрова и освещая жилища свечами и лучинами. Узнать, что происходит в соседней стране, было не многим проще, чем то, что происходит на соседнем континенте. По трезвом размышлении Джесси так и не понял, зачем начальству было знать, что происходит в России. По большому счёту своих проблем было выше крыши, но с приказом не спорят.

Получив задание, он кое-как верхом добрался до границы Канады и Аляски и только благодаря старым связям смог купить подходящую упряжку собак, умеющих тащить нарты. От границы Канады ему пришлось добираться пешком. Спасло его только умение хорошо ходить на лыжах и охотиться, выживая в дикой природе. Всё путешествие заняло почти два месяца.

Теперь оставалось самое трудное: пересечь пролив и не оказаться подстреленным ксеносами, или русскими, или затёртым льдами. Деньги, полученные им в агентстве, стремительно таяли. Люди, имевшие хоть что-то ценное, старались сберечь его, откровенно плюя на куски крашеной бумаги.

С навалившейся бедой сменилась и система ценностей. Благо основную часть необходимого снаряжения ему удалось получить на базе, имевшейся на Аляске. Только собак ему пришлось искать самому, и вот теперь эта свора горластых псов старательно озвучивала каждое его движение. Эта порода, хаски, так называемые собаки баныши, не умели лаять, вместо этого издавая долгие воющие звуки. Непривычному человеку этот воющий хор казался чем-то ужасным, хотя это была всего лишь так называемая особенность породы. Сам Джесси никогда не считал себя знатоком собак, но отличить ездовую лайку от охотничьей умел.

За спиной Джесси раздались треск и шумный всплеск. Быстро оглянувшись, он увидел, как солидный кусок припоя оторвался от берега и, погрузившись в воду, медленно поплыл в океан, уносимый течением. Внимательно проследив движение этого айсберга, Джесси вздохнул и решительно направил вельбот в сторону открывшегося берега.

Через два часа киль вельбота с хрустом упёрся в прибрежную гальку, и Джесси, облегчённо вздохнув, истово перекрестился. Ему удалось. Выгрузив из вельбота нарты, собак и всю поклажу, он разобрал постромки и принялся запрягать псов. Увязав поклажу, он проверил оружие и, сверившись с компасом, гаркнул на собак. Псы дружно навалились на упряжь, и тяжёлые нарты покатили по свежему снегу. Зима решительно вступала в свои права, и Джесси в очередной раз подумал, что его начальство действительно сошло с ума, отправляя его в это путешествие. Стоя на полозьях нарт, Джесси внимательно огляделся и неожиданно понял, как ничтожен человек по сравнению с этими необъятными просторами. Усилием воли взяв себя в руки, он загнал приступ страха поглубже и в очередной раз похвалил себя за то, что не стал использовать одежду, которую ему предлагали на базе. У его дедушки нашёлся комплект национальной одежды чукчей и эскимосов из отлично выделанных шкур: высокие торбаса, сшитые со штанами, и кухлянка, надеваемая через голову, с малицей из меха росوماхи. На кожаном ремне висела кобура автоматического пистолета и длинный, отточенный до бритвенной остроты нож в деревянных ножнах. Ремень не имел пряжки. На морозе прикосновение к любому металлу заканчивалось настоящим ожогом.

Бросая быстрые взгляды на компас, Джесси уверенно направлял упряжку в глубь страны. Сверившись с картой, он убедился, что наткнуться на большое поселение здесь сложно, и, подумав, решительно погнал собак напрямую. В любом случае дорог в этом белом безмолвии просто не было. Бросив быстрый взгляд на свою поклажу, он чуть усмехнулся и подумал, что к тому моменту, когда ему удастся достигнуть обжитых мест, нарты заметно облегчатся. Основную часть поклажи составляли: пеммиакан – спрессованная смесь морошки, мёда, тюленьего жира и высушенной рыбы и юкола – вяленая рыба. Это был корм для собак, но в случае необходимости он и сам мог им питаться. Кроме корма, у него с собой было только оружие, боеприпасы, лыжи и ещё несколько вещей: компас, аптечка, крошечный примус с канистрой керосина и ящик консервов. Из соображения безопасности он не взял с собой даже переносную рацию. По решению отправившего его в этот поход начальства всю добытую информацию он должен был привезти лично.

За три недели такого путешествия он достиг границы лесотундры и с облегчением перевёл дух. В этих местах с охотой должно было быть намного проще. Консервы уже почти закончились, и Джесси пришлось снова промышлять охотой. Подстрелив зайца, он умудрился растянуть его на три дня, но вопрос питания с каждым днём вставал всё острее. Корм для собак ещё оставался, но есть его Джесси не хотел, помня старую поговорку о том, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти. К его удивлению, собаки продолжали тащить нарты, не выказывая ни малейших признаков усталости. Надев им на лапы специальные кожаные мешочки, чтобы уберечь подушечки от острых ледышек, он убедился, что его предки действительно знали, как выжить в подобных условиях. До сих пор он пользовался именно тем, что было отработано и использовалось веками. Подивившись своему открытию, Джесси бросил быстрый взгляд на солнце и, сообразив, что дело к вечеру, решительно остановил собак. Пора было устраиваться на ночёвку.

На первое крупное поселение, точнее, его развалины Джесси наткнулся спустя месяц после своей триумфальной высадки на берег. Мрачно оглядев выжженную пустыню, он попытался представить себе мощностъ оружия, которым был нанесён этот удар, и невольно вздрогнул, чувствуя, как по спине пробежал холодок ужаса. Он уже не раз натыкался на подобные картины у себя на континенте, но видеть это в одном месте и убедиться, что всё увиденное произошло везде, – это разные вещи. Только теперь он по-настоящему оценил масштабы катастрофы. Лыжа наткнулась на какое-то препятствие, и Джесси, опустив глаза, невольно выругался, увидев, на что именно наступил. Обгорелый труп человека, судя по одежде и сморщенной коже на руках – очень пожилого, присыпало выпавшим снегом. Осторожно разгребая снег, Джесси убедился, что всё случилось не так давно. Получалось, что человек погиб много позже

взрыва. Наткнувшись на пулевое отверстие, он удостоверился в своих выкладках и, вздохнув, напряжённо огляделся. Сразу вставал очередной вопрос: почему тело обгорело?

Усилив воли загнав свой охотничий инстинкт на задворки сознания, он поправил пояс с оружием и, ещё раз оглядевшись, принялся искать место для стоянки. Устроившись в небольшом распадке, он перекусил куском холодной зайчатины и, улёгшись прямо в снег, дождался, когда собаки улягутся рядом. Рядом с этими удивительно сильными, пушистыми собаками спать было достаточно тепло, а сами собаки чувствовали себя просто прекрасно. Дюжина пушистых клубков улеглась вокруг человека, и вскоре бесшумно падавший снег полностью скрыл стоянку. Только нарты, стоявшие рядом, чёрным пятном выделялись на белоснежном фоне.

С первыми лучами слабого полярного солнца Джесси проснулся и, сбросив с головы малицу, быстро осмотрелся, не снимая руки с рукояти пистолета. Убедившись, что всё тихо и неожиданностей не предвидится, Джесси поднялся и, подойдя к нартам, принялся распускать ремни на мешке с кормом. Сегодня он планировал закончить пробег на собаках и двигаться дальше на лыжах. С грустью посмотрев на суетливо шныряющих вокруг псов, Джесси подумал, что ему будет не хватать этой шумной компании. Но делать было нечего. Ведь если в тундре он мог увидеть любого противника за много метров до того, как столкнётся с ним, то в лесу, или, как здесь это называлось, в тайге, воющие псы будут только предупреждать противника о его приближении. Оставалось только бросить нарты и, сняв постромки, отпустить собак.

В том, что эти псы не пропадут, Джесси почти не сомневался. Что ни говори, а волчья кровь даёт о себе знать, и охотиться стаей они так и не разучились. Накормив собак, Джесси запряг их в нарты и, встав на полозья, резко крикнул, давая команду к движению. Упряжка медленно разогналась, и вскоре собаки весёлой рысью понесли её к темнеющему вдалеке лесу.

* * *

Спустя год с того момента, как Матвей получил в лаборатории щенка, им обоим предстояло сдавать экзамен. Собравшиеся на небольшой лесной поляне офицеры в полевой форме с интересом наблюдали за происходящим. Пятеро кинологов, старательно сдерживая дрожь в руках, готовили своих питомцев к проверке.

Отступив в сторону, Матвей окинул Роя внимательным взглядом. За прошедший год из пушистого очаровашки он превратился в мощного, рослого пса, способного в одну минуту уничтожить практически любого противника. Натаскивая щенка, Матвей применил все свои знания, весь опыт, который он получил от своего отца.

Первым этапом проверки был общий курс дрессировки, с которым все собаки справились достаточно легко. Затем – первая ступень защитно-караульной службы, и только потом их решили проверять на поиск и задержание ксеносов.

Матвей так и не понял, откуда в распоряжении гэрэушников оказалось столько пленных прищельцев, но, увидев знакомые фигуры, двигавшиеся так, словно в их телах не было костей, он невольно вздрогнул и сжал зубы. Найдя взглядом полковника Савенкова, которого давно уже называл просто Андреем, Матвей покосился на пленников и вопросительно выгнул бровь. Чуть усмехнувшись, Андрей неопределённо пожал плечами, давая ему понять, что это ещё не все сюрпризы на сегодняшний день. Вздохнув, Матвей вернулся к насущным делам. До этого момента он слушал все вводные вполуха, но когда на сцене появились ксеносы, он моментально напрягся.

Вводная была проста и понятна, как естественный отбор. Пленникам было чётко и прямо сказано, что если они, пользуясь своими костюмами, скафандрами, или как там эта хрень у них называется, смогут добраться до границы периметра, избежав встречи с собаками, то им позволят уйти. Если нет, то здесь они и останутся.

Положив ладонь на рукоять пистолета, Матвей не сводил напряжённого взгляда с пятёрки противников, чувствуя, как кровь гудит в ушах от напряжения. Услышав условия, ксеносы быстро переглянулись, и у Матвея сложилось чёткое убеждение, что они говорят между собой без слов. Повернувшись к командиру караула, один из ксеносов утвердительно кивнул головой, давая понять, что они согласны.

Жёстко усмехнувшись, Матвей присел перед Роем и, взяв его за морду, старательно заглянул ему в глаза, тихо приговаривая:

– Давай, приятель. Найди его, чтобы я мог всадить в эту тварь пулю.

Тем временем ксеносов выстроили в ряд и, заставив потоптаться на месте, указали разные направления, в которых они должны были бежать. Выждав ровно пять минут, проводникам дали команду на движение, и все пятеро повели своих псов туда, где только что стоял враг.

Старательно обнюхав осеннюю пожухлую траву, Рой уверенно взял след, рывком потянув Матвея в сторону чащи. На ходу выхватив пистолет, кинолог передёрнул затвор и, вдвигаясь в окружающий пейзаж, устремился следом за собакой. Рой шёл по следу, словно по нитке, выводя своего проводника напрямик к границе периметра, огороженного колючей проволокой и спиралью Бруно, в простонародье называемой путанкой. Но перед самым забором след неожиданно свернул в сторону и повёл их по самой границе. Очевидно, гуманоид сообразил, что перебраться через проволоку ему не удастся, и решил попытать счастья в другом месте. Неожиданно и без того напряжённые нервы Матвея словно зазвенели, а в затылке появилась ледышка предчувствия. Так бывало всегда перед боем. Одним движением спустив Роя с поводка, Матвей, вскинув оружие, бросился следом за питомцем. Едва почувствовав свободу, пёс глухо рыкнул и стремительно метнулся в кусты. Послышался треск, рычание Роя и такой знакомый Матвею свист схваченного ксеноса. Перемахнув кусты, Матвей с удовлетворением увидел, как Рой, вцепившись клыками в шею противника, и сам уже почти добил его. Вскинув пистолет, Матвей всадил две пули в мерцающий контур врага и, сдерживая нервную дрожь, подозвал к себе собаку. Взяв Роя на поводок, он сориентировался на местности и решительно зашагал к месту сбора.

К его удивлению, их уже ждали. Как оказалось, вся территория, на которой проходила проверка, контролировалась камерами, запитанными от генераторов. О победе их пары проверяющие узнали, можно сказать, в режиме реального времени. Заведя Роя в переносной вольер, Матвей подошёл к столу комиссии и с интересом просмотрел запись.

Ему не удалось рассмотреть, как пёс взял ксеноса, и теперь, прокручивая запись кадр за кадром, он внимательно наблюдал, как Рой, перемахнув кусты, метнулся не туда, где засел противник, а проскочил чуть дальше и пошёл в атаку только после того, как ксенос отвлёкся на подбегающего проводника. Это стало ясно после прыжка Роя. Пёс зашёл противнику за спину, с ходу взяв его за шею. В момент столкновения костюм ксеноса на мгновение отключился, словно его замкнуло, и стало ясно, что противник сидит под деревом, лицом к ломящемуся через кусты Матвею. Костюмы ксеносов были сконструированы таким образом, что полностью скрывали их тела. Открытыми оставались только глаза, или что там у них вместо глаз было.

– Вот ведь паршивец, он же использовал меня, – восхищённо усмехнулся кинолог.

– В каком смысле? – с интересом спросил генерал, председатель комиссии.

– В прямом. Проскочил мимо, делая вид, что не замечает противника, а сам дождался, когда тот отвлечётся на меня, и кинулся на него со спины, – быстро пояснил Матвей, от возбуждения тыча пальцем в монитор так, что чуть не сбросил его со стола.

– Покажите подробнее, – потребовал генерал, наклоняясь к монитору.

– Вот, смотрите. Он перепрыгивает кусты, бросив след вот в этом месте. Но при этом, перепрыгивая кусты, продолжает отслеживать ксеноса. Видите, морда немного повёрнута вправо? В этот момент я ломлюсь следом, а он, развернувшись, атакует. Смотрите, какой пры-

жок. Он точно видит, куда должен вцепиться, – продолжал горячиться Матвей, прокручивая запись покадрово.

– Похоже, вы правы. Одного не могу понять. Как такое может быть? Ни одна современная техника не может обнаружить их, а собаки не просто обнаруживают, а ещё и видят, куда атаковать, – проворчал генерал, потирая подбородок.

– Разрешите вопрос, генерал? – осторожно спросил Матвей.

– Валяйте, – задумчиво кивнул тот.

– Во время службы в СКС нам всё время твердили, что любой захвативший тварь живьём станет по меньшей мере национальным героем. А тут вы запросто пустили в расход сразу пятерых и даже не поморщились. Не верю, что им не нашлось применения в лабораториях. И откуда такая расточительность?

– Нам повезло. Средства пассивного наблюдения заметили, что на посадку заходит странное транспортное средство, и мы отправили к месту посадки группу спецназа. Нашим головастикам случайно удалось выяснить, что ксеносы боятся не только собак, но и звука, издаваемого на определённой частоте. Не знаю, что именно там с ними происходит, но они теряют ориентацию в пространстве и просто отключаются. Короче говоря, нам в руки попала целая группа этих тварей вместе с оружием и транспортом. Так что теперь наши учёные гаврики загружены работой по самую макушку.

– Погодите, но ведь на высадку они шли наверняка в своих костюмах. Как же тогда спецназ нашёл их? – насторожился Матвей.

– Хороший вопрос. Вы никогда не думали в нашу службу податься? – с интересом спросил генерал. – Но вы правы. Как оказалось, эти их костюмы каким-то образом управляются не кнопками, а мозгом или чем-то, что у них играет эту роль. Короче говоря, как только они подвергаются нападению – укус собаки, или ранение, – то нарушаются какие-то связи и костюм начинает давать сбой. Так было и во время захвата. Как только их закидали звуковыми гранатами, сразу стало ясно, кто и где упал.

– Очень интересно. Тогда, может, вы уже выяснили, какого чёрта им здесь вообще нужно? – не удержался Матвей.

– Этого, к сожалению, мы пока не выяснили. Так сказать, сложности перевода. Даже сегодняшнее шоу пришлось три дня готовить. Не понимают они нас, хоть ты тресни.

– Но ведь инструктор им что-то как-то объяснял, – сказал Матвей.

– Руками. Язык жестов они уже освоили. Сам понимаешь, когда по морде бьют, быстро соображать начинаешь, – мрачно усмехнулся генерал. – Ребята так озверели, что за шиворот от них оттаскивать приходится.

– Ну, откровенно говоря, я бы и сам с удовольствием в допросе участие принял, – ответил Матвей, скрипнув от злости зубами.

– У вас другая задача будет, – покачал головой генерал. – Ваша группа будет ударной силой при очистке уже захваченных городов. Самое неприятное, что нам так и не удалось выяснить, что именно они там делают. Все разведгруппы пропали. А вообще – странная это война. Неправильная. Всё не так, как мы привыкли. Чего хотят – непонятно, кто такие – неизвестно, откуда взялись – не знаем. В общем, сплошные неизвестные.

– А они вообще между собой разговаривают? – неожиданно спросил Матвей.

– Что вы имеете в виду? – удивился генерал, поворачиваясь к нему всем телом.

– Даже не знаю, как это правильно сказать. Они, перед тем как кивнуть, переглянулись, – медленно начал пояснять Матвей, указывая рукой туда, где стояли пленные. – И пока переглядывались, у меня такое впечатление сложилось, что они успели о чём-то договориться.

Выдав эту фразу, Матвей невольно подобрался и приготовился не к самой приятной для себя реакции, вплоть до откровенного смеха. Но минуты шли, а генерал продолжал задумчиво

его разглядывать, словно впервые видел. Наконец, когда молчание уже откровенно затянулось, он неопределённо хмыкнул и, бросив задумчивый взгляд на экран монитора, тихо произнёс:

– Когда вся эта бодяга закончится, ты, парень, будешь в моём отделе работать. И это не оговаривается.

– Не понял, – по привычке проворчал Матвей, выбитый из колеи его словами.

– Не знаю, как тебе это удалось, но ты со своей наблюдательностью заметил то, чего все наши головастики, вместе взятые, в течение двух месяцев не замечали, – тихо ответил генерал, быстро оглядываясь, чтобы убедиться, нет ли кого поблизости. – Ты прав, Матвей Иванович. От первого до последнего слова прав. Именно так они и общаются. Мысленно. Сам понимаешь, после трёх лет неизвестности, заполучив в руки сразу столько тварей, мы их только что на составные части не разложили, чтобы понять, из чего они состоят и как с ними бороться. Так и выяснилось, что они общаются при помощи мысли.

– Что ж, это, по крайней мере, объясняет, почему после столкновения с одним уродом, остальных приходится искать в другом месте, – вздохнул Матвей, вспомнив несколько эпизодов из своей боевой жизни.

– Может, ты и прав. Для мысленного общения расстояние не важно. Так что твоя теория имеет полное право на существование.

– Скажите, Александр Юрьевич, как вообще родился этот проект? Неужели в стране так плохо с собаками? – осторожно спросил Матвей задумавшегося генерала.

– Можно сказать и так. Ксеносы быстро сообразили, чем им грозит увеличившаяся популяция подобных животных, и теперь старательно выбивают именно собак с проводниками. Так что вам ещё предстоит научить ваших питомцев не только ловить, но и опасаться этих тварей. Поэтому мы и запустили этот проект. Хорошие собаки всё больше становятся редкостью. Помёты всё меньше, вот и приходится применять не самые приятные методы, – задумчиво сказал генерал, не отводя взгляда от вольера, где сидел Рой.

– Странно, он от вас взгляда не отводит, словно потерять боится, – добавил генерал, удивлённо покосившись на проводника.

– Всё правильно. Это не его дом и не его место. Его способность к передвижению ограничена, и поэтому он нервничает, – тоном спокойной уверенности ответил Матвей.

– Матвей Иванович, говорят, вы умудряетесь не одну, а сразу двух собак воспитывать, да ещё и в няньках у дочери полковника Савенкова сидеть. Это правда? – неожиданно спросил генерал.

– Не совсем, – улыбнулся Матвей. – Девочка своего щенка воспитывает сама, а я только контролирую и даю советы по мере необходимости. Ну а насчёт няньки, так это ещё посмотреть надо, кто кого нянчит. К сожалению, девочке пришлось очень рано повзрослеть. В общем, я присматриваю за ней, она за мной, а собаки за нами обоими.

– И это не мешает работе? – настойчиво спросил генерал.

– Наоборот, помогает. Щенки обязательно должны играть и общаться с себе подобными. Именно в таких играх они отрабатывают свои приёмы и, так сказать, выпускают пар.

Заметив, что Матвей сел на своего любимого конька, генерал жестом остановил его, увидев, что на мониторе возникла новая картинка. Пользуясь тем, что его не гонят, Матвей с интересом уставился на экран. Вторая пара, догнав ксеноса, приступила к ликвидации.

Матвей автоматически отметил, что проводник слишком долго держит пса на поводке, не давая ему возможности действовать самостоятельно. В итоге тварь успела подобрать увесистый сук и ловко использовала его вместо оружия, успев отбить летящую в броске собаку. Коротко взвизгнув, отброшенный в сторону пёс рухнул в кусты, но проводник уже успел схватить пистолет и выстрелить в противника.

– Что скажете? – резко спросил генерал, повернувшись к Матвею.

Растерявшись от такого поворота событий, Матвей несколько раз хлопнул раскрытым ртом и, сообразив, что вопрос задан не просто так, решительно ответил:

– Собаку нужно было спустить раньше, а пистолет держать в руке с самого начала поиска.

– Согласен, – кивнул генерал. – А что скажете о подготовке собаки?

– Пес, безусловно, смелый, но слишком прямолинейный. Похоже, проводник предпочитает отношения «команда – исполнение» и добивается этого любым путём. Хотя я, конечно, могу ошибаться.

– Как вас понять? Что значит – прямолинейные отношения? Разве могут быть другие?

– Вполне, но это уже на уровне инстинктов, если хотите. Даже не знаю, как описать.

– Кажется, я вас понял, – задумчиво кивнул генерал. – Тогда, по-вашему, откуда такая разница в подготовке?

– Я с самого начала войны входил в состав СКС. Кроме того, Рой – тот Рой – всегда был упрямым, своевольным и, можно сказать, себе на уме. Да и сынок в него пошёл. Поэтому я и готовил его сразу на поиск и уничтожение не кого-то, а именно ксеносов.

– Каким образом? – не понял генерал.

– Пришлось сделать что-то похожее на станок для рукопашного боя. Ну знаете, такой – из бревна, с кучей торчащих в разные стороны палок. И каждый раз я маскировал его, то в кустах, то в дровах. По структуре и внешнему виду – обычная древесина. Главное – это зафиксировать определённый запах. Пёс находит бревно по запаху, а оно вдруг разворачивается и лупит его по горбу. Так он и научился не с ходу в драку бросаться, а сначала присмотреться, что это такое.

– Интересная методика. А не жалко пса было?

– Жалко. Но было бы ещё хуже, если бы он погиб в первой же стычке. Такое часто случается, – грустно улыбнулся Матвей.

– Знаю. Есть ещё что-нибудь, что мне следует знать?

– Смотря, о чем вы говорите, – пожал плечами Матвей.

– Странно, что за всё это время на объект вышли только вы и та пара, – кивнув, ответил генерал.

– Сыро. Плохо подготовленные собаки след теряют. Приходится возвращаться на исходную точку, – пояснил Матвей.

– Значит, вы изначально готовили собаку к работе в СКС? – с интересом переспросил генерал.

– Насколько мне известно, из отряда меня не уволили. Потерявшего собаку проводника переводят в резерв, до тех пор пока он не подготовит следующего пса. Вот я и решил, что это будет самый подходящий способ, – удивлённо пожал плечами Матвей. – Кроме того, полковник Савенков с самого начала сказал, что после обучения мы отправимся обратно в СКС.

– Он, похоже, не ошибся. Вся беда в том, что печально известный вам Эммануил Остопович занимался не только проблемой быстрого размножения и роста собак, а ещё и подведением материальной базы под свою теорию, а мы вовремя этого не поняли. В итоге по его требованию мы не поставили определённых условий в подготовке собак. Ведь он утверждал, что внесённые изменения должны проявиться в чистом виде, что поможет нам лучше понять и правильно разработать методику подготовки животных.

– Чушь полнейшая, – презрительно фыркнул Матвей. – Любой щенок к четырём месяцам должен чётко знать десять основных команд. Если этого не сделать, то потом его вообще очень сложно будет чему-то научить. У него не будет основания воспринимать не только команды, а дрессуру вообще.

– Не буду даже пытаться спорить, – усмехнулся генерал.

Их разговор прервался очередной картинкой на мониторе. К исходу третьего часа после начала последнего испытания с заданием справились все. Но, к огромному сожалению Матвея, один из щенков получил серьёзное ранение и был отправлен к ветеринару. Все пятеро ксеносов

были уничтожены, но и проводники чувствовали себя не самым лучшим образом. Ксеносы из-за отсутствия оружия использовали подручные средства. В итоге: двое проводников получили удары по головам, одному сломали руку, ещё одному – рёбра. Пройдясь вдоль строя, генерал мрачно оглядел это потрёпанное воинство и, вздохнув, решительно сказал:

– С этой минуты, вы все поступаете в распоряжение сержанта Беркутова Матвея Ивановича. Он с самого начала войны служит в подразделении СКС и поможет вам правильно натаскать ваших питомцев. И учтите: при повторной проверке за любую оплошность я буду отдавать вас под трибунал. Так что все свои споры и возражения можете оставить при себе. Если кто-то считает, что может сделать всё лучше сержанта, я слушаю. Учтите, больше у вас шанса поспорить не будет.

Удивлённо переглянувшись, проводники мрачно покосились на растерянно замершего Матвея. Не совсем понимая, что происходит, он шагнул вперёд и, глубоко вздохнув, тихо спросил:

– Господин генерал, мы можем поговорить с вами с глазу на глаз?

– Конечно, – решительно кивнул тот и, повернувшись к остальным, добавил, – а вы, господа, пока подумайте над моими словами.

Отойдя вместе с Матвеем в сторону, он сложил руки на груди и, помолчав, твёрдо спросил:

– В чём дело?

– Вообще-то, о таких вещах предупреждают заранее, Александр Юрьевич. Вы бы хоть поинтересовались, а хочу ли я иметь с ними дело. И самое главное, чему я могу их научить? Все эти люди имеют опыт работы с собаками, и мне просто нечего им дать.

– Ошибаетесь. Все эти ребята и понятия не имеют, что такое служба в СКС. У вас есть самое главное – опыт. Ваши претензии по поводу предупреждения я, можно сказать, принял к сведению, но не будем забывать, что идёт война и каждый делает то, что должен делать. Это всё?

– Не совсем. Самое неприятное, что я не умею учить, – выдохнул Матвей.

– Научитесь. Я вот тоже никогда с собаками дела не имел, а пришлось. Так что давайте перестанем рефлексировать и займёмся делом.

– Я всё понимаю, но даже понятия не имею, с чего начинать, – проворчал Матвей.

– С разбора полётов. Записи вам предоставят. Так что прокрутите их своим подопечным и объясните ошибки. Ну а потом начинайте их исправлять.

Тяжело вздохнув, Матвей решительно направился к замершим проводникам. Оглядев короткий строй, он чуть усмехнулся и, помолчав, спросил:

– Ну что, кто-нибудь решил уйти?

Выждав минуту, он убедился, что покидать строй никто не собирается, и, удовлетворённо кивнув, приказал:

– Выпустите собак из вольеров и дайте им немного побегать свободно. При этом пусть каждый внимательно присматривается к поведению другого пса. Не своего, а именно другого. Это поможет вам понять их психологию поведения. В боевом поиске это очень важно. Вы отлично знаете, что собаки говорят с нами при помощи языка тела. Так что внимательно следите за ними.

– Разрешите вопрос, сержант, – мрачно обратился к нему один из проводников.

Матвей вспомнил, что это именно ему досталось дубиной по рёбрам, и, насторожившись, кивнул.

– Которая это у вас собака по счёту?

– Третья. А что?

– Да как-то странно это всё. Я собаками с детства занимаюсь, а тут вдруг мне заявляют, что я неправильно дрессирую. Что там такого особенного, в этом вашем боевом поиске?

– Всё. Прежде всего не надо забывать, что в данном случае, как вы могли убедиться, противник для нас невидим. Его видит только собака, и поэтому мы должны чётко понимать всё, что она хочет нам сказать. И второе, пожалуй, самое главное: мы не можем стрелять до тех пор, пока не будем уверены, что стреляем именно в ксеноса. Мы вступаем в дело только тогда, когда пёс нарушит целостность костюма. А теперь скажите мне: почему вы не служили в СКС, раз уж имеете такой опыт работы с собаками?

Задавший вопрос мужчина неожиданно смутился и, неопределённо пожав плечами, проворчал:

– Порода не подошла.

– Вы сказали, что всю жизнь занимались собаками. А что за порода? – не отставал от него Матвей.

– Чихуахуа. Я заводчиком был, – ответил мужик, пряча глаза.

– Понятно, – кивнул Матвей, едва сдерживая смех.

Его реакция моментально передалась всем собравшимся. Обучать простейшим командам декоративную собачку и работать с серьёзной породой, как говорили в Одессе, две большие разницы.

– Погодите, как же вы тогда в проект попали? – удивлённо спросил Матвей, сообразив, что именно он услышал.

– Так получилось, – проворчал мужик, окончательно смутившись.

– Хорошо. Тогда займитесь собаками, – приказал Матвей и, выпустив Роя из вольера, решительно направился к собравшимся у стола комиссии офицерам.

Не доходя трёх шагов до тихо что-то обсуждавших военных, он откашлялся, привлекая к себе внимание, и, дождавшись, когда повернётся генерал, спросил:

– Александр Юрьевич, я могу ознакомиться с личными делами проводников?

– Что-то не так? – моментально насторожился генерал.

– Да, не так. Как только что выяснилось, один из проводников никогда не имел дела с серьёзными породами собак, хотя собаками занимался всю жизнь. Не знаю, кто у вас занимался подбором кадров, но если и остальные из той же когорты, то весь ваш проект – это даром потраченное время и деньги.

– Очень интересно, – мрачно протянул генерал, бросая выразительный взгляд на стоявшего рядом полковника Савенкова. – Полковник, распорядитесь, чтобы все личные дела проводников привезли сюда. Немедленно.

Схватив трубку полевого телефона, полковник быстро связался с центральным отделом и, быстро что-то проговорив, повернулся к начальству:

– Уже везут, – коротко доложил он, подходя к столу.

– Кто занимался подбором кадров? – мрачно спросил генерал.

– Капитан Сергеев, – прозвучал моментальный ответ.

– Этого – сюда же, – приказал генерал.

– Надеюсь, расстрелов не будет? – мрачно спросил Матвей.

– Посмотрим. Лучше скажи мне, можно передать взрослую собаку другому проводнику?

– В принципе, можно. Но это должен быть очень опытный, знающий кинолог. Ротвейлер не та порода, с которой можно шутки шутить.

– Не было печали, – мрачно проворчал полковник.

Уже через час капитан, занимавшийся подборкой кадров, стояли навтыжку перед генералом. Дела были уложены аккуратной стопкой, и, глядя на неё, можно было решить, что и они стоят навтыжку. Одарив капитана долгим мрачным взглядом, генерал неопределённо хмыкнул и, взяв из стопки верхнюю папку, начал быстро пролистывать. Уже на второй странице он удивлённо поднял брови и, задумчиво протянув: «Ну и ну», повернулся к капитану:

– Что было главным критерием отбора кандидатов для работы с собаками?

– Прежде всего наличие у кандидата своей собаки. И желательно не первой.

– А породы, состояние здоровья кандидата, умение стрелять, наконец? Этого вы не учитывали?

– Профессор сказал, что главное, чтобы кандидат просто умел обращаться с собакой и не доставлял ей ненужных хлопот. В смысле, не спорил.

– Вот, значит, как! Не спорил. А то, что человек никогда не имел дела с серьёзными породами, вас не насторожило?

– Профессор дал мне вполне чёткие инструкции, поэтому я не стал ничего придумывать, тем более что сам профессор остался вполне доволен результатом, – доложил капитан.

– Профессор остался доволен, – мрачно кивнул генерал. – А мозги включать он не пробовал? Что может знать о дрессуре серьёзных собак человек, всю жизнь разводивший гламурных собачек? Вот, сами посмотрите.

Сунув под нос капитану дело, которое листал, генерал устало вздохнул и, помолчав, тихо приказал:

– Того подонка – под арест и подвергать тщательной проверке каждый его жест. Этого дурака – в лес. Не умеет пользоваться головой, пусть пользуется руками. Может, хоть в команде «Л» от него прок будет.

Услышав такое решение, капитан резко побледнел. Матвей, старательно порывшись в памяти, вспомнил, что команда «Л», ни много ни мало, команда ликвидаторов, которых бросали в самые опасные места. И гибли они намного чаще, чем даже бойцы из СКС. Никто в войсках толком не знал, где они базируются и куда уходят, но о действиях этого подразделения давно уже ходили легенды. Сделав глубокий вздох, Матвей сочувственно покосился на капитана и, помолчав, тихо спросил:

– Александр Юрьевич, если позволите, то я просил бы вас оставить всё как есть. Думаю, мне удастся исправить ошибки в дрессировке, но это будет обычная подготовка. Не та, с которой мы работаем в СКС.

– Сколько времени вам потребуется, чтобы подтянуть остальных до своего уровня? – задумчиво спросил генерал.

– Не могу сказать, – решительно покачал головой Матвей. – Это зависит даже не от людей, а от собак. Сами понимаете, что при таком раскладе я ничего обещать не могу.

– Вот уж точно: хочешь, чтобы всё было сделано правильно, делай сам, – проворчал генерал, но тут же, спохватившись, добавил, – это я не про вас, Матвей Иванович. Вы то как раз сделали всё правильно. Хорошо, делайте, что считаете нужным, но ваша команда должна быть полностью боеспособной. И чем быстрее, тем лучше.

– Я постараюсь сделать всё, что можно, – кивнул Матвей, про себя уже прикидывая, с кем и как придётся работать.

– Что там происходит? – вывел его из задумчивости вопрос полковника Савенкова.

Оглянувшись в указанную сторону, он быстро оценил ситуацию и, чуть улыбнувшись, ответил:

– Ребята просто выясняют отношения.

– Я думал, что щенки одного помёта только играют, – пожал плечами полковник.

– Любая свора – это прежде всего семья. Стая. А в стае обязательно присутствует чёткая иерархия. Даже если это щенки одного помёта. Они быстро выросли, но ещё хорошо помнят друг друга. Сами видите, это не драка, а только проба сил. А вот сейчас будет настоящая драка, – быстро добавил Матвей, широким шагом подходя к парню, попытавшемуся влезть в свару.

Ухватив его за локоть, он оттащил парня в сторону и, не давая вмешаться, жёстко приказал:

– Не лезь. Пусть сами разберутся.

– С чем они разберутся? Твой кобель в полтора раза тяжелее моего, – попытался возразить парень.

Но Матвей не сдавался:

– Если они сейчас не разберутся, то потом нам не до работы будет. Без конца будем их растаскивать.

– А если он порвёт моего?

– Не порвёт. Я же сказал, сами разберутся. К тому же собаки редко дерутся до смерти просто так. Им хватает того, что противник сдался, – твёрдо ответил Матвей, не отрывая взгляда от уже сцепившихся кобелей.

* * *

Проблемы у агента Сталка начались с того момента, как он отпустил собак. Словно обидевшись на то, что он не позаботился о достаточном количестве корма, вся свора, дружно развернувшись, моментально скрылась в тайге. Задумчиво посмотрев им в след, Джесси подумал, что скоро в этих непроходимых дебрях появится очередная стая зверей, очень похожих на собак. Но едва он углубился в лес на десяток километров, как тут же понял, что не один. Обострившееся в долгом путешествии чувство опасности просто вопило, что за ним внимательно наблюдают. Несколько раз, резко оглянувшись, он замечал неясные тени, бесшумно скользившие за огромными соснами и кедрами. Ближе к вечеру, когда стало понятно, что просто так от него не отстанут, Джесси выбрал подходящее дерево и, проверив оружие, остановился. Скинув лыжи, он быстро пристроил их в развилке ветвей и, забравшись повыше, принялся обустроить настоящее гнездо, из которого мог бы вести прицельную стрельбу. Ждать ему пришлось недолго. Вскоре вся волчья стая собралась под деревом. С началом войны людям стало не до развлечений, и волки, быстро расплодившись, начали откровенную охоту на людей. Для этих сильных, умных хищников люди всегда были самой лёгкой добычей. Так было и теперь.

Собравшись под деревом, на которое влез Джесси, стая жадно разглядывала его горящими от возбуждения глазами. Но стоило ему только вскинуть карабин, как стая моментально рассыпалась в разные стороны, при этом продолжая держать дерево в кольце. Удивлённо качнув головой, Джесси прицелился в одного из самых крупных зверей и плавно нажал на спуск. Тяжёлая тупая пуля уложила зверя сразу, войдя в горящий глаз и вылетев с другой стороны. Не спеша, как в тире выцеливая зверей одного за другим, Джесси быстро ополовинил стаю, и вскоре четыре бесшумные тени скрылись за вековыми стволами деревьев. Поставив карабин на предохранитель, Джесси устало вздохнул и, бросив взгляд на свои пальцы, подумал: «А нервишки-то пошаливают».

Только теперь до него дошло, что это путешествие отняло у него больше сил, чем предполагал он сам. Пальцы заметно подрагивали. По недолгом размышлении он решил не спускаться и остаться ночевать на дереве. Достав из мешка верёвку, он старательно привязал себя за пояс к дереву и, повесив карабин на шею, прикрыл глаза.

Замёрзнуть он не боялся. Зима только начиналась, и серьёзные морозы ещё не ожидалось. Его меховые одёжки были способны выдержать настоящие арктические холода, так что обморожение ему грозило только в одном случае: если он окажется в воде и не сумеет вовремя высунуться.

Ночь прошла спокойно, и утром, едва продрав глаза, он посмотрел вниз и громко, от души выругался. За ночь – туши убитых волков кто-то успел как следует ободрать. Джесси планировал ободрать их, чтобы при встрече с людьми можно было выдать себя за охотника, и вот теперь вся его идея накрылась. Одним рывком распустив узел, Джесси спустился на землю и, сняв с веток лыжи, внимательно осмотрел убитых волков. К его удивлению, рядом с тушами обнаружились отпечатки лап, очень похожих на медвежьи. Пройдя по следу несколько десят-

ков метров, Джесси убедился в правильности своей догадки. Ночью его посетила росомаха. Это было не просто опасно. Это могло стать настоящей проблемой. Из того, что Джесси помнил об этих зверях, росомаха была способна преследовать свою добычу день за днём, до тех пор, пока жертва не падала обессиленной. Эта помесь медведя и волка была вынослива, жестока и очень злопамятна. Недаром у всех северных народов росомаха пользовалась очень дурной репутацией. Оставалось надеяться, что убитых волков ей хватит надолго, а к тому времени, когда она снова проголодается, Джесси будет уже далеко. Двумя ударами ножа вскрыв последнюю банку консервов, он быстро позавтракал и, сменив обойму в карабине, решительно тронулся в путь. Джесси и сам не совсем понимал, что именно должен найти в этой огромной стране.

Приказ начальства прозвучал очень расплывчато. Выяснить, как у русских обстоят дела с организацией сопротивления агрессии пришельцев. Под эту формулировку можно было подогнать всё, что угодно: от работы оборонных заводов до прямых боестолкновений Российской армии с противником. Кроме того, сами русские тоже были далеко не дураки, чтобы вот так запросто показывать всем подряд свои достижения. Годы холодной войны многим их научили. Даже последующие перестройка и попытка России снова занять одно из ведущих мест в мировой политике не смогли заставить их растерять полученные навыки. Как ни крути, а учили молодых те, кто когда-то учился на собственных, иногда кровавых, ошибках. Сам Джесси всегда относился к русским с подозрением, но никогда не считал их глупцами. Чего только стоили те проблемы, что умудрились создать полиция и ФБР так называемые братки. Въезжая в страну под видом бизнесменов средней руки, они моментально организовывались в банды и с ходу облагали данью все окрестные кварталы, где проживали не только их земляки. По жестокости и умению обращаться с оружием эти ребята умудрились переплюнуть и чёрных, и китайцев, и все остальные этнические группировки. Но самое неприятное заключалось в том, что ни одна силовая структура не могла понять их логики. Поэтому Джесси не тешил себя большой надеждой на успех. Просто увидеть бы всё, что можно было увидеть без помощи агентуры и завербованных стукачей, и вернуться обратно, желательно здоровым. Судя по тому, в какой спешке, а главное, с какой экипировкой его отправили в это путешествие, у начальства просто не было больше связи с постоянными агентами, работавшими в России, и отсутствие информации они решили компенсировать обычным «пилигримом». Даже то, что его отправили на континент длинным маршрутом, говорило само за себя. Ведь даже в условиях тотального дефицита топлива и транспорта у агентства должно было хватить ресурсов, чтобы выделить ему хоть какую-то посудину, способную перевезти его через океан в старушку Европу. Но исходя всё из того же доброго старого правила: не класть все яйца в одну корзину, – начальство отправило его в дальний переход, оставив путешествие через океан кому-то другому. Именно этого другого Джесси ненавидел всей душой, стремительно скользя по заснеженной тайге.

Уже получая задание, он понял, что всему виной его внешность. Чёрная грива прямых, длинных волос и высокие скулы – делали его похожим на местное население. Примесь белой крови выдавал высокий рост и цвет глаз. В любом случае встретить в этих местах человека с подобной внешностью было не сложно. В этом Джесси не сомневался. Размышляя таким образом, он мчался по тайге, регулярно сверяясь с компасом и тихо сатанея от одиночества. Ему жутко хотелось просто с кем-нибудь поговорить. Но уже спустя два часа после того, как встал на лыжи, Джесси понял, что его снова ведут. Всё те же бесшумные тени скользили по снегу параллельно его курсу, при этом оставаясь вне зоны досягаемости. В очередной раз посмотрев на свой компас, он огляделся и, заметив, что несколько теней мелькнуло справа, понял, что звери решили куда-то загнать его, но ночной отстрел заставил их держаться на расстоянии. Во всяком случае, пока. Проверив, как выходит из кобуры пистолет, Джесси упёрся палками в снег и снова заскользил вперёд.

Первое поселение людей он нашёл случайно. В очередной раз перемахнув сопку, он заметил тонкую струйку дыма, медленно поднимавшуюся над заиндевелыми кронами, и, радостно

улыбнувшись, стремительно кинулся в сторону жилья. Но уже на подходе к нескольким деревянным домам, сложенным из цельных стволов, он понял, что волки не собираются упустить свою добычу. Над тайгой раздался долгий, тоскливый вой, и стая ринулась вперёд, стремительно отрезая ему дорогу. Разогнавшись на спуске, Джесси решил не останавливаться и, выхватив пистолет, взял его двумя руками, одновременно пытаясь отследить траекторию спуска. Убедившись, что видимых препятствий нет, он дождался, когда расстояние между ним и волками сократится до прямого выстрела, и, поймав на мушку самую крупную зверюгу, плавно нажал на курок. Выстрел разорвал тишину, и волк, громко взвизгнув, высоко подпрыгнул. Быстро переведя прицел на другого, Джесси снова выстрелил, но на этот раз промахнулся. Под лыжу подвернулась какая-то кочка, и прицел был сбит. Но теперь это было не важно. Дверь одного из домов открылась, и на пороге появился невысокий, кряжистый мужчина с охотничьим ружьём в руках. Раздался грохот, и ещё один зверь с визгом покатился по склону. Чуть не закричав от восторга, Джесси выпустил ещё одну пулю в белый свет как в копеечку и, сунув пистолет в кобуру, оттолкнулся палками, увеличивая скорость. Мужик вскинул ружьё, и за спиной Джесси раздался очередной визг. Подлетев к дому, он заложил лихой вираж, гася скорость, и, воткнув палки в снег, сорвал с плеча карабин. Но стрелять уже было не в кого. Недалёком волков считали самыми опасными хищниками. Потеряв трёх сородичей, стая бесшумно скрылась в тайге. Не обращая на Джесси никакого внимания, мужик перезарядил ружьё и, достав из кармана моток верёвки, отправился на склон. Увязав всех трёх убитых зверей в одну связку, он перекинул свой конец верёвки через плечо и решительно потащил туши к дому. Сжимая в руках карабин, Джесси настороженно всматривался в темнеющую тайгу, готовый в любой момент прикрыть мужчину огнём. Подтащив случайную добычу к порогу, мужчина бросил на Джесси внимательный взгляд и, чуть подумав, проворчал:

– Помоги занести, а то застынут, не ободрать будет.

Закинув карабин за спину, Джесси ухватил одну тушу за задние лапы и нерешительно шагнул к дверям. Заметив его настороженность, мужик вздохнул и, неодобрительно фыркнув, приказал:

– Шагай, чего встал.

Сделав глубокий вздох, Джесси шагнул в двери с таким чувством, словно собирался нырнуть в ледяную воду. Следом за ним ввалился хозяин и, подтолкнув Джесси в спину, велел:

– У печки бросай. Сейчас обдерём, а потом и повечерять можно.

Покорно бросив тушу в указанное место, Джесси внимательно осмотрелся и неожиданно понял, что оказался под прицелом сразу восьми пар глаз. Сделав вид, что ничего удивительного не замечает, он аккуратно отставил карабин к стене и, скинув рюкзак, развязал завязки ремня. Стянув через голову кухлянку, он остался в одной рубашке и высоких торбасах. Окинув мощную фигуру Джесси долгим, внимательным взглядом, мужик спросил:

– А штаны эти изнутри тоже меховые?

– Да, – кивнул Джесси с заметной растерянностью.

– Тогда скидывай, а то сваришься в них. Тепло в избе.

– Простите, но мне нужно место, чтобы переодеться. Не могу же я штаны при детях снимать, – проворчал Джесси, окончательно смутившись.

– Ну, тогда в сени ступай. Там и переоденешься. Здесь отдельных комнат нету, – усмехнулся в ответ мужик, ловко подвешивая тушу под потолочную балку.

Порывшись в вещмешке, Джесси извлёк из него тренировочные штаны. Выскользнув в предбанник, называемый здесь странным словом «сени», и быстро переодевшись, он вернулся обратно. За тот небольшой промежуток времени, что потребовался ему для переодевания, мужик успел ободрать одного волка и уже подвешивал к балке второго. Подивившись такой оперативности, Джесси потянулся было к оставшейся туше, но мужик, заметив его жест, только отмахнулся:

– Отдыхай, сам справлюсь.

Растерянно отступив, Джесси осторожно присел на широкую скамью длиной от одного конца стола до другого, и внимательно осмотрелся. Дом был построен старательно, явно надолго. Промежутки между брёвнами были проконопачены мхом, а небольшие окна забраны стеклом. Заметив эту дань цивилизации, Джесси немного воспрял духом. Изготавливать стекло сами поселенцы не могли, следовательно, где-то не очень далеко есть поселение побольше, где можно достать нужные стройматериалы. Все предметы домашнего обихода были сделаны вручную, и Джесси даже не сомневался, что сделал их сам хозяин. Внимательный взгляд агента давно уже заметил ящик с плотничьим и столярным инструментом. Посреди дома была сложена широкая каменная конструкция, из которой хозяйка дома доставала горшок с чем-то умопомрачительно пахнущим. Невольно приняв себя, Джесси сглотнул набежавшую слюну и тут же услышал тихий детский смех. Сделав вид, что ничего не происходит, он принялся внимательно наблюдать, как хозяин дома растягивает снятые шкуры на правиле, раме, сделанной из древесных прутьев толщиной в палец. Разобравшись с добычей, мужик поднялся и, одобрительно крикнув, весело проворчал:

– Ну, как говорится, не было ни гроша – и вдруг алтын. Долго они тебя гнали, парень?

– Вторые сутки пошли, – коротко ответил Джесси.

– Ну, значит, вовремя ты на нас выскочил. Меня Савелием звать, а тебя?

– Женька, – назвался Джесси, вспомнив, как отец его русского приятеля называл его этим именем.

– Ну, Женька так Женька, – пожал плечами Савелий, пожимая протянутую ладонь, да так, что у Джесси явственно захрустели кости.

– И как тебя в наши края занесло? Все большие посёлки в другой стороне находятся, а ты от тундры шёл.

– Решил эти места осмотреть. Узнать, сколько тут народу после нападения выжило, – ответил Джесси, решив не слишком уходить от истины.

– Не много, – покачал головой Савелий, разом помрачнев. – Кто после бомбардировки живым остался, те в леса ушли. Первую зиму многие не пережили. Знаешь, что основную массу народу спасло? Только то, что у людей охотничьи ружья были. Власти всё визжали, что, мол, оружие в руках – опасность, друг друга перестреляют. А кто стрелял-то? Только дураки да уроды. Нормальные люди, у кого охотничье оружие было, дома его и держали. Зато когда твари эти налетели, хоть семьи свои спасти смогли. Не все конечно, но многим легче было. Да тут ещё волки. Совсем озверели, даже оружия не боятся.

– Я заметил. После волков за мной росомаха увязалась, да, видно, отстала, – кивнул в ответ Джесси.

– Росомаха?! – моментально насторожившись, переспросил Савелий. – Росомаха – это серьёзно. Жаль, что не подстрелил. За её шкуру можно нужные товары получить.

– Не до того было. Сначала волки, потом она, а потом опять волки. Так что не до жиру, быть бы живу, – ввернул Джесси, вовремя вспомнив одну из любимых поговорок отца своего приятеля.

– Тоже верно, – усмехнулся Савелий. – Да и охотиться на неё с умом нужно. Росомаха – зверь серьёзный и на рану крепкий. А уж хитрая – хлеще лисы. Того и гляди, скидку сделает и за спину зайдёт, – принялся пояснять он с большим знанием дела.

Сообразив, что мужик сел на своего любимого конька, Джесси приготовился к долгому разговору, но молчавшая до этого момента хозяйка, выставив на стол из печи горшок, с тихой, усталой улыбкой сказала:

– Вечерять садитесь, потом разговоры разговаривать будете.

Одобрительно кивнув, Савелий отправился в сени мыть руки, а все обитатели дома быстро расселись по лавкам, с интересом поглядывая на стоящий на столе горшок. Дождав-

пшись главу семьи, женщина быстро разложила по тарелкам варево из горшка, и Джесси неожиданно догадался, что это такое. Однажды, ещё в самом начале знакомства с русской семьёй, ему приходилось пробовать щи с лосятиной. Именно так это называлось, при этом вкус лосятины Джесси узнал сразу. Такое мясо он пробовал в доме своего деда. Этот странный суп оказался удивительно вкусным. В одно мгновение сметя с тарелки свою порцию, он отложил ложку и быстрым взглядом окинул собравшихся за столом. Кроме хозяина и хозяйки здесь оказалось семеро детей, от семи до приблизительно семнадцати лет. При этом ему вдруг стало ясно, что эти дети от разных родителей. Двое старших, подросток и девочка лет пятнадцати, были похожи на хозяев, а остальные, как говорится, с бору по сосенке.

Заметив его интерес, Савелий прожевал свой кусок мяса и, отложив ложку, кивнул:

– Всё правильно. Эти двое – наши, а остальных после взрыва собрал: кого в лесу нашёл, кого у города. Теперь они наши. Так и живём.

– Понятно, – растерянно кивнул Джесси.

По большому счёту ничего нового в этой истории не было. Таких семей и в Штатах хватало, но Джесси удивился не тому, что эти люди подобрали потерявшихся или осиротевших детей, а тому, что они полны решимости вырастить их в лесу. Почти в первобытных условиях. Присмотревшись к ребятам, он неожиданно понял, что все дети вполне довольны своей жизнью и не видят в ней ничего особенного. Дождавшись, когда все доедят щи, хозяйка принялась накладывать на тарелки кашу из гречневой крупы. Настороженно приняв к лежащей на тарелке каше, Джесси неожиданно понял, что и в этом блюде заметны весьма солидные куски мяса. Похоже, с охотой у этой семьи всё складывается удачно. Вылизав тарелку, Джесси осторожно отодвинул её подальше от края и, с удовольствием ощутив сытость, едва сдержал долгий зев. Один из младших ребят, быстро уплетя свою порцию, выскочил из-за стола и, подхватив с печки большой чайник, потащил его к столу. Заметив, что парнишке тяжело, Джесси настоялся и, когда тот попытался вздёрнуть тяжёлый чайник выше головы, чтобы поставить на стол, успел вовремя его подхватить. Поставив горячий чайник на стол, он с удивлением покоился на спокойно сидящих родителях. Его возмущению не было предела, ведь мальчишка мог здорово обвариться. Заметив его взгляд, Савелий чуть усмехнулся и, отодвинув пустую тарелку, добродушно проворчал:

– Не волнуйся. Знает он, что чайник горячий. Да только им с самого детства приходится о себе самим заботиться. Старшие – кто со мной, на охоте, кто с матерью, в огороде, а младшие – по дому да на хозяйстве. Да и приучаются они к аккуратности так быстрее. Не хочет обжечься, будет осторожнее. Наука простая. Или – или.

– А не слишком жестоко? – осторожно спросил Джесси.

– А в тайге по-другому нельзя. Тайга, она слабых не щадит. Я не для того их от голода и тварей спасал, чтобы они в тайге по собственной глупости или слабости пропали. Пусть уж лучше при мне синяки да шишки набивают, чем потом ни за грош сгинут.

– Ну, вам виднее, – быстро пошёл на попятный Джесси, моментально осознав, что у этих людей свой, давно уже налаженный быт.

В чайнике оказался удивительно вкусный травяной чай. Выпив две кружки, Джесси понял, что сонливость прошла, и теперь он готов был к долгому, обстоятельному разговору с хозяином. Ему позарез нужна была информация, и этот человек мог её предоставить. Дети отправились по своим делам, а хозяйка занялась посудой. Воспользовавшись моментом, Джесси пересел поближе к хозяину и принялся задавать вопросы. Как вскоре выяснилось, Савелий отлично знал тайгу, но не имел ни малейшего понятия, что происходит в соседних поселениях. Он очень просто описал Джесси причину такого незнания. Опасаясь новых налётов, люди, спасшиеся в лесах, старались селиться подальше друг от друга, строя свои заимки и ведя хозяйство кто во что горазд. Пустив в ход все свои навыки добычи информации, Джесси то и дело задавал ненавязчивые вопросы, казалось бы не касающиеся интересующего его дела,

но в итоге узнал всё, что можно было узнать у столь ограниченного в общении человека. Их неторопливая беседа закончилась далеко за полночь. Хозяева отправились спать на свои места, предоставив Джесси устраиваться на одной из лавок на выбор.

* * *

Через три месяца после проверки, генерал снова вызвал к себе всех кинологов и, едва поздоровавшись, спросил:

– Как дела?

Понимая, что, как старший группы, должен отдуваться за всех, Матвей вздохнул и, подумав, решительно ответил:

– Сдвиги в лучшую сторону есть, но пока о серьёзных результатах говорить рано.

– Почему? – развернулся к нему генерал.

– Собаки не люди. Они работают столько, сколько могут, а потом, потеряв интерес к происходящему, просто отказываются делать то, что требуется. Можно заставить их, но концентрация внимания будет уже не та.

– Плохо, – мрачно выдохнул генерал. – Нам нужна каждая собака, которую мы можем выставить в поиск. Твари опять активизировались. В СКС большие потери.

Едва услышав эти слова, Матвей вздрогнул и, напрягшись, настороженно посмотрел на начальство. Бросив на него быстрый взгляд, генерал вздохнул и, чуть пожав плечами, тихо проворчал:

– Это война, дружище.

– Сколько? – тихо спросил Матвей.

– За две недели – шестеро, – так же тихо ответил генерал.

– А собаки?

– Все. Били парами: и собак, и проводников.

– Сообразили, – мрачно кивнул Матвей.

– Вот именно, – так же мрачно кивнул генерал.

– А что со сканерами? Ваши головастики разобрались наконец, как их рассмотреть можно?

– К сожалению, нет. Как не прискорбно это признавать, но они так и не могут разобраться с этой проблемой.

– Значит, вы так и топчетесь в исходной точке, – решительно констатировал Матвей.

– Хотелось бы огрызнуться, но вы правы, Матвей Иванович.

– Что ж, в данной ситуации я вижу только один выход. Отправить всю группу на работу в СКС. Как говорится, судьба сама всё расставит по своим местам.

– Вы снова правы. Только работать вы будете не в СКС, а с нашим спецназом. Сами понимаете, отдать ваших псов в обычную службу мы не можем.

– Но ваши ребята не знают специфики работы с собаками. Насколько я знаю, они привыкли сначала палить, а потом задавать вопросы. Мы так не работаем. Первый выстрел делает только проводник, – начал было возражать Матвей. Но генерал, молча кивнув, прервал его излияния:

– Переданное вам отделение будет делать то, что вы скажете. И дело тут не в вашей важности, а в том, что ваши собаки слишком ценны для страны. И это не просто слова. Каждый из этих псов обошёлся нам в очень круглую сумму.

– А какое значение сейчас имеют деньги? – спросил Матвей. – Лично для меня собака дороже.

– Да нет, это я так, к слову, – несколько смутившись, ответил генерал. – Ладно, значит, так и порешим. Мы передаём вам роту нашего спецназа, и получается по десять бойцов на

рыло. Организовываем свою службу поиска и зачистки. Порядок подчинения таков: поиском командуете вы, но как только тварь обнаружена, в дело вступают мои ребята.

– Первый выстрел делает проводник, – упорно повторил Матвей.

– Согласен, первый выстрел за вами, – устало кивнул генерал. – Готовьтесь, с завтрашнего дня начинаете.

– Но нам нужно хотя бы согласовать свои действия, проверить группу на сработанность, – заговорил Матвей.

Но генерал покачал головой:

– Времени больше нет. Твари научились не высаживать группы непосредственно у развалин, и нам теперь всё сложнее отслеживать места высадки. И, как следствие, в развалинах всё больше тварей.

– Что ж, завтра так завтра, – кивнул Матвей, понимая, что генерал прав.

Вернувшись в деревню, он первым делом выпустил Роя на участок и, присев на крыльцо, тяжело вздохнул. Зима выдалась тёплая, сыкотная, и снега почти не было. Матвей очень надеялся, что в условиях зимы уничтожать пришельцев станет проще, как это было в прошлые зимы. Несмотря на свои невидимые костюмы, твари всё равно оставляли следы, что помогало бойцам уничтожать их самих.

Но сейчас всё складывалось против землян. И погода, и то, что твари извлекли уроки из поведения людей. Словно почувствовав его настроение, Рой, сделавший все свои естественные дела, степенно подошёл к крыльцу и, присев перед кинологом, уставился на него внимательным взглядом. Чуть улыбнувшись, Матвей протянул руку и ласково погладил его по тёплой морде. Шумно вздохнув, пёс склонил голову набок и, приоткрыв пасть, улыбнулся. Этот жест Матвей всегда расценивал как улыбку. Впрочем, так оно и было. Это он узнал за долгие годы общения с собаками. Они так и сидели, глядя друг на друга и чему-то улыбаясь. Их идиллию прервала Маша, дочь полковника Савенкова, пришедшая получить новые указания по дрессировке своего щенка. Этот подросток, боксёр, стал постоянным партнёром Роя по играм и различным проделкам, которые они с удовольствием проворачивали. Как всегда, первым приход гостей слышал Рой. Едва Маша успела открыть калитку, как Бак, моментально сорвавшись с места, стремительно подлетел к сидящему Рою и, ткнувшись в него носом, понёсся в глубь сада. Чуть слышно взвизгнув от удовольствия, Рой стремительно метнулся следом за ним. Подошедшая девочка с улыбкой поздоровалась и, оглянувшись на угол дома, спросила:

– Они вам там ничего не разнесут?

– Нет, пусть носятся, – усмехнулся Матвей. – Только ноги береги. Слушай, кто из них куда летит.

– Как это? – не поняла Маша.

– Здесь земля мягкая, так что топот по ней далеко разносится. Просто расслабь ногу и прислушайся. Твой Бак намного легче, и прыжки у него такие же – лёгкие, быстрые. Рой тяжёлый, и прыжки у него длинные и тяжёлые. На это и ориентируйся. А если окажешься на асфальте, то просто прислушайся к стуку когтей. Словно иллюстрируя его слова, из-за угла вылетел Бак и, пулей пролетев мимо хозяйки, скрылся за поворотом. Следом за ним выскочил Рой и, не разбирая дороги, ринулся в просвет между стоящими людьми. Мощный пёс одним толчком отправил обоих в кусты, при этом даже не замедлив шага.

– Я же предупреждал, ноги береги, – пробурчал Матвей, выбираясь из кустов.

– Блин, как кегли раскидал, – удивлённо ахнула Маша, поднимаясь на ноги.

Более лёгкую девочку кобель просто смахнул с дороги под соседнее дерево. Сморщившись, Маша потёрла пострадавшую коленку и, покосившись на Матвея, обиженно буркнула:

– Такое впечатление, что он нас просто не заметил.

– Всё он заметил. Просто он отлично знает, что на разгоне да при его весе люди ему не противники. Вот он и прёт напролом. Что называется, знаете, что мы тут играем, ну так держитесь подальше.

– Вы ещё скажите, что мы сами виноваты, – фыркнула Маша, недоверчиво поглядывая на него.

– Так и есть. Мы не ограничили им место для игры, разрешив носиться по всему двору, так что теперь должны быть осторожны. Но ты успела заметить разницу в их беге?

– Успела, – с улыбкой кивнула девочка. – Мой несётся с почти барабанной дробью, а ваш – как лошадь.

Улыбнувшись такому определению, Матвей прислушался к треску кустов и азартному взвизгиванию и, убедившись, что у друзей всё в порядке, предложил:

– Пошли пока чаю попьем. Пусть побегают напоследок. С завтрашнего дня мы с Роем выходим на службу. Так что не до игры будет.

– Вы уедете? – спросила Маша, заметно огорчившись.

– Не знаю, возможно, – пожал плечами Матвей.

Врать девочке он не хотел, а обещать того, о чём и сам ничего не знал, не собирался. Но Маша не даром была дочерью офицера. Жизнь давно уже приучила её принимать подобные расставания как нечто неизбежное. Подумав, она тяжело вздохнула и, помолчав, задала следующий вопрос:

– Но ведь вы не забудете про нас?

– Ни в коем случае. Обещаю: если у нас будет возможность, мы обязательно приедем. Нам ведь всё равно больше ехать не к кому, – грустно улыбнулся Матвей.

Он давно уже понял, что привязался к этой не по годам развитой и рассудительной девочке. Потеряв всех, кого любил, он невольно перенёс все свои нерастраченные чувства на два живых существа, волею судьбы оказавшихся рядом с ним. И вот теперь ему снова предстояло расставание. Взяв себя в руки, Матвей быстро заварил чай и, усадив девочку за стол, начал отдавать последние указания. Домой он проводил её, когда уже стемнело, и, вернувшись обратно, принялся собирать вещи. Уложив в потрёпанный вещмешок всё необходимое, Матвей вымыл посуду и, погасив свет, улёгся на узкую солдатскую кровать. Сон сморил его сразу, как только он коснулся подушки головой. Переселившись в деревню, Матвей почему-то перестал видеть кошмары, преследовавшие его последние два года, но в эту ночь они снова вернулись. И опять, как и всегда, ему снилась парковка у магазина, улыбающиеся лица его девчонок и огромный огненный шар. Сон был таким ярким, словно это происходило с ним прямо сейчас. Он почти проснулся, когда в его сознание кто-то ворвался. Кто-то посторонний, странный. Слова, зазвучавшие в его мозгу, были отрывочны и больше походили на взлаивание:

– Матвей! Матвей! Не спать! Плохо! Плохо!

Глухо застонав, Матвей открыл глаза и, обедев комнату мутным взглядом, снова застонал. Тяжело опершись на локоть, он с трудом сел на кровати и, повернувшись, увидел Роя, сидевшего рядом с кроватью. Умный пёс, сидя рядом с ним, взволнованно дышал, вывалив язык набок и чуть слышно повизгивая. Увидев, что Матвей окончательно проснулся, пёс быстро облизнулся и, подбежав к своей миске, принялся жадно лакать воду. Посмотрев на своего питомца, Матвей тяжело вздохнул и, поднявшись, побрёл на кухню. Напившись прямо из чайного носика, он закурил и, посмотрев на собаку, тихо спросил:

– Похоже, приятель, твой проводник широким шагом направляется прямо в дурдом.

Подойдя вплотную, Рой медленно уселся и, посмотрев ему прямо в глаза, замер.

«Я точно с ума сойду с этими снами», – подумал Матвей и неожиданно услышал короткое:

– Нет.

– Чего? – испуганно спросил Матвей.

– Нет. Ты здоровый. Ты грустно, – услышал он в ответ и неожиданно понял, что слышит не ушами. Эти слова возникали у него в мозгу так, словно кто-то вкладывал их ему в голову. Ошалев от такого открытия, Матвей опустил глаза и, растерянно посмотрев на сидящего перед ним пса, испуганно отодвинулся назад. Это было впервые, чтобы он, опытный кинолог, вдруг испугался собственной собаки. Но в этом случае он даже не думал о том, что происходит. Ему действительно стало страшно.

Словно понимая, что происходит, Рой улыбнулся, открыв пасть и вывалив язык, и в голове Матвея снова прозвучало:

– Не бояться. Я тебя понимать.

– Понимаю, – автоматически поправил его Матвей и, вздрогнув, неожиданно расхохотался.

Это была настоящая истерика. Не устояв на ногах, Матвей уселся прямо на пол, продолжая смеяться. Остановиться его не заставил даже громкий стук в дверь. С трудом поднявшись на ноги, Матвей добрался до двери и, не спрашивая, кого принесло посреди ночи, открыл. На пороге стоял полковник Савенков вместе с Машей и Баком. Продолжая хохотать, Матвей пропустил их в дом и, прикрыв дверь, прошёл в комнату. Глядя на него как на ненормального, пришедшее семейство встало посреди комнаты. Кое-как отдышавшись, Матвей снова закурил и, удивлённо посмотрев на полковника, спросил:

– Что случилось, Андрей Сергеевич?

– У нас?! Это у вас что-то происходит, Матвей! Скажу откровенно, я ничего толком не понял, но нас разбудил Бак и просто силой вытащил на улицу. Точнее, вытащил он Машу, а я, естественно, кинулся следом. Я первый раз за всё это время увидел пса в таком возбуждении. Да и сторожевые собаки словно взбесились. Хорошо хоть они лаять попусту не приучены, а то тут бы уже на всю округу хай стоял. Приходим, а тут вы хохочете. Что произошло?

– Похоже, это всё из-за Роя. Точнее, не так. Мне кошмар в очередной раз приснился, а он, видать, за меня переживать начал, вот и взбудоражил всех собак вокруг, – пояснил Матвей.

Кивнув, полковник устало вздохнул и, обняв дочь за плечи, тихо сказал:

– Ну, убедилась, что с твоими друзьями всё в порядке? А теперь пошли досыпать.

Проводив гостей, Матвей устало плюхнулся на кровать и, покосившись на собаку, тихо проворчал:

– Ну вот и дожили: проводник беседует со своей собакой.

Всё это время пёс вёл себя как обычно, но едва Матвей закрыл за гостями дверь и сел, как он тут же уселся напротив и, настороженно глядя ему прямо в глаза, сказал:

«Я с тобой говорить».

Вздрогнув, Матвей взял себя в руки и, сосредоточившись, старательно подумал:

«Ты хочешь со мной поговорить?»

«Да».

«О чём?»

«Что мы делать завтра?»

«Завтра мы отправимся работать. Будем искать пришельцев и уничтожать их».

«Зачем?»

«Они – наши враги», – ответил Матвей, про себя удивляясь абсурдности ситуации.

«Ты видеть плохо, спать. Что это был?»

«Кажется, ты хочешь спросить, что мне приснилось, – после короткого раздумья перевёл для себя его вопрос Матвей. – Это называется кошмар. Это случилось с моей семьёй».

«У тебя быть самка и щенок. Они умереть. Поэтому пришельцев – твой враг», – резюмировал пёс, не отрывая от него взгляда.

«Пришельцы, – машинально поправил его Матвей и, спрятав лицо в ладонях, снова засмеялся. – Это абзац. Вот обучать грамматике собаку мне ещё не приходилось».

В ответ на его смех Рой тоже улыбнулся и, поднявшись, подошёл к нему вплотную. Положив тяжёлую башку проводнику на колени, он вздохнул, и Матвей почувствовал странную волну теплоты и любви. Пёс его жалел! Рой, собака, пёс, которого он вырастил, жалел его. Это открытие удивило Матвея до такой степени, что он невольно прижал голову пса к себе и чуть слышно всхлипнул:

– Жаль, что ты не знал их, Ройка.

«Я знать. Ты их любить. Я тоже. Мы убить пришьелцы за то, что они убить самку и щенка».

– Убьём, приятель. Много убьём, – прошептал Матвей, чувствуя, как в груди закипает ненависть.

Отпустив пса, он улёгся и попытался снова уснуть. Пользуясь случаем, Рой выволок из своего логова матрас, который Матвей сшил ему вручную, набив старыми тряпками, и, подтащив его к кровати, тоже улёгся спать. Ранним утром их разбудил стук в дверь, и на пороге Матвей увидел высокого капитана в полевой форме. С первого взгляда оценив статью офицера, Матвей, уже полностью готовый к действию, одобрительно кивнул и, щёлкнув карабином поводка, ласково похлопал настороженно замершего Роя по боку:

– Поехали работать, приятель.

Бросив на него быстрый взгляд, пёс шумно втянул ноздрями запах капитана и, отступив в сторону, сел. Покосившись на собаку, офицер поправил ремень автомата и, осторожно отодвинувшись, негромко спросил:

– Чего он на меня так косится?

– Запоминает, – пожал плечами Матвей, быстро запирая двери дома.

– Вещи не берите. Вечером мы вас обратно привезём, – быстро сказал капитан, заметив увесистый вещмешок.

– А раньше можно было сказать? – не удержался от сарказма Матвей, снова отпирая замок.

– Я думал, вас предупредили, – сказал капитан.

– Дождёшься от вас, – фыркнул Матвей и, закинув мешок в сени, запер дверь.

Их транспортом оказалось стандартное БМП-2. Запустив собаку в десантный отсек, Матвей захлопнул кормовой люк и, недолго думая, открыл защёлку крышки верхнего люка. Увидев такое самоуправство, капитан открыл было рот, но, наткнувшись на мрачный взгляд проводника, спросил:

– Это обязательно?

– К сожалению, да. В машине слишком много резких химических запахов, а его нюх – наше главное оружие. А теперь давайте сразу обговорим порядок действий. Как только машина останавливается, все остаются на своих местах. Первыми на улицу выходим мы. Ваше дело – нас прикрыть. И помните: первый выстрел делаю я.

Мрачно скривившись, капитан покосился на сидящих рядом с Матвеем бойцов и, помолчав, спросил:

– Может, первыми, всё-таки, мы выходить будем?

– Это не оговаривается, капитан. Я понимаю, что генерал приказал вам беречь нас как собственные яйца, но первыми выходим мы. И это не упрямство, а наработанный опыт. Нюх собаки в двадцать раз тоньше человеческого. Поэтому все посторонние запахи мы просто обязаны исключить. И главное, помните – первый выстрел мой.

– Вопрос можно? – неожиданно подал голос один из бойцов, чьё лицо было скрыто вязаной маской.

– Давайте.

– Первый выстрел – это тоже наработанный опыт или просто не доверяете?

– Опыт. Я знаю собаку, её поведение и всегда могу понять, что происходит. Так что давайте обойдёмся без самостоятельности. Первый выстрел – мой, а дальше – вступаете вы, но только после того, как собака отойдёт.

– Ясно, – кивнул вопрошавший и, недолго думая, откинул лепесток лючка автоматчика.

Испустив мученический вздох, капитан натянул на голову шлемофон и, кивнув механику, нырнул обратно в пространство башни. Чуть улыбнувшись, Матвей положил ладонь на голову псу и, прикрыв глаза, неожиданно для себя подумал:

«Мы с тобой ночью правда говорили, или мне это тоже приснилось?»

«Мы говорить», – прозвучал короткий ответ, и Матвей только помотал головой.

Заметив его жест, один из бойцов обеспокоено спросил:

– Бойтесь закрытого пространства или просто голова болит?

– Не выпался. Полночи кошмары мучили, – откровенно признался Матвей.

– Бывает, – кивнул боец, уstraивая автомат в бойнице.

– Бывает, – в тон ему вздохнул Матвей, пытаясь настроиться на бой.

БМП подкатила к окраине города, и механик, заглушив двигатель, оглянулся через плечо на командира. Развернуться в узком пространстве своего места ему было сложно. Заметив его взгляд, капитан извернулся на своём сиденье и, заглянув в десантный отсек, громко сказал:

– Прибыли. Можете начинать.

– Через пару минут, – ответил Матвей. – Пусть выхлоп отнесёт в сторону.

Понятливо кивнув, капитан выпрямился и принялся осматривать ближайшие развалины в прицел. Приподняв верхний люк, Матвей осторожно выглянул на улицу и, втянув ноздрями сырой воздух, уселся обратно. Можно было выпускать собаку. Но едва он успел взяться за ручку, как вдруг почувствовал, как пёс напрягся и еле слышно зарычал. Обернувшись, он настороженно посмотрел на собаку и, погладив пса по морде, тихо спросил:

– Что случилось, приятель?

– Там! Много! Выходить! Плохо! Враги, враги!

От возбуждения фразы Роя стали отрывочными, но Матвей понял, что их машина угодила в засаду. Ласково оглаживая пса, Матвей попытался его успокоить, но тот только сильнее распался. Вскоре его рычание из еле слышного превратилось в громовое.

– Что это с ним? – встревоженно спросил капитан.

– Приготовиться к бою. Из машины не выходить, – приказал в ответ Матвей, открывая стрелковую амбразуру.

– Да какого... – зарычал в ответ капитан, но договорить не успел.

Из развалин послышалось давно знакомое шипение, и в борт машины ударил луч из оружия пришельцев.

– Огонь!!! – в полный голос заорал Матвей, высовывая автомат в бойницу и отвечая короткой очередью.

Капитан одним плавным движением развернул башню, и на развалины обрушился шквал огня. Сорокамиллиметровая автоматическая пушка выдавала восемьсот выстрелов в минуту, и капитан не жадничал, всаживая по осколочно-фугасному снаряду в каждый клочок развалин, где могли прятаться ксеносы. Пушку поддерживали автоматы, и вскоре вокруг машины бушевало настоящее сражение. В течение трёх минут у всех сидевших в десанте было такое впечатление, что они оказались внутри огромного барабана. Опустошив магазин, Матвей выдернул автомат из бойницы и, сменив рожок, посмотрел на собаку. Резкий кислый запах сгоревшего пороха резал ноздри даже самому Матвею, чего уж говорить о собаке. Улёгшись на пол, Рой старательно прятал чуткий нос между лап, чуть слышно фыркая и взрыкивая.

– Потерпи, родной, скоро всё кончится, – проворчал Матвей, погладив пса по загривку.

Сменив магазины, бойцы настороженно притихли, вглядываясь в развалины. Несколько раз повернув башню из стороны в сторону, капитан осмотрелся и, сжав зубы, приказал:

– К машине! Прочесать развалины! Кинолог, останьтесь здесь.

Понимая, что в данной ситуации ему придётся подчиниться, Матвей распахнул люк и, выскочив на улицу, придержал Роя, не давая ему кинуться в развалины. Выскочившие из машины бойцы стремительно рассыпались цепью и, бесшумно скользя по щебёнке и битому кирпичу, принялись прочёсывать окрестности.

Отведя собаку в сторону, Матвей снял с пояса фляжку и принялся смывать пороховую гарь с морды собаки. Убедившись, что пёс отдышался, а десантный отсек проветрился, Матвей перевесил автомат на грудь и, закулив, устало привалился к кормовому люку. Минут через сорок бойцы собрались у машины и, удивлённо поглядывая на собаку, дружно закурили. Выкурив сигарету до конца, капитан затоптал окурок сапогом и, помолчав, осторожно спросил:

– Как ты узнал, что мы в засаду угодили?

– Он сказал, – ответил Матвей, ткнув пальцем в Роя.

– В каком смысле – сказал?

– Ну, все же слышали, как он зарычал ещё до того, как я открыл люк. Это и значит – сказал.

– Я, конечно, слышал, что собаки здорово чуют тварей, но чтобы так?! – капитан pokrutil головой. – Ладно, давайте закругляться. На сегодня мы свою норму выполнили.

– Какую норму? – не понял Матвей.

– На отстрел тварей и растрату боеприпасов, – криво усмехнулся капитан. – За этот бой мы почти всё, до железки, выпустили. Так что в дальнейшем поиске смысла нет. Сам понимаешь, кирпичами в них кидаться бесполезно.

Мрачно кивнув, Матвей дождался, когда бойцы загрузятся в машину, и, запустив Роя, уселся в салон последним, захлопнув за собой люк. Механик включил двигатель, и тяжёлая БМП, стремительно развернувшись, понеслась на базу. Очевидно, по пути капитан успел доложить о результатах поиска, потому что едва машина успела остановиться, как к ней подлетел посыльный и, надсаживаясь, заорал, перекрикивая гул мотора:

– Проводника Беркутова к генералу!

Услышав этот вопль, Матвей вздохнул и, устало посмотрев на Роя, тихо сказал:

– Пошли докладывать.

«Что есть докладывать?» – тут же прозвучало в ответ.

«Расскажем, как всё было», – ответил Матвей, поражаясь самому себе.

Ему не приходилось объяснять своей собаке, что такое разговаривать с начальством. Оглядевшись, он нашёл взглядом командирскую палатку и, в очередной раз вздохнув, направился к ней. Клапан был откинут, и Матвей, заглянув внутрь, нашёл взглядом генерала, что-то быстро объяснявшего офицеру. Увидев проводника, генерал жестом пригласил его войти и, закончив разговор, повернулся к Матвею. Окинув его быстрым взглядом, он приказал, не обращая внимания на вошедшего следом за кинологом капитана:

– Докладывайте!

– Что именно? – уточнил Матвей.

– Всё, с самого начала.

– А нечего особо докладывать. Подъехали, приготовились к высадке, пёс подал сигнал, что рядом твари, я его озвучил, а дальше был бой, – коротко ответил Матвей.

– Хотите сказать, что собака учуяла их, не выходя из машины? – переспросил генерал.

– Так и есть.

– Но как такое возможно?

– Похоже, сработало его не совсем обычное происхождение. Другого объяснения у меня нет, – пожал плечами Матвей. – А что у других групп?

– Не самые приятные новости, – вздохнул генерал.

– Сколько? – глухо спросил Матвей, чувствуя, как сердце пропустило удар.

– Две пары. Нарвались на засаду. Одна собака ещё жива, но ветеринар говорит, что шансов мало.

– Я могу её посмотреть? – неожиданно для себя спросил Матвей.

– Конечно. Палатка – с другой стороны базы.

– Разрешите идти?

– Хорошо, идите. Но потом вернётесь сюда. Разговор ещё не окончен, – кивнул генерал, поворачиваясь к капитану.

Выскочив из командирской палатки, Матвей бегом понёсся в сторону госпиталя. Раненых людей и животных лечили по соседству. Так было проще обеспечивать обе клиники медикаментами и необходимым материалом. Эта война давно уже объяснила всем бойцам, что собаки в ней – главные действующие лица и без них люди были бы обречены. Рой, которому передалось настроение Матвея, мчался рядом с проводником, грозным рыком разгоняя с дороги всех зазевавшихся. Влетев в палатку, Матвей остановился и, ухватив первую же медсестру за рукав, быстро спросил:

– Где собака, которую ранили сегодня в поиске?

– Ротвейлер?

– Да.

– В углу, но боюсь, что ей уже не помочь.

– Ей?! – переспросил Матвей.

– Сука. Жалко псину... Молодая, здоровая, и вот так...

Кивнув, Матвей широким шагом прошёл в указанный угол и, осторожно подойдя к широкой, короткой койке, растерянно замер. Он и сам не понимал, зачем примчался сюда. Неожиданно Рой, тихо заскулив, поднялся на задние лапы и, упершись передними в край койки, начал прижиматься к лежащей собаке. Матвей даже не помнил, как её называли, но это была единокровная сестра Роя, и он очень надеялся, что всё обойдётся. Тихо повизгивая, Рой принялся вылизывать щёку суки, одновременно кося глазом на Матвея. Не понимая, что Рой хочет ему сказать, Матвей осторожно погладил его сестру по шее и неожиданно услышал, что собаки о чём-то говорят. Чтобы не мешать им общаться, он отошёл в сторону и стал ждать. Старательно вылизав сестру, Рой опустил на все четыре лапы и, подойдя к Матвею, уставился ему в глаза долгим, внимательным взглядом. Сообразив, что он хочет что-то сказать, Матвей насторожился и тут же услышал:

«Она говорила ему, враги. Он не слышал. Не слышал».

«Она умрёт?» – спросил Матвей.

«Нет. Она плохо. Очень плохо. Она не умереть. Долго болеть, но не умереть».

«Это хорошо, – ответил Матвей, опускаясь на корточки. – А ты как услышал врагов?»

«Они много говорить, надо убить люди. Я слышать, сказать тебе. Ты слышать, сказать всем».

«Молодец, парень. А теперь пошли к начальству», – улыбнулся Матвей, тяжело поднимаясь на ноги.

Но едва подняв голову, он неожиданно увидел перед собой медсестру, у которой спрашивал про раненую собаку. Стоя в проходе, у шеста, поддерживавшего купол палатки, она с интересом наблюдала за ними. Сообразив, что её заметили, она мило улыбнулась и, склонив голову к плечу, сказала:

– Такое впечатление, что вы со своим псом разговариваете.

– Любопытный собачник разговаривает со своей собакой, – пожал плечами Матвей.

– Она ещё жива? – спросила девушка, кивая в сторону койки.

– Больше того: она выживет, – улыбнулся Матвей.

– Кто вам сказал? – спросила девушка.

– Он, – ответил Матвей, кивая на Роя.

- Как это? Он понимает в ранах лучше врача?
 - Думаю, да. Животные в таких вещах разбираются лучше людей.
 - Вы так думаете?
 - Я это знаю. Вспомните, собаки всегда начинают выть, когда их хозяин оказывается при смерти. Они чувствуют смерть близких, а она – его родная сестра.
 - Ну, может, вы и правы, но мы не сможем держать её здесь долго.
 - Почему? – удивился Матвей.
 - В последнее время у нас очень много раненых животных.
 - Понятно. Но, думаю, эту собаку вам прикажут здесь оставить. А если нет, попросите сообщить проводнику Беркутову. Я её заберу к себе.
 - Договорились, – согласилась девушка. – А как вас зовут, проводник Беркутов?
 - Матвей.
 - А меня – Настя. Не беспокойтесь. Если что – я сообщу вам, Матвей, – улыбнулась девушка, сверкнув очаровательными ямочками на щеках.
- Кивнув, Матвей хлопнул себя по бедру и направился к выходу. Добравшись до командирской палатки, Матвей заглянул внутрь и, убедившись, что генерал не устраивает никому очередной разнос, громко спросил:
- Разрешите войти?!
 - Заходите, Матвей Иванович. Наш с вами разговор закончился ничем. Точнее, мы так и не успели договорить. Что вы там узнали?
 - Первым делом прошу вас отдать приказ в ветеринарное отделение, чтобы ни в коем случае не вздумали усыплять собаку. Она выживет. Ранение тяжёлое, но жить она будет. У них сейчас запарка, но это не повод убивать такую собаку. – Матвей выделил голосом «такую», намекая генералу на его собственные слова.
 - Я их самих поусыплю, – зарычал в ответ генерал, хватая трубку полевого телефона.
- Связавшись с ветеринарным госпиталем, он приказал вызвать к телефону его начальника и не терпящим возражения тоном приказал обратить особое внимание на раненую собаку. Убедившись, что его услышали, он положил трубку, повернулся к Матвею и, закурив, спросил:
- Что ещё?
 - Пока всё. А теперь самое главное, – сказал Матвей и, собравшись с духом, начал рассказывать: – Всё дело в том, что ваш эксперимент удался. И даже слишком. Я понимаю, что это прозвучит дико, но всё дело в том, что собаки получили способность говорить с нами. Не вербально, а мысленно. И они отлично слышат ксеносов. Мы с вами были правы, когда решили, что ксеносы общаются телепатически. Собаки слышат их, и именно так, телепатически, Рой предупредил меня о засаде. Точно так же пытались предупредить своих проводников и те две собаки.
 - Ни хрена себе! – протянул генерал, глядя на Матвея. – Это что же получается, что мы вывели собак-телепатов?
 - Получается, так.
 - С ума сойти можно.
 - Я понимаю, что поверить в это трудно, но это правда. Только прошу вас пока никому об этом не сообщать. Сами понимаете, как только яйцеголовые об этом прознают, они нам с вами жизни не дадут. А сейчас не до их вывертов. У нас появился серьёзный шанс уничтожить тварей без особых потерь. Как было сегодня у нас. Нужно только научить ребят правильно слышать своих собак. Все научные изыскания лучше отложить на потом.
 - Вынужден с вами согласиться, – задумчиво кивнул генерал. – А вы не могли бы продемонстрировать мне, как это работает?
 - Ну, если не устраивать громких демонстраций, то приблизительно так, – ответил Матвей и, положив руку на голову Рою, старательно подумал:

«Рой, возьми штуку, в которую он говорил, и отдай её ему».

Матвей решил не вдаваться в объяснения, что такое полевой телефон. Подняв морду, Рой задумчиво покосился на проводника и, не спеша подойдя к столу, легко поднялся на задние лапы. Аккуратно сняв с аппарата трубку, он снова опустился на все четыре лапы и, подойдя к генералу, сунул трубку ему в руку, едва не сбросив аппарат со стола. Посмотрев на кусок эбонита у себя в ладони, генерал молча положил трубку на рычаг и, сунув руки в карманы, оторопело протянул:

– Я так понимаю, что это вы ему приказали сделать?

– Ну, ему самому телефон вообще-то не нужен, – пожал плечами Матвей.

– А чтобы говорить с ним, вам обязательно его за голову держать?

– В общем-то, нет, но так проще, – ответил Матвей, уже успевший получить кое-какие навыки в подобном общении.

– Получается, что они могут говорить со своими проводниками?

– Да, но судя по тому, что сегодня произошло, не со всеми. Насколько я могу судить, тут важна не только прямая, но и обратная связь.

– Иваныч, давай попроще, а то у меня и так крыша едет, – жалобно попросил генерал, и Матвей от неожиданности поперхнулся.

– Ну, если попроще, то не всё зависит от собаки. Проводник должен иметь предрасположенность к подобному общению. Не знаю, как это происходит и по какому принципу работает, но сегодня два проводника не смогли услышать своих собак. Результат вам известен.

– Так получается, что мы решили только одну половину проблемы. Есть собаки-телепаты, способные слышать тварей, но нет проводников, способных слышать самих собак. Не было печали... И какой же у нас выход?

– Откровенно говоря, понятия не имею, – пожал плечами Матвей.

– А как вы сами поняли, что слышите его?

– Случайно. Ночью мне приснился кошмар. Снова увидел, как гибнут мои девчонки, а Рой его прервал.

– Как?

– Очевидно, я начал метаться и стонать во сне, он проснулся, увидел, что мне снится, и начал звать. Во всяком случае, когда я пришёл в себя, всё было именно так. Он метался вдоль кровати и звал меня по имени. С этого всё и началось.

– Извините, что заставляю вас вспоминать об этом, но если рассуждать логически, первый контакт у вас состоялся в момент сильного эмоционального волнения. С этого момента ваши отношения переходят в иную плоскость. Он легко воспринимает переговоры ксеносов и сразу предупреждает об опасности вас. Но вы общаетесь уже намного проще. Получается, главное – начать.

– Похоже, что так, – вздохнул Матвей.

– Что-то не так? – насторожился генерал.

– Простите, голова болит, – развёл руками Матвей. – Слишком много всего за одни сутки навалилось.

– Хорошо, отправляйтесь домой. Дежурная машина отвезёт вас в деревню. Скажите водителю, что это мой приказ. Впрочем, он знает.

– С чего вдруг такие привилегии? – спросил Матвей.

– Не хотел этого говорить, но вы оба – наша единственная надежда на то, что весь этот проект удался. Во всяком случае, сегодня я даже духом воспрял. Уж очень здорово всё получилось.

– Да уж, здорово, – устало кивнул Матвей.

У него действительно здорово разболелась голова, и сейчас он чувствовал себя так, словно она оказалась в тисках. Виски ломило, а глаза, казалось, вот-вот вывалятся из орбит.

Спокойно сидевший рядом с ним Рой тихо взвизгнул и, вскочив, принялся взволнованно метаться по палатке.

– Что это с ним? – настороженно спросил генерал, поворачиваясь к проводнику.

Но вместо ответа Матвей смог выдать из себя только страдальческий стон и, не удержавшись на ногах, медленно осел на пол. Не понимая, что происходит, генерал громовым голосом приказал вызвать бригаду медиков и, распахнув клапан входа пошире, попытался отозвать Роя в сторону. Но огромный кобель просто проигнорировал его приказы, принявшись осторожно вылизывать виски своего проводника. Медики, примчавшиеся на вызов генерала, с удивлением обнаружили в командирской палатке лежащего на полу человека, лицо которого было залито кровью из носа и прокушенной губы. Рядом с телом стоял огромный пёс, старательно вылизывавший ему виски. Увидев людей в белых халатах, пёс отступил в сторону, позволив санитарам уложить проводника на носилки, но от своего человека не отстал, рывкнув на главврача в госпитале так, что того едва кондрашка нехватила. После этого собаку оставили в покое.

* * *

Переночевав на хуторе у Савелия, Джесси выбрался на заброшенную дорогу и, мысленно перекрестившись, бодро помчался дальше. Ему во что бы то ни стало нужно было добраться до более обжитых мест, чтобы получить полную картину происходящего в стране.

Проведённая в тепле ночь и простая, сытная пища полностью восстановили его силы, и теперь он решительно продвигался в глубь страны, желая попасть в один из больших городов, расположенных ближе к уральскому хребту. Ещё дома он старательно изучил расположение всех больших городов в России и неожиданно для себя понял, что за этими легендарными горами крупных поселений почти нет. Все основные большие города были расположены по границе и на побережье. Промышленные центры он в расчёт не брал. Давно уже было известно, что из этих городов, из-за перестройки и последующих переходных лет, почти всё население уехало. Отсутствие работы гнало людей искать лучшей доли в европейской части страны. Именно туда Джесси и предстояло добраться. Но сейчас, оказавшись в этой стране, он неожиданно для себя понял, во что вляпался. Территория этой страны поистине поражала воображение, и только теперь Джесси вспомнил, что когда-то её называли одной шестой частью суши. Всей суши. Всей свободной от Мирового океана суши. И даже то, что Советский Союз давно уже развалился, не сильно упрощало его задачу.

– Похоже, это путешествие на пару лет, – тихо проворчал Джесси, быстро осматриваясь и продолжая бежать.

Неожиданно он расслышал гул мотора и, насторожившись, снял карабин с предохранителя. Звук мотора явно приближался, и Джесси на всякий случай прогнал про себя свою легенду. Увидев выехавший из-за поворота БТР, он мысленно похвалил себя за то, что спрятал пистолет в вещмешок. Перейдя на край дороги, он продолжил путь. Надрывно воющий мотором броневик подкатил вплотную и, заскрипев изношенными тормозами, остановился. Открылся командирский люк, и на Джесси с интересом уставилось молодое открытое лицо. Бросив быстрый взгляд на плечи бойца, Джесси быстренько припомнил, что две маленькие звезды – это лейтенант, – и приготовился к разговору.

– Ты откуда тут такой бодрый взялся? – с интересом спросил боец.

– Из Владивостока пробираюсь, командир, – улыбнулся в ответ Джесси.

– А документы есть?

– Издеваешься?! Какие тут документы после этого ужаса? Едва из города ноги унёс.

– Не похоже, что бедствуешь. Лыжи хорошие, карабин ухоженный, да и одет не как обычный беженец, – не поверил ему лейтенант.

– Одеждой у якутов разжился, а лыжи и оружие, уже после бомбёжки, в городе нашёл. Выживать-то как-то надо было, – пожал плечами Джесси, про себя проворчав: «Откуда ты такой глазастый взялся на мою голову?»

– У якутов, говоришь. А на что сменял? – не унимался лейтенант.

– На патроны. Деньги им без надобности. Да и кому они теперь вообще нужны, деньги? – вздохнул Джесси.

– А чего вдруг с места снялся? – допытывался лейтенант.

– Мы всегда рыбалкой жили, а теперь, после всего этого, и в море не выйдешь. Страшно. Звери так и ждут, чтобы кто-то в порт сунулся.

– Стреляют? – сочувственно спросил боец.

– Не то слово. А самое поганое, что не увидишь их никак. Голодно стало, вот и подался поближе к цивилизации.

– А что в других городах?

– Да то же самое. Кто выжил, по тайге разбежались. Кто избу, кто землянку построил. И живут. Точнее, выживают. Переночевать пустят, накормить – накормят, но жить рядом с собой не позволят. Боятся народ кучно жить, – ответил Джесси, старательно повторяя то, что услышал от Савелия.

– Боятся, – скрипнув зубами, кивнул лейтенант. – Ладно, залезай на броню. До базы с нами доедешь, а там как сам захочешь. Можешь дальше идти, а можешь остаться. Нам хороший стрелок не помешает.

– Так я же без документов, – сделал вид, что размышляет, Джесси.

– Ну, особисты, конечно, проверку устроят, но сильно зверствовать не станут. Какие теперь проверки, – вздохнул лейтенант.

– Я уж лучше до базы – и дальше. Может, повезёт, родных в Череповце найду, – вздохнул Джесси, специально называя город, идти в который не собирался.

Ему совсем не улыбалось оказаться под лупой у какого-нибудь старательного агента, моментально сумеющего выяснить, что ничего толком о городах, которые назвал, он не знает. Задумчиво посмотрев на него, боец неопределённо пожал плечами и, кивнув, проворчал:

– Хозяин – барин.

Скинув лыжи, Джесси быстро взобрался на броню, и БТР, выплюнув струю сизого дыма, уверенно покатил по дороге. Прислонившись к башне, Джесси устроился поудобнее и, придерживая лыжи, принялся обдумывать дальнейший маршрут. В идеале ему нужно было добраться до Москвы и, как следует осмотревшись, оправиться в обратный путь. По большому счёту, пройдя почти через всю страну, он получал полную картину происходящего, но начальство, ставя ему задачу, не придумало ничего умнее, как поручить ему выяснить способы борьбы с пришельцами. Пришельцы! Это слово Джесси слышал только по телевизору, когда натёкался на один из фильмов категории Б, или в комиксах, до которых так охоч был его братишка. После нападения он не раз благодарил всех святых, что так и не удосужился завести семью. В подобной мясорубке было проще выжить одиночке. Кроме того, всё его свободное время занимала работа, а разрываться между семьёй и карьерой он не хотел. Вспомнив, как погибли его близкие, Джесси тихо скрипнул зубами и, сжав кулаки, в очередной раз поклялся себе, что будет уничтожать тварей до тех пор, пока сможет держать в руках оружие.

На этом попутном броневике он проехал почти полсотни километров и, когда машина остановилась у едва заметного просёлка, даже обрадовался. Броня не самое удобное место для дальних поездок. Выглянувший из машины лейтенант с интересом посмотрел на своего попутчика и, кивнув на просёлок, сказал:

– Нам сюда. Или передумал и с нами до базы рванёшь?

– Спасибо, – покачал головой Джесси. – Я дотемна ещё вёрст тридцать отмахать успею, – добавил он, вовремя вспомнив старинную меру длины, применявшуюся в России.

– Ну, смотри сам, – кивнул лейтенант и, дождавшись, когда пассажир слезет на землю, скомандовал, заглядывая в люк: – Поехали, Вась. Этот – дальше пойдёт.

БТР взревел и, скатившись на просёлок, скрылся за поворотом. Проводив старую машину взглядом, Джесси облегчённо перевёл дух и, застегнув крепления, решительно зашагал дальше. Случайная встреча здорово сэкономила ему силы и время, и теперь он хотел только одного: оказаться от этого перекрёстка как можно дальше. Широкие лыжи легко скользили по мягкому, пушистому снегу, и Джесси вернулся к своим размышлениям.

Определить общую картину происходящего труда не составляло. Но как узнать, что именно русские применяют для борьбы с пришельцами? Не станешь же ходить вокруг базы и тупо задавать вопросы всем военным подряд. Из-за отсутствия документов наниматься в одну из боевых групп просто глупо. Но брать с собой документы начальство не разрешило. Это действительно могло навести на ненужные мысли. При внезапном нападении люди стараются спасти детей, близких, какие-то вещи и только в последнюю очередь думают о бумагах. И поэтому человек, называющий себя беженцем из далёкого города, но имеющий при себе паспорт, вызовет подозрение. Оставалось только надеяться на отсутствие связи и на то, что проверить, был ли такой человек в таком городе или нет, просто невозможно. А уж тем более если этот человек – полукровка, за которого Джесси и планировал себя выдавать. Сын русского строителя и якутки, окончивший школу и большую часть жизни проживший в тундре. Легенда простая и дающая ему законное право иногда путаться в некоторых словах, так как в своей семье он говорил в основном на языке матери. К тому же это избавляло его от необходимости описывать и называть несуществующих родственников. Ответ на подобный вопрос был прост. Отец приехал из Череповца, несколько лет проработал в тундре, а после его отъезда оказалось, что на свет должен появиться он. Как следствие, отца он не знает, о возможных родственниках слышал только от матери и ни на что особо не рассчитывает. Просто ушёл из родных мест, потому что всё стойбище было уничтожено. Отсюда же – одежда, умение хорошо стрелять и ориентироваться на любой местности. Все остальные навыки, такие как владение рукопашным боем, знание языка и тому подобное, он никому демонстрировать не собирался.

К вечеру, преодолев ещё около сорока километров, Джесси уже собрался искать место для ночлега, когда неожиданно заметил очередную струйку дыма, медленно поднимавшегося в быстро темнеющее небо. Свернув с дороги, он, не спеша, двинулся в сторону источника дыма, настороженно всматриваясь в темнеющую тайгу. Съехав в небольшой распадок, он увидел несколько одноэтажных строений, над одним из которых и вился замеченный им дымок. Поначалу Джесси не заметил ничего странного, но, присмотревшись, неожиданно понял, что в этом поселении всё было не так, как было устроено на хуторе у Савелия. Если изба Савелия была построена прочно, можно сказать, на века, то длинное несуразное здание, над которым вился дымок, было сложено из разных кусков. Доски, брёвна, куски жести и пластика. У Джесси сложилось такое впечатление, что он неожиданно попал домой, на южное побережье Штатов. Тряхнув головой, чтобы отогнать наваждение, он криво усмехнулся и едва успел сделать два шага, как из кустов вышел высокий, очень худой человек с длинной бородой и, разведя руками, громко произнёс:

– Добро пожаловать, странник. Войди в нашу обитель и будь нашим гостем.

– Спасибо, почтенный. Я с большим удовольствием приму ваше гостеприимство, если, конечно, это не будет вам в тягость, – как можно вежливее ответил Джесси, внимательно рассматривая странного человека.

Сделав ему приглашающий жест рукой, человек тяжело зашагал по снегу в сторону строений. Пропустив его вперёд, Джесси медленно покатил следом, на всякий случай внимательно осматриваясь. Где-то на уровне подсознания у него в голове тихонько зазвенел сигнал тревоги. Давно уже привыкнув доверять своему инстинкту, Джесси старался быть начеку. Подойдя к двери, он снял лыжи и, стряхнув с них снег, шагнул следом за хозяином. Внутреннее убран-

ство дома не обмануло ожиданий Джесси. Везде царили холод и ужасная нищета. Длинное помещение отапливалось только одной железной печкой, вокруг которой и собрались все обитатели этого странного жилища. Укутанные кто во что горазд, они производили впечатление не беженцев, а погибающих от холода и голода. Растерянно покосившись на этих людей, Джесси поздоровался и, сняв с плеч вещмешок, присел к столу, подчиняясь жесту приведшего его человека. Но сестра постаралась так, чтобы за его спиной оказалась только стена. Прислонив лыжи рядом с собой и поставив под них мешок и карабин, он внимательно посмотрел на бородатого и, улыбнувшись ему одними губами, спросил:

– Скажите, почтенный, как далеко от вашего поселения до города?

– А зачем тебе город, путник? – вопросом на вопрос ответил тот.

– Для ориентира. Хочу понять, как далеко мне ещё идти, – пожал плечами Джесси.

– А куда ты вообще идёшь?

– Родственников ищу, – коротко ответил Джесси, не сводя с него тяжёлого взгляда.

– Родственников – это хорошо, – кивнул бородач. – А пришёл ты в святой скит последователей Сына Божия. Все, кого ты здесь видишь, есть братья и сёстры в святой вере, что придёт час – и спасутся те, кто был твёрд в годину испытаний.

«Во попал! – ахнул про себя Джесси. – Вот только фанатиков мне и не хватало. Пожалуй, есть и пить здесь ничего не надо. Ещё отравят какой-нибудь гадостью и оберут до нитки».

– Сестра Наталья, накорми гостя чем Бог послал, – тем временем приказал бородач.

– Простите, почтенный, но, судя по всему, с пищей телесной у вас и так не густо, поэтому я перекушу тем, что с собой имею, – быстро ответил Джесси, протягивая руку к своему мешку.

По тому, как злобно сверкнули глаза бородатого, Джесси понял, что угадал. Усмехнувшись про себя, он достал из мешка кусок вяленого мяса, полученного им в дорогу от Савелия, и половину пресной лепёшки, которыми и поужинал, стараясь не замечать голодных взглядов, бросаемых на него сидевшими у печки людьми. В конце концов, они сами выбрали себе такую жизнь, и вешать себе на шею кучу бестолковых нахлебников, способных только молиться и тупо исполнять приказы самозванных святых, он не собирался. Плотно перекусив, Джесси как следует завязал горловину мешка, успев незаметно переложить пистолет за пазуху. Несмотря на то, что присевший с другой стороны стола бородач следил за каждым его движением, Джесси рискнул достать пистолет, готовясь к любому развитию событий. Глотнув воды из своей фляжки, уже успевшей оттаять, он небрежно улыбнулся бородачу и, осмотревшись, спросил:

– Вы позволите мне переночевать на этой лавке, почтенный?

– Может, ты, путник, желаешь услышать о спасении, которое можешь обрести в нашей обители? – елейным голосом спросил бородач.

– Простите, почтенный, но устал я сегодня. Не до разговоров. Так что, если позволите, я переночую, а утром дальше пойду, – решительно отказался он.

– Тебя не интересует слово Божье?! – возмутился бородач, но Джесси сразу стало ясно, что возмущение это притворно.

– Слово Божье нужно слушать с чистыми помыслами и ясной головой, а у меня сейчас в голове только одна мысль: поспать, – удручённо вздохнув, ответил Джесси.

– Так давай вместе помолимся, очистим мысли наши и устремимся помыслами к Всевышнему, – радостно подскочил бородач.

– Молитва – дело личное, можно сказать, интимное. И делать это нужно тогда, когда того хочет душа человека. А моя душа хочет только одного: спать, – твёрдо ответил Джесси, внимательно наблюдая за бородачом.

Скривившись так, словно разжевал лимон, бородач несколько минут пялился на Джесси, но потом, взяв себя в руки, мрачно кивнул:

– Хорошо, можешь спать на этой лавке, – процедил он, резко поднимаясь на ноги.

Благодарно кивнув, Джесси отодвинул лавку к стене и, пристроив под голову свой мешок, устроился спать. Лавку он умудрился поставить так, чтобы любой, попытавшийся взять при-слонённые к стене лыжи и карабин, не смог бы этого сделать, не побеспокоив самого Джесси. Он действительно устал, но даже долгая дорога не смогла заставить его отключиться полностью. Настроившись, он заставил себя уснуть только частью сознания. Глаза его действительно спали, а уши продолжали фиксировать всё происходящее вокруг. Так спали волки, и так же умели спать его предки, индейцы навахо. Уже засыпая, Джесси услышал, как бородач резким голосом приказал одной из своих подчинённых прийти к нему в келью, и вскоре оттуда послышались знакомые звуки. Не сдержав любопытства, Джесси повернулся на бок и принялся осторожно наблюдать за входом в келью. Но время шло, а бородач всё не успокаивался. Плюнув, Джесси устроился поудобнее и действительно отключился. Ночь почти прошла, когда не спавший слух Джесси подсказал ему, что к лавке кто-то осторожно подкрадывается. Медленно, словно во сне, передвинув руку так, чтобы она оказалась на рукояти пистолета, Джесси закинул другую руку на лицо, чтобы защитить голову от возможного удара. Дождавшись, когда подошедший к лавке человек попытается вытянуть из-за него карабин, Джесси выхватил пистолет и, ткнув стволом в бок вору, тихо сказал:

– Убери руки, если сдохнуть не хочешь.

– Святотатство! – неожиданно громко завизжал бородач.

К вещам Джесси протянул блудливые ручонки именно он. Не обращая внимания на его визг, Джесси молча взвёл курок, и щелчок отлично смазанного механизма разом оборвал все крики.

– Я не шучу, святоша. Не отвалишь в сторону, мозги вышибу, – прошипел он, и в этом тихом, спокойном голосе прозвучало больше угрозы, чем во всех криках сразу.

– Ты не посмеешь стрелять! Бог меня защитит! – прозвучал пафосный ответ.

– Хочешь это проверить? – спросил Джесси, иронично усмехнувшись.

Опершись на свободную руку, он приподнялся и, быстро оглянувшись, заметил двух мужиков, замерших с дубинами в руках. Понимая, что ситуация патовая и просто так его не выпустят, Джесси одним плавным движением опустил пистолет и прострелил бородачому колено. Не смертельно, но жутко больно. Пользуясь тем, что святоша резко озабочился состоянием своего здоровья, Джесси моментально взял на прицел двух дуболомов и, мрачно усмехнувшись, приказал:

– Деревяшки свои бросили и в уголок отошли. Иначе всю жизнь хромать будете.

Растерянно переглянувшись, мужики дружно бросили свои дубины и, покорно убравшись в указанный угол, принялись сверлить Джесси настороженными взглядами. Тяжело вздохнув, он поднялся и, прислушавшись к своим ощущениям, понял, что успел полностью восстановиться. Мрачно посмотрев на страдальчески стонущего бородача, Джесси криво усмехнулся и, качнув пистолетом, спросил:

– И много путников ты так обобрал?

– Заблудшие души должны склониться перед величием слова Божьего, иначе их казнят! – фальцетом взвизгнул бородач.

Закинув карабин на плечо, Джесси прошёл за загородку, где развлекался святоша, и, одним движением сорвав занавеску, заглянул внутрь. На деревянном топчане, застеленном грязной простыней, свернувшись в комок, лежала девушка. Точнее, девочка. Отброшенное в сторону хозяйской рукой одеяло прикрывало её бёдра только одним углом. От холода девочка посинела и заметно дрожала, но укрыться одеялом не смела. Пара десятков синяков украшала её худенькое тельце. Несколько лучин давали достаточно света, чтобы как следует рассмотреть её. Заметив едва сформировавшуюся грудь, Джесси понял, что этому ребёнку нет и пятнадцати, и, зарывав от злости, быстрыми шагами вернулся к лежащему святоше.

– Тварь поганая, и после этого ты смеешь говорить о Боге?! Да это же ещё ребёнок!

– Благодать святая вошла в её тело, и душа её будет спасена! – завопил в ответ бородач, старательно отползая подальше от этого страшного путника.

– Попробуй спасти свою душу, мразь, – рявкнул в ответ Джесси и, одним движением вскинув пистолет, всадил ему пулю прямо между глаз.

Внимательно следившие за происходящим обитатели скита дружно вскрикнули от ужаса, когда голова бородача, отброшенная силой выстрела, гулко стукнулась о деревянный пол. В доме воцарилась гробовая тишина. Вздохнув, Джесси сунул пистолет за пояс и, закинув на плечи мешок, направился к двери.

– Слышь, мил человек, а как нам быть? – протянул один из сидевших в углу мужиков.

– Своими мозгами живите. Как все люди живут. И не надейтесь, что за вас кто-то другой решит ваши проблемы, – ответил Джесси и, выйдя за дверь, надел лыжи.

Ещё не рассвело, но оставаться в этом поселении было выше его сил. Бросив на компас быстрый взгляд, он убедился, что дорога идёт в нужном ему направлении, и, глубоко вздохнув, решительно побежал дальше.

* * *

Веки почему-то не открывались, а в глаза как будто насыпали песку. Это была первая мысль, которая пришла Матвею в голову. Несколько минут он просто лежал, пытаясь понять, где он оказался и каким дьяволом его сюда занесло. Сообразив, что ничего не может вспомнить, он, в очередной раз попытавшись открыть глаза, вдруг увидел над головой брезентовый потолок палатки. Сам он лежал на узкой койке, рядом с которой стояла железная стойка для капельницы. Проследив взглядом трубку от капельницы, он понял, что другой её конец упирается ему в локтевой сгиб.

– Рой! – Матвея, словно током ударило.

Ухватившись рукой за уголок каркаса кровати, он попытался приподняться, но в этот момент в углу палатки кто-то сдавленно охнул и выскочил за порог. Дальше события понеслись вскачь. Клапан палатки отлетел в сторону, и к койке подлетел тот, за кого Матвей так беспокоился. Огромный, мощный кобель даже сдвинул с места койку вместе с лежащим на ней человеком, когда, не успев вовремя остановиться, налетел на неё боком. Увидев, что его питомец жив и даже очень здоров, Матвей облегчённо вздохнул и попытался встать, но вошедший в палатку генерал решительно пресёк эту попытку, твёрдо приказав:

– Лежите спокойно, Матвей Иванович.

– Почему? Я же вроде не ранен, – сказал Матвей.

– Не ранены, но врачи нашли у вас сильное нервное истощение. Так что лежите и приходите в себя.

– Не до отдыха сейчас, – упрямо замотал головой Матвей, делая очередную попытку подняться. – Люди гибнут, а я пока только один, кто может правильно собаку понять.

– Хватит в героя играть, – рявкнул в ответ генерал. – Если в поиске снова в обморок грохнетесь – и себя, и бойцов погубите. Да и не до вас сейчас.

– В каком смысле? – не понял Матвей.

– В прямом, – резко ответил генерал и, оглянувшись, жестом отослал весь медицинский персонал подальше. – Как вам известно, у нас есть кое-какие наработки, которые заставляют ксеносов обнаруживать себя. Вот ими мы пока и пользуемся. Как показала ваша с ними встреча, в развалинах их больше, чем мы предполагали. Так что бои сейчас идут серьёзные.

– Сколько я здесь валяюсь? – спросил Матвей.

– Уже третьи сутки пошли. Самое паршивое, что ваш зверь ни от кого пищу принимать не желает и от палатки его не отогнать. Как с цепи сорвался. Двух наших кинологов порвал.

Хорошо, что они знали, с кем дело имеют, и специальные рукава надели. Так эта сволочь не в рукав, а в ноги вцепилась, – с улыбкой ответил генерал, кивая на сидящего у кровати Роя.

– Сильно порвал? – испуганно спросил Матвей.

Ещё свежи были в памяти репрессии, которым подвергали животных, укусивших человека.

– Нет. Такое впечатление, что он просто показал им, что с ним лучше не связываться, и вернулся на своё место.

– На какое?

– Под вашей кроватью. Он отсюда только по нужде выходил. Ох и напугали вы меня, Матвей Иванович. Самая перспективная пара, уже сумевшая доказать свою работоспособность, – и вдруг такой фортель!

– Простите, я не хотел, – смущённо усмехнулся Матвей.

– Знаю, – устало улыбнулся генерал, медленно присаживаясь на край кровати. – Как сейчас себя чувствуете?

– Почти нормально, только голова немного тяжёлая.

– Ну, это как раз понятно. Сейчас вас врач осмотрит, а потом поговорим. Только давайте сразу с вами договоримся: без глупого героизма. Вы нужны мне действительно здоровым, а не кажущимся таковым. Поймите, от вашего здоровья многое зависит. Не могу вам сейчас сказать всего, но поверьте, это так. Поэтому молча делать всё, что прикажет врач, и не пытаться с ним спорить. Заодно и ему пожрать прикажите, – добавил он, ткнув пальцем в собаку.

– Если разрешат его здесь покормить. В противном случае мне встать придётся, – вздохнул Матвей.

– Это ещё почему? – не понял генерал.

– Как вы знаете, мы с ним очень связаны, и не только физически. Он не станет ничего есть, если меня не будет рядом.

– Чёрт с вами, ослы упёртые, – усмехнулся генерал. – Воспользуюсь своим служебным положением в очередной раз.

Жестом подзвав к себе врача, он коротко обрисовал ему ситуацию и, вздохнув, попросил его выделить уголок, где можно было бы обустроить место для пса. Ответив генералу возмущённым взглядом, врач попытался что-то возразить, но, услышав глухое рычание Роя, испуганно замолчал.

Положив руку на голову пса, Матвей попытался уговорить его, но вместо этого добился только усиления рычания. У всех присутствующих сложилось такое впечатление, что кто-то повернул ручку усиления звука. Взявшись ещё слабыми после обморока пальцами за шипастый ошейник, Матвей тихо, но твёрдо приказал:

«Тише, мальчик, это не враг».

«Враг», – неожиданно услышал он в ответ.

Матвей, удивлённо покосившись на врача, перевёл взгляд на генерала. Сообразив, что тот ничего не слышал, он медленно подтянул пса поближе к кровати и, подумав, примирительно произнёс:

– Не сердитесь, доктор. Для него все посторонние – это потенциальные противники. Дрессировка такая. Так что просто позвольте ему остаться здесь. Сами понимаете, что выгнать его ни у кого не получится, а рядом со мной он будет спокойным и тихим.

– В любом случае другого выхода у меня нет, – фыркнул врач, полоснув пса ненавидящим взглядом.

Выразительно покосившись на генерала, он развернулся и, выпрямившись, словно аршин проглотил, вышел из палатки. Дождавшись, когда он скроется за порогом, Матвей отпустил Роя и, настороженно посмотрев на генерала, тихо сказал:

– Рой считает его врагом.

– В каком смысле? Он же человек?! – развёл руками генерал, удивлённо глядя на собаку.

– Не знаю, что это значит, но, похоже, пёс воспринимает и мысли, и эмоции людей. Кроме того, не стоит забывать, как погиб тот Рой. Сами знаете, среди людей немало тех, кто готов уничтожить всех окружающих, лишь бы спасти свою шкуру.

– Да уж, мерзости повылазило... Мародёры, бандиты, торговцы органами, работоторговцы, религиозные деятели всякие. Люди годами дверь в дверь по соседству жили. Здоровались, праздники вместе отмечали, а после нападения – с ходу бросились счёты сводить. Такое впечатление, словно гнойный нарыв вскрыли.

– Так и есть, вскрыли. То, что для одних – горе, для других – возможность реализовать свои амбиции и потешить глупые комплексы. Вполне возможно, что этот эскулап считает себя достойным более значимого места, чем должность главврача отделения. Или – просто собак не любит. А может быть, и так, что он мечтает отдать нас всех тварям и таким образом приподняться. В любом случае присмотреть за ним не помешает.

– И вы снова правы, – вздохнул генерал. – Умный вы человек, Матвей Иванович. Одно удовольствие общаться с вами. Каждый раз, как ни встретимся, умудряетесь сюрприз преподнести.

– Я стараюсь, – усмехнулся в ответ Матвей.

– Может, будет лучше перевести вас отсюда?

– Не стоит. Рой здесь, а он никому не позволит причинить мне вред. Кроме того, кто предупреждён, тот вооружён. Так что мне лучше пока остаться здесь. Зато этот у нас на глазах будет.

– Ну, на этот счёт волноваться не стоит. И без вас найдётся кому за ним присмотреть, – усмехнулся генерал, бросив беглый взгляд на вернувшуюся на своё место медсестру.

– Вот, значит, как, – понативно усмехнулся Матвей, заметив его взгляд. – Похоже, он давно у вас на карандаше.

– С чего вы взяли?! – возмутился генерал, иронично усмехнувшись.

– Догадался. А раз так, то мне тем более лучше побыть здесь. Может, и получится подвигнуть его на необдуманные шаги.

– Предлагаете ловить на живца? – с интересом спросил генерал.

– Чем быстрее избавимся от подобных типов, тем легче воевать будет, – твёрдо ответил Матвей, откидываясь на подушку.

– Тоже верно, – кивнул тот и, поднявшись, добавил: – Отдыхайте. И главное – нервы берегите. Нам ещё очень многое сделать нужно.

– Сделаем. Я за своих девчонок этих тварей зубами грызть буду, – зло выдохнул Матвей, чувствуя, как ярость ударила в голову, словно спиртное.

Сидевший рядом с койкой Рой моментально вскочил и, ошетинившись, грозно зарычал. Удивлённо посмотрев на собаку, генерал покачал головой и, попросившись, вышел. Подозвав к себе собаку, Матвей устроился поудобнее и, положив ладонь на голову пса, принялся внимательно смотреть ему в глаза.

«Почему доктор враг?» – медленно спросил он.

«Враг. Хотеть, чтобы ты не стать», – пришёл ответ, и Матвей испуганно вздрогнул:

«Почему? Ты знаешь?»

«Нет. Он злой на ты. Хочет, чтобы ты не стать».

«А как твоя сестра?» – спросил Матвей, чтобы сменить тему.

«Она больно. Она жить. Но долго быть больно».

«Ты можешь узнать, кто может слышать тебя, а кто нет?» – задал Матвей следующий вопрос, вспомнив, при каких обстоятельствах была ранена та собака.

«Я слышать всех».

«Ты слышишь всех, а тебя – немногие. Так?» – переспросил Матвей.

«Что есть немногие?» – тут же задал вопрос Рой.

«Мало кто», – задумчиво ответил Матвей, обдумывая ситуацию.

Получалось, что для подбора подходящих кандидатов генералу придётся устраивать настоящий экзамен. И экспертом по отбору придётся выступить именно Рою. Придя к такому выводу, Матвей решил зайти с другой стороны. Повернувшись к Рою, он спросил:

«Ты сможешь узнать человека, который может тебя слышать?»

«Да. Зачем?» – не остался в долгу Рой.

«Твоя сестра ранена потому, что её проводник не смог её услышать. Значит, вам всем, кроме тебя, нужно найти проводников, которые могут вас слышать», – старательно объяснил Матвей.

«Её слышать самка. Где лежать».

«Что? Какая самка?» – растерялся Матвей от такого ответа.

«Где лежать сестра, самка слышать. Ты видеть. Она говорить, где сестра», – ответил Рой, старательно пояснив, о ком идёт речь.

«Настя. Медсестра в ветклинике», – подскочил Матвей, сообразив, о ком говорит Рой.

«Да. Настя. Она слышать мою сестру», – подтвердил Рой догадку Матвея.

«Отлично. Значит, одной проблемой меньше. Но как ты узнал, что медсестра может тебя услышать?»

«Она сказать тебе. Ты не слышать».

«А ведь ты прав, дружище. Я действительно не заметил, что Настя почти слышала наш разговор», – усмехнулся Матвей, вспомнив их короткую беседу.

Неожиданно сидевшая в углу медсестра поднялась и, подойдя к его кровати, решительно прервала их диалог:

– Матвей Иванович, вам лучше поспать. Я сейчас сделаю вам укол снотворного.

– Не надо. Я и так трое суток провалялся, словно ворона дохлая. Дайте хоть немножко живым себя почувствовать, – взмолился Матвей. – Я же не бегаю, не двигаюсь. Просто лежу и на собаку свою смотрю.

– Просто смотрите, а у меня такое впечатление, что вы с ним разговариваете, – лукаво улыбнулась сестричка.

– Вот как? А с чего вы решили, что мы разговариваем? – с интересом спросил Матвей.

– Мне так показалось, – пожала плечами девушка.

– А если серьёзно? – не унимался Матвей. – Поверьте, это не простое любопытство.

– Ну, если серьёзно, то я почему-то решила, что вы у него что-то спрашиваете, а он вам отвечает. Глупо звучит, но по-другому я объяснить не могу, – смутилась девушка.

– Нет, это совсем не глупо. Вы даже не представляете себе, насколько не глупо, – проговорил Матвей и, подумав, повернулся к Рою.

«Скажи ей что-нибудь. Скажи: „Привет!“» – попросил он, заметно волнуясь.

Послушно повернув к девушке медвежьё башку, Рой внимательно посмотрел ей в глаза, и Матвей впервые в жизни увидел живое подтверждение поговорке: глаза как блюдца. Именно такими они стали у миловидной сестрички, когда до неё дошло, кто с ней здоровается, а главное, каким образом. Оторопев, она попятилась назад и, не удержавшись на ногах, плюхнулась на стоявшую по соседству кровать. Благо она была пуста. Чуть улыбнувшись, Матвей вздохнул и, помолчав, принялся объяснять:

– Не впадайте в истерику и не спешите объявлять себя сумасшедшей. Это правда. Не буду объяснять вам всё, но именно вот эти собаки умеют говорить с людьми. Не со всеми, конечно, только с некоторыми, но умеют. Так что вам не показалось и не приснилось. Это правда. Только я попрошу вас пока держать это в тайне. Но у вас есть все шансы сменить работу и стать проводником служебной собаки. Если, конечно, захотите.

– Я... э-э... мне... вот, – проблеяла девушка и, судорожно сглотнув, тихо спросила: – Так это правда?

– Абсолютная. Вы сами только что в этом убедились.

– А можно, чтобы он ещё что-нибудь мне сказал? – попросила она, не сводя с собаки изумлённых глаз.

– Давайте попробуем, – улыбнулся Матвей. – Вот только что?

– Ну, хоть что-то, – пожала она плечами.

«Рой, скажи ей: „Ты красивая“» – попросил Матвей.

«Зачем?» – с явным интересом спросил Рой.

«Ей это будет приятно», – пояснил Матвей.

Рой улыбнулся, свесив набок язык, и, чуть слышно фыркнув, снова повернулся к девушке. Спустя несколько секунд она улыбнулась и, повернувшись к Матвею, ответила:

– Спасибо.

– За что? – не понял тот.

– За комплимент. Не думаю, что я кажусь красивой ему, – улыбнулась девушка.

– Попался, – усмехнулся в ответ Матвей. – Но зато теперь вы убедились, что мы действительно разговариваем.

– Да уж, убедилась, – рассмеялась девушка, легко поднимаясь с кровати. – Думала, что у меня от ночных дежурств окончательно крыша поехала.

– Много работы? – сочувственно спросил Матвей.

– К счастью, не очень. Оружие ксеносов почти не оставляет раненых. Или калечит навсегда, или сразу убивает.

– Знаю, – мрачно скривившись, ответил Матвей.

Это было правдой. Лучи, испускаемые оружием пришельцев, могли начисто срезать человеку конечность, а при попадании в голову или в туловище – убивали. Матвей не знал, отчего это происходит, но в результате такого попадания не сомневался. Ему не раз приходилось видеть результаты таких попаданий.

Их спокойную беседу прервал врач, ворвавшийся в палатку, словно разъярённый зверь. Увидев, что медсестра спокойно беседует с пациентом, он резко остановился посреди палатки и, уперев ладони в бёдра, с ходу заорал:

– Что всё это значит?! Кто вам разрешил оставить пост и заниматься чёрт знает чем?! Что вы себе позволяете?

– А что она себе позволила, доктор? – ровным, спокойным тоном спросил Матвей. – В палатке больше никого нет, и она наблюдает за пациентом. Кроме того, до её поста – всего пять шагов. Так что она своего места не покидала. Насколько я могу судить, этот стул и есть её пост.

– А вас вообще никто не спрашивал. Лежите себе молча и болейте дальше. Симулянт. Люди в бою погибают, а он тут разлёгся, – завопил в ответ врач.

Услышав его слова, Матвей медленно, с усилием поднялся и, спустив с кровати ноги, начал вставать. Выпрямившись, он чуть покачнулся и, выдернув из вены иглу капельницы, с ненавистью ответил:

– Запомни, мразь. За эти три года я столько тварей положил, что тебе и в страшном сне не приснится. А ты, сучонок, всю войну вот в этой палатке просидел и смеешь ещё мне указывать, что делать?!

Ненависть, прозвучавшая в голосе Матвея, была столь велика, что разошедшийся эскулап испуганно попятился назад. Тяжело шагнув к нему, Матвей сжал кулаки и, не сдержавшись, добавил:

– Твоё счастье, подонок, что у меня оружия нет. Я бы тебя своими руками пристрелил и даже спал бы после этого спокойно.

– Да ты спокойно спишь даже после того, как людей режешь, – взвизгнул от избытка чувств доктор.

– Ах вот оно что! Значит, ты родственничек того подонка, что осмелился в мою собаку выстрелить. Теперь понятно, откуда такая злость. Хороша семейка: предатель на предателе едет и предателем погоняет. Знаешь, я даже рад, что прикончил его. Всем вам туда дорога, твари продажные, – не скрывая презрения, ответил Матвей.

– Ничего, не много вам осталось, ублюдки, – злобно оскалился врач, медленно пятясь к выходу из палатки.

Словно в ответ на его слова где-то неподалёку раздалось звонкое шипение и взрыв, от которого подпрыгнуло всё, даже сама палатка, низ которой крепился к земле колышками. С трудом удержавшись на ногах, Матвей покосился на выход, а медсестра, имени которой он узнать так и не успел, испуганно взвизгнула:

– Это что, конец света?!

– Не знаю я, чей это конец, но убираться отсюда нужно срочно, – огрызнулся Матвей, оглядываясь вокруг.

– Что вы ищете? – быстро спросила медсестра, выглядывая на улицу.

– Свои вещи. Не могу же я по улице в таком виде бегать, да ещё зимой, – возмутился Матвей.

– Всё на складе, вместе с оружием, – ответила сестра, приседая на корточки.

Рядом с базой раздался ещё один взрыв, и в воздух полетели обломки. Пользуясь тем, что и она, и Матвей были отвлечены неожиданным налётом, врач выхватил из кармана халата скальпель и попытался полоснуть им Матвея по шее, под челюстью. Краем глаза заметив блеск стали, Матвей успел отшатнуться назад, мысленно проклиная свою слабость и заторможенность движений. Отточенный как бритва скальпель прошёл мимо цели, полоснув его по нижней челюсти. Кожу обожгло, и Матвей застонал от боли. Рой, злобно лаявший на звучащие взрывы, умудрился услышать его стон и, коротко разбежавшись, взвился в воздух, ударив врага, как кот, всеми четырьмя лапами. Пятьдесят килограммов мышц, костей и клыков смели разъяренного врача с места. Выронив скальпель, он рухнул на пол всем телом. От удара у него перехватило дыхание, и теперь вместо злобной ругани в палатке слышались только сильные вздохи. Сжав шею врача клыками, Рой так придавил его к полу, что тот не мог даже пошевелиться. Понимая, что в своём нынешнем состоянии он не может справиться даже с таким противником, Матвей повернулся к медсестре и, недолго думая, крикнул:

– Беги к штабу, зови караул.

– Не надо, он уже здесь, – раздался спокойный голос, и в палатку вошёл генерал Лоскутов.

– Слава богу, вы пришли вовремя! – облегченно вздохнул Матвей.

– Не совсем, судя по вашему лицу. Но лучше поздно, чем никогда. Итак, «херр доктор», сами испражняться начнёте или вам пару пальчиков сломать для убедительности?

– В чём меня обвиняют? – попытался возмутиться врач, едва только Рой отпустил его, подчиняясь команде Матвея.

– В предательстве и пособничестве врагу. Нам известно, что это именно вы принесли на базу маяк. И именно по нему сейчас лупят ваши приятели ксеносы.

– Раз вы считаете меня преступником и я арестован, то я немедленно требую адвоката, – попытался возмутиться врач.

– Вы действительно идиот или так талантливо прикидываетесь? – иронично усмехнулся генерал. – Идёт война, и вас взяли практически с поличным. Кроме того, мы не милиция, а армейская разведка, так что общение с адвокатом вам не светит. Больше того, я могу из вас фарш сделать, и ни одна душа даже не вспомнит, что был такой странный доктор. Так что? Будете и дальше овцой прикидываться? Неужели вы и вправду решили, что деятельность ваша и вашего брата останется незамеченной? А теперь рассказывайте, где и как вам передали

маяк. Где состоялся контакт с противником? И самое главное – каким образом вы с ним говорили?

– Хорошо, я буду говорить, – вздохнул врач, безвольно обвиснув в руках двух дюжих спецназовцев.

– Уведите, – приказал генерал, брезгливо скривившись.

Дождавшись, когда арестованного выволокут из палатки, он повернулся к Матвею и, мрачно качнув головой, приказал стоявшей рядом медсестре:

– Принесите аптечку и обработайте рану.

Девушка галопом вынеслась из палатки, а генерал добавил:

– А что делать, если тут такое началось?

– Да уж, кое-что мы не учли. Похоже, что действовать быстро, не задумываясь – это их правило. Мы едва успели перенести маяк в развалины старого завода. Зато после войны на демонтаж тратиться не придётся, – усмехнулся в ответ Матвей. – Кстати, я тут поразмыслил над проблемой и, похоже, нашёл ответ.

– О чём именно речь, Матвей Иванович? Простите, но проблем у меня столько, что голова кругом, – улыбнулся генерал, устало присаживаясь на кровать и готовясь с интересом выслушать его.

– Как вы помните, у проводников возникла проблема обратной связи со своими собаками. Они не слышали предупреждения. Точнее, они вообще ничего не слышали. Так вот, мы с Роем посоветовались и пришли к выводу, что сможем найти подходящих ребят для этих псов.

– Вы посоветовались? – переспросил генерал. – Знаете, услышь я это от кого другого, уже вызвал бы бригаду психиатров, но, зная вас, а точнее, зная, что это за собака, готов слушать дальше. Хотя, признаюсь откровенно, рука так и тянется за трубкой.

– Надеюсь, вы сумеете сдержать свой порыв и психушка мне не грозит. Во всяком случае, до конца войны, – усмехнулся Матвей.

В палатку вошла медсестра и, быстро подойдя к кровати, на которой сидел Матвей, принялась ловко смывать натёкшую из пореза кровь. Едва увидев её, генерал сделал Матвею предупреждающий жест бровями, но проводник только улыбнулся в ответ. Приподняв голову, чтобы девушке было удобнее возиться с раной, он продолжил:

– Если я ничего не путаю, эта милая барышня – одна из ваших адептов, так что всё, что я сейчас скажу, не должно повергнуть её в шок. Тем более что всё это напрямую касается именно её.

– В каком смысле? – не понял генерал.

– Она – одна из тех, кто способен слышать собаку. Рой говорил с ней.

– Что? Как? Когда? – окончательно опешил генерал, удивлённо поглядывая на девушку.

– За несколько минут до того, как началось это светопреставление. И скажу вам откровенно, всё прошло очень легко. Настолько легко, что я даже удивился. Так что один кандидат у вас уже есть.

– Судя по тому, как вы это сказали, у вас есть и другой, – задумчиво проговорил генерал.

– Есть, но её мы ещё проверить не успели, – вздохнул Матвей.

– И кто же она?

– Тоже медсестра, но в ветеринарке. Она сейчас присматривает за раненой сукой. А как дела у оставшейся пары?

– Непонятно. Один вроде что-то слышит, но никак не может понять, что это такое. Второй, судя по всему, глух как пень. Едва успели вытащить группу из передраги. Так что приходится пока использовать звуковые гранаты. Но, к сожалению, они ещё сырые. Сами понимаете, изготавливать их приходится чуть ли не на коленке. Так что срабатывают две из трёх, – мрачно скривился генерал.

– Даже это – результат, – кивнул Матвей и, дождавшись, когда девушка наклеит полоску пластыря, сказал: – Спасибо, у вас очень чуткие руки. Простите, я так и не успел спросить, как вас зовут.

– Дана. Дана Лоскутова, – вместо девушки ответил генерал.

– Это ваша дочь? – спросил Матвей, удивлённо переводя взгляд с неё на генерала.

– Она самая, – устало вздохнул генерал. – И не смотрите на нас таким растерянным взглядом. Она – копия своей матери, только характер мой.

– Ну, судя по тому, какую именно профессию она выбрала, могу в это поверить, – улыбнулся Матвей.

– Ладно, давайте оставим нашу семейную жизнь и вернёмся к вам.

– А что со мной не так? – не понял Матвей. – Вот сейчас получу свои шмотки, стволы – и вперёд, на передовую.

– А вот с передовой вам придётся подождать, – осадил его генерал.

– Почему? – спросил Матвей, моментально помрачнев.

– У вас будет другое задание. Так уж карта легла, что во всей этой истории вы – первый, кто научился правильно понимать свою собаку и в ком мы действительно можем быть уверены. Так что вещи забирайте, а вот стволы придётся оставить дома.

– Издеваетесь?! Да я без них как голый! – возмутился Матвей.

– Да ты и есть голый, – беззлобно проворчал генерал, пряча улыбку в уголках губ.

Услышав его ответ, Дана звонко расхохоталась. Не удержавшись, рассмеялся и сам Матвей. Настороженно наблюдавший за ними Рой, сидевший рядом с проводником, тоже улыбнулся, обнажив сверкающие клыки. Заметив это, генерал качнул головой в сторону собаки и, вздохнув, спросил:

– Я, по-моему, не ошибусь, если скажу, что этот зверь смеётся вместе с нами.

– Вы правы, Александр Юрьевич. Он действительно смеётся.

– С ума сойти можно, – усмехнулся генерал.

– А мне нравится. Рядом с ним чувствуешь себя как-то увереннее, что ли, – решительно ответила Дана.

– Так. Вот только ты не начинай – у тебя свои дела. И не забудь, что ты на службе.

– Как скажете, господин генерал, – ответила девушка, шутливо вытянувшись во фрунт.

– Данка, не посмотрию, что ты родная дочь, загоню на «губу», там веселиться будешь, – пригрозил генерал, но у Матвея сложилось такое впечатление, что эту угрозу она слышит едва ли не через день. – Вали на склад и тащи сюда все его вещи. И капитана позови. А то он уже у входа целую яму, наверное, вытоптал.

– Что за капитан? – тут же насторожился Матвей.

– Командир вашего отделения, – ответил генерал и, дождавшись, когда Дана выйдет, тихо продолжил: – С этой минуты вы будете находиться под постоянной охраной моих ребят. Вы оба. Хватит с нас случайных ранений. Если уж дошло до того, что на вас простой доктор с ножом бросается, то я вполне допускаю, что найдётся ещё десяток человек, которые нажмут на курок, едва увидят вас одного.

– Это случайность. Во всяком случае, не думаю, что у меня так уж много врагов, – пожал плечами Матвей. – И кстати, где ребята, с которыми мы в поиск ходили?

– На задании, – коротко пояснил генерал. – Так что будете теперь с этими работать. А по поводу случайности так скажу: уж очень интересная получилась случайность, если учесть, что у вас на челюсти кусок пластыря. А если откровенно, то я не верю в случайности. В любом случае вы слишком ценны для проекта, чтобы пустить всё на самотёк. Вы оба. И не смотрите на меня взглядом загнанной газели. Ваш пёс – серьёзный боец, но пуля есть пуля, и даже самый опытный пёс не сможет увернуться от неё. Так что это не оговаривается.

В этот момент в палатку вошёл шкафообразный капитан из роты спецназа и, подойдя к кровати, мрачно уставился на голого Матвея. Ответив ему таким же мрачным взглядом, Матвей насутился и, вздохнув, перевёл взгляд на генерала. Заметив эти переглядки, тот криво усмехнулся и, помолчав, тихо, но так, чтобы дошло до обоих сразу, сказал:

– Значит, так, капитан. Эта парочка – основные фигуранты в нашей большой игре под названием «Борьба с нашествием ксеносов». Ваша задача – сделать всё, чтобы они остались живы. Головой отвечаете. Вы и ваши люди. И учтите: узнаю, что осмелились на него наехать или обвинить в бездействии, – хором отправитесь склады охранять. До конца войны. Вопросы?

– Никак нет, – мрачно прогудел этот ходячий шкаф, продолжая коситься на Матвея.

– У меня есть, – неожиданно ответил сам проводник.

– Слушаю, – насторожено ответил генерал.

– Я всё-таки хочу попросить вас позволить всем нам участвовать в боевых операциях. Мне и отделению капитана... простите, не знаю вашего имени.

– Вы ещё не совсем здоровы, Матвей Иванович. Я не хочу, чтобы вам снова стало плохо во время серьёзного нервного напряжения. Не буду вам объяснять, чем это может закончиться.

– Я почти здоров, Александр Юрьевич. Поверьте, это отделение и мы с Роем способны нанести противнику очень серьёзный урон. Особенно это важно теперь, после их налёта. Нужно показать им, что мы умеем отвечать очень жёстко, – твёрдо сказал Матвей.

Коротко вздохнув, капитан всем своим видом показал, что полностью согласен с предыдущим оратором. Чуть усмехнувшись, генерал покосился на него и, подумав, ответил:

– Разрешение на выход вы получите не раньше чем через неделю, и только после того, как вас осмотрит врач.

– Надеюсь, у следующего эскулапа я никого не прирезал, – усмехнулся Матвей.

– Вот, кстати, – тут же подскочил генерал, – где вы так ловко научились ножом орудовать?

– Влияние улицы, шпанистая юность. Если помните, одно время по телику постоянно фильмы про индейцев гоняли. Вот и заразился. Штук пять досок в щепу искрошил, пока научился с любого расстояния и любого положения в мишень попадать.

– И, должен признать, здорово научились, – усмехнулся генерал. – В развороте, с семи метров – и прямо в грудь. Это суметь надо.

– Это кого он так? – не удержался от вопроса капитан.

– Да так, одного подонка, который в мою собаку выстрелил, – ответил Матвей, тяжело вздохнув.

– А чем? – не унимался капитан.

– Десантным кинжалом.

– Солидно, – одобрительно кивнул капитан. – А стреляешь как?

– Капитан, такое впечатление, что вы с ним прямо сейчас в бой собираетесь, – осадил его генерал. – Вам же рассказали про тот случай.

– Один бой только, – пожал плечами капитан. – Да и то, им даже из машины выходить не пришлось.

– Скажем так, пришлось из автомата научиться стрелять как следует. Но из пистолета у меня получается почему-то лучше, – вздохнул Матвей.

– Уверен? – удивлённо прогудел капитан.

– Знаю. Я же до всей этой бодяги в СКС воевал. А там частенько бывало, что с автоматом не развернёшься. Вот и приходилось коротким стволом работать. Сам понимаешь, хорошо натасканный на тварей пёс дороже трёх стрелков ценится.

– Это точно, без ваших барбосов туда лучше и не соваться, если не хочешь на части развалиться, – согласно кивнул капитан.

– Ты бы присел, шкаф ходячий. А то у меня уже шея болит, голову на тебя задирать, – с усмешкой проворчал Матвей.

– И правда, капитан, присядьте, – согласно кивнул генерал, указывая ему на соседнюю кровать.

Осторожно опустившись на жалобно заскрипевшую кровать, капитан аккуратно приставил автомат к ноге и, почесав под маской щёку, задумчиво спросил:

– Разрешите вопрос, господин генерал?

– Валяй, – усмехнулся генерал.

– Что в них обоих такого, что их должны охранять взводом спецназа?

– Правильный вопрос, капитан. Но ответить я на него пока не могу. Скажу только, что ему, – тут указующий перст генерала упёрся в Матвея, – поручен один из самых секретных проектов в этой войне. А вот он, – генерал ткнул пальцем в Роя, – итоговый результат этого проекта. И теперь только от них зависит, как у нас дальше дела пойдут. Так что и собака, и хозяин – на твоей совести.

– Проводник, – тихо поправил его Матвей.

– Что? – не понял генерал.

– Не хозяин, а проводник. Я всегда старался избегать этого слова. Хозяева бывают у рабов, у машин, а собаки – это члены семьи, и называться их хозяевами неправильно. Ведь вы не называете себя хозяином собственных детей. Хотя иногда мы и ведём себя именно так.

– Это камешек в мой огород? – иронично усмехнулся генерал.

– Нет, скорее, философская сентенция, – улыбнулся Матвей.

– Ты с кем сейчас разговаривал? – неожиданно спросил капитан.

Дружно расхохотавшись, мужчины заметно расслабились, и теперь в больничной палатке воцарилась почти дружеская атмосфера. Отсмеявшись, Матвей повернулся к капитану и с улыбкой спросил:

– Тебя как зовут, сарай с пристройкой?

– Мишей крестили, так и зови, – усмехнулся в ответ капитан.

– Давай с тобой сразу договоримся, Миша. Я не вчера родился и знаю, что в вашу службу дубов не берут. Так что перестань под деревенского увальня косить. Понимаю, так служить проще, но не в нашем случае.

– Что, капитан, получил? – рассмеялся генерал. – Это тебе не штатских по норам гонять. Этот парень такое повидал, что иногда даже мне страшно.

– Это как? – не понял Миша.

– По-всякому, – тяжело вздохнув, неопределённо ответил Матвей.

– Тут, капитан, дело не в боевом прошлом, – задумчиво протянул генерал. – Их СКС, считай, первыми были, кто с тварями столкнулся и обратно живым пришёл. Откровенно говоря, мне даже представить трудно, как это – быть первым в таком контакте? А ведь они почти все до нападения гражданскими были.

– Виноват, господин генерал, но я только одного не понимаю, как случилось, что все наши службы слежения их корабли проспали? – тихо прогудел капитан.

– Не проспали, а не поняли, что это. Попробуй представить: откуда-то из космоса появляется непонятно что, выходит на орбиту и просто висит над планетой. При этом ни попытки выхода на контакт, ни ответа на попытки связи. Вспомни сам, все подразделения были подняты по боевой тревоге, все части приготовились к бою, и вдруг ниоткуда, прямо с орбиты – короткие, точечные удары... А нам даже ответить нечем. Не разрабатывалось у нас такого оружия. Все баллистические ракеты, все зенитные комплексы предназначены для боя в условиях земной атмосферы, а они – на дальней орбите висят. Благо наши головастики додумались старый спутник разогнать – и прямо в борт одной из этих калош врезать. Шарахнуло знатно! Они после этого подальше в космос убрались и принялись десант высаживать. А мы и тут не готовы оказались. Я за те несколько месяцев раза три чуть не застрелился. Особенно когда жену потерял. Страшно было. Так страшно, что и сказать не могу. Все суетятся, бегают, чего-то

спрашивают, а я не знаю, что отвечать. Не знаю, и всё. И вдруг сообщают, что десяток каких-то собачников умудрился почти полсотни ксеносов уничтожить.

Как? Чего? Чем? Вопросов больше, чем ответов. Помчался выяснять, а там – всего десять мужиков с собаками бойцовских пород. Я, когда этот зверинец увидел, думал всё, окончательно крыша съехала. Как эта «банда махновцев», половина из которых была вооружена охотничьими ружьями, умудрилась столько пришельцев накрошить? Не верил, пока сам не увидел. Специально с ними лично в поиск пошёл. До сих пор не могу понять, как эти «махновцы» сообразили, что собаки тварей видят. Вроде, ну, бежит себе пёс и бежит, а «махновцы» идут следом, и вдруг смотришь – один насторожился, а потом ружьё с плеча срывает и чуть ли не навскидку лупит. Я всё думал: как они в ксеносов попадают? Ничего, ни один не промахнулся.

– Промахивались, – грустно улыбнулся Матвей. – Особенно на первых порах. Пока не научились их по контуру видеть. Я ведь в СКС случайно попал. После налёта я к теще подался. Сообщить. Не перенесла старушка... Следом за своими девчонками её похоронил. Прямо в саду. Дом закрыл, Роя взял и пошёл куда глаза глядят. В голове только одно было: как до этих тварей добраться?! Меня на дороге один офицер увидел. Точнее, не меня, а собаку. Он нас в службу и привёл. Так что я, считай, из второй волны добровольцев. Нас тогда уже почти сорок пар было. Сорок проводников и приблизительно столько же стрелков прикрытия. Пешком на поиск ходили. Это потом уже и техникой, и оружием разжились. А поначалу и вправду как махновцы. Только тачанок не хватало. А по поводу того, как собак понимаем, – всё просто: любой собачник по поведению своей собаки сказать может, что происходит. Привыкаешь язык их тела читать. Да и на морде всегда всё написано. Особенно пока маленькие. Вы вон, Александр Юрьевич, сами сказали, что он смеётся. Так и было, он вместе с нами смеялся.

– Верю, – со смехом подняв руки, ответил генерал. – Я теперь, после вашей демонстрации, во всё верю.

– Выходит, ты не из самых первых бойцов? – не унимался капитан.

– Он – единственный, кто из них всех живым остался. Из первых трёх наборов – только он, – тихо ответил генерал. – Я потому и приказал его от прокурорских забрать. Последний самый опытный кинолог, живая легенда всего подразделения – и под трибунал?! Из-за какого-то продажного подонка! Да я себя уважать перестал бы, если бы допустил такое. Жаль, опоздал только. Савенков не успел тебя до выхода перехватить. Пришлось возвращения ждать. А когда вернулись, уже поздно было.

– Что поздно? – спросил капитан с таким неподдельным интересом, что от улыбки не удержался даже Матвей.

– Этот пёс – отпрыск моего старого бойца. Тоже Роя, который больше семидесяти тварей выловил, когда его предатель подстрелил. Потому и вышло, что поздно, – вздохнул Матвей, поглаживая собаку.

– Мы планировали того пса для подготовки молодых использовать, да не вышло, – кивнул генерал.

– А разве можно при помощи одной собаки другую натаскать? – удивился Миша.

– Можно, особенно если молодняк постоянно рядом с опытным псом трётся. Появляется стая, и опытный вожак начинает обучать молодых. Остаётся только направить их дурную энергию в мирное русло и вместе с игрой готовить к серьёзному делу, – улыбнулся Матвей.

– А я думал, они просто играют, – задумчиво протянул Миша.

– У всех животных все игры – это подготовка к будущей взрослой жизни. Так природа устроила. Щенки ещё толком ходить не умеют, а уже пытаются силу показать, завоевать место в стае.

– А почему тварей только боевые породы чувствуют? – не отставал от Матвея капитан.

– Толком этого никто не знает, – вздохнул Матвей. – В нашей службе говорили, что эти породы всегда были готовы к подобной ситуации. Только в нашей прошлой жизни подобные навыки были не востребованы, а теперь они работают на полную катушку.

– Похоже, – задумчиво кивнул Миша.

– Ладно, ребятаки. Пора мне, заболтался. Забыл, что у меня в зиндане клиент дозревает, – вздохнул генерал, тяжело поднимаясь с кровати. – Капитан, отвезёте их в деревню, и чтоб неделю проводник ничего тяжелее стакана в руки не брал.

– Есть, – коротко ответил капитан, пружинисто взмывая с кровати.

Проводив генерала задумчивым взглядом, Матвей чуть усмехнулся и, подумав, тихо протянул:

– Ну да, «свежо питание да серится с трудом». Забыл он, что клиент в зиндане. Небось, подручные уже все пальцы ему ржавыми пассатижами переломали.

Гулко расхохотавшись, капитан качнул головой и со знанием дела ответил:

– Не всё так кровожадно. С такими, как этот коновал, даже пассатижи не нужны. Чуть надавишь, тут же колются, как сухое печенье. Стучать друг на друга начинают так! Самый сумасшедший дятел обзавидуется! Только успевай фиксировать.

– Тебе-то откуда знать? Ты же боевик, а не дознаватель, – удивлённо спросил Матвей.

– Всякое делать приходилось, – неопределённо пожав плечами, ответил капитан.

В палатку вошла Дана, неся в руках пластиковый пакет с вещами Матвея и автомат на плече. Свалив всё это добро на кровать, она облегчённо вздохнула и, потерев кулачком поясницу, спросила:

– Что у вас там такое тяжёлое? Еле дотащила.

– Не помню, – пожал плечами Матвей, вываливая из мешка всё.

Тяжёлыми оказались ремень и портупея, на которых висели подсумки с боеприпасами, гранатами, флягой и кинжалом. Кобура с пистолетом лежала отдельно. Быстро одевшись, Матвей попытался навьючить на себя всё это добро, но Миша, одним движением отобрав у него портупею, сказал:

– Приказ помнишь? Ничего тяжелее стакана!

Рассмеявшись, Матвей покорно отдал ему амуницию, оставив себе только ремень с пистолетом и кинжалом. Ещё через четверть часа они уже тряслись в старом «уазике», в простонародье обзываемом «буханкой».

* * *

Весь путь до европейской части страны Джесси прошёл практически без приключений. Перевалив через уральский хребет, он углубился дальше, не уставая удивляться масштабам этого государства. Несколько раз его принимались загонять волчьи и собачьи стаи, но мощный карабин и умение стрелять быстро отбили у них охоту преследовать одинокого путника.

Дважды его пытались ограбить, но из этих передраг его вытащил пистолет, который он решил больше не убирать. Кобура с армейским «кольт-коммандо» тридцать восьмого калибра привычно оттягивала ремень, и Джесси давно уже сочинил вполне убедительную историю о приобретении этого оружия.

Спустя четыре месяца он наконец добрался до нужной точки. Весна уже вступила в свои права, и Джесси пришлось сменить средство передвижения. В одном из разрушенных посёлков ему попался почти новый мопед, в баке которого даже остался бензин. Севший аккумулятор не стал для опытного агента проблемой. Раскатив лёгкую машину под горку, он запрыгнул в седло и включил передачу, плавно отпустив сцепление. Простенький мотор чихнул и, выплюнув клуб сизого дыма, завёлся. Радостно рассмеявшись, Джесси плавно прибавил газу и решительно покатиł дальше.

Разжившись в следующих развалинах целой канистрой, он принялся сливать топливо из всего брошенного транспорта. На первый взгляд любому российскому человеку Джесси напомнил бы довоенного любителя рыбалки. Потёртый вещмешок, притороченные к мопеду лыжи и канистра. Общее впечатление портил только лежащий поперёк руля карабин, но по нынешним временам оружием трудно было кого-то удивить. Ближе к вечеру, выкатившись на очередной холм, Джесси резко нажал на тормоз и, остановившись, растерянно огляделся.

Перед ним развернулась жуткая панорама разрушения. Огромный, некогда очень красивый, мегаполис превратился в руины. Город, история которого насчитывала без малого тысячу лет, переживший нашествие монгольских дикарей, армию Наполеона и фашистскую осаду, превратился в прах. Убедившись, что искать здесь кого-то абсолютно бесполезно, Джесси включил передачу и, съехав с холма, покатил вокруг города. Всё, что ему было нужно, это найти какое-нибудь поселение и попробовать легализоваться. Во всяком случае, попытаться выдать себя за одного из беженцев. Двигаясь по периметру города, он внимательно всматривался в окрестности, пытаясь заметить хоть малейший намёк на человеческое жильё, но километр сменялся километром, а жилья всё не было. Джесси уже почти отчаялся, когда увидел въезжающую в развалины БМП. О такой удаче можно было только мечтать. Ему представилась возможность своими глазами увидеть, как сражаются с пришельцами русские. Заглушив мопед, он аккуратно прислонил его к дереву и, сняв карабин с предохранителя, кинулся за бронемашинкой. БМП уверенно катила в глубь развалин, тяжело переваливаясь через бетонные завалы и кучи битого кирпича. Джесси крался следом за машинкой, сжимая карабин и надеясь, что его не заметят. Неожиданно машина остановилась, и из десантного отделения выскочил мощный, мускулистый пёс. Следом за собакой из машины выбрался мужчина средних лет с автоматом в руках и, оглядевшись, что-то тихо сказал, заглядывая в машину. Словно повинуясь его команде, из десанта начали выскакивать люди с оружием. Не обращая на них внимания, пёс старательно втянул воздух широкими ноздрями и, повернувшись, медленно потрусил в сторону ближайшего дома. Точнее, того, что от него осталось. Человек, вышедший из машины следом за собакой, решительно двинулся следом за псом, внимательно наблюдая за каждым его движением. Охотничий инстинкт Джесси выбил барабанную дробь, и он, присев за вывернутым из земли пластом асфальта, замер, не сводя с людей настороженного взгляда. Неожиданно пёс, только что старательно помечавший какую-то арматуру, торчавшую из кучи бетона, стремительно метнулся вперёд, и развалины огласились визгливым свистом ксеноса. Человек, шедший за собакой, сделал шаг в сторону, и вскинув автомат, дал короткую очередь в прозрачно мерцающий контур пришельца. Собака, отскочив в сторону, яростно зарычала на умирающего ксеноса, но бросаться больше не стала. Рассыпавшиеся цепью стрелки быстро добились обнаруженного пришельца и, едва они успели развернуться, как из соседних развалин в них полетели смертоносные лучи.

Двое стрелков погибли на месте, ещё одному начисто срезало руку, но сидевший в башне БМП стрелок не растерялся, ураганным огнём прикрыв группу. Схватив пса за шипастый ошейник, проводник быстро увёл его под прикрытие машины и, приказав сидеть, кинулся к раненому. Стрелки прикрыли проводника огнём, давая ему возможность вынести товарища. Отлично вышколенный пёс, получив команду, оставался на своём месте до тех пор, пока проводник не загрузил раненого в десантный отсек и не дал команду к отступлению остальным. Грамотно прикрывая друг друга, бойцы загрузились в машину, и, как только за ними захлопнулись люки десантного отсека, в воздухе послышался свист снаряда. В ту же минуту БМП развернулась и быстро покатила в сторону от места боя. Понимая, что всё это делается не просто так, Джесси решил держаться поближе к машине. Свист снаряда оборвался, сменившись оглушительным грохотом, и развалины залило лавиной огня. Русские, не стесняясь, выжигали развалины своих городов напалмовыми снарядами.

Такую тактику Джесси полностью одобрял, но никак не мог понять, при чём здесь собака. Да, он видел собственными глазами, как пёс обнаружил пришельца и вступил с ним в схватку. Но зачем? Если русские придумали напалмовые снаряды, то куда проще выжечь в этих развалинах всё живое и потом занять их. На его родине средства для обнаружения ксеносов придумать так и не смогли. Все научные лаборатории, все учёные и все, кто имел хоть какое-то отношение к технике, бились над этой проблемой. Точнее, все те, кто остался в живых. До использования собак они так и не додумались.

Придя к такому выводу, Джесси кинулся к своему мопеду и, быстро разогнав его, прыгнул в седло. Теперь, после всего, что он увидел, ему было жизненно важно не упустить машину из виду. Там, откуда она пришла, должны быть и другие люди. Трясаясь на едва заметной ухабистой дороге, Джесси проклинал свою страну, долг и начальство, загнавших его в это путешествие.

Россия никогда не славилась своими дорогами, а после нападения их не стало вообще. Молясь, чтобы его двухколёсный конь не развалился на ухабах, Джесси выкатился в густой перелесок и изо всех сил нажал на тормоз. Среди высоких, раскидистых сосен стоял палаточный городок, обнесённый несколькими рядами колючей проволоки. Осмотревшись, Джесси решил не изобретать велосипед и, включив передачу, покатил прямо к воротам, в которые въехала БМП. Стоявшие у ворот часовые с интересом уставились на странного человека, решительно подкатившего прямо к ним и, вскинув автоматы, жестом приказали ему остановиться.

– Ты откуда такой взялся? – с усмешкой спросил солдат с двумя нашивками на погонах.

– Из Владивостока. Почти полгода добирался, – улыбнулся как можно шире Джесси.

– И чего ж тебе там не сиделось? – удивлённо спросил второй.

– Там совсем туго стало. Твари лютуют, патронов нет, а военные не чешутся.

– И ты решил сюда податься, – кивнув, договорил парень с нашивками.

– Ну, жить-то как-то надо, – пожал плечами Джесси.

– Ладно. Сдай оружие и готовься к чистилищу, – усмехнулся парень, протягивая руку за карабином.

Несмотря на лёгкий разговор, оба бойца продолжали держать приезжего на прицеле, разойдясь так, чтобы не мешать друг другу в случае опасности. Понимая, что в случае любого неосторожного движения станет трупом, Джесси покорно отдал карабин и, развязав пояс, протянул солдату кобуру с пистолетом. Джесси так и не понял, когда и кто из часовых успел вызвать патруль, но как только его оружие оказалось в руках солдата, из ворот вышли трое крепких ребят весьма сурового вида и, не церемонясь, надели на него наручники. Один из солдат, забрав оружие пришельца, выхватил из кобуры пистолет и, молча показав его старшему, сунул обратно.

Только теперь Джесси понял, куда угодил. Это было не просто поселение. Это была военная база, но его сбило с толку большое количество женщин и детей, спокойно перемещавшихся по ней. Мопед, с притороченными к нему вещами, закатали в какой-то сарай, а самого Джесси заперли в настоящую клетку. Присев на деревянный табурет, Джесси задумчиво осмотрелся и попытался привести мысли в порядок. Теперь ему предстояло самое трудное. Его начальство в очередной раз недооценило этих русских, впрочем, как и он сам. А ведь папаша его школьного приятеля не раз повторял, что победить русских на их территории ещё никому не удавалось. И вот теперь он получил роскошную возможность испытать это на собственной шкуре. Они каким-то образом сумели обучить своих собак находить ксеносов. Но как?! А самое главное – кто? Кому пришла в голову эта сумасшедшая идея? Впрочем, он и сам хорош. Расслабился. Пройдя через всю страну без всяких проблем, он так уверовал в свою легенду, что совершенно забыл про различные силовые структуры. Впрочем, за всё время своего путешествия он столкнулся с силовиками только дважды, и оба раза они отнеслись к нему весьма снисходительно. Теперь же ему предстояло пожинать плоды собственного благодушия. Это же надо – так расслабиться! Прямоком впереться на военную базу. Но это ещё не самое страшное! Ему очень не

понравилось, как один из арестовавших его солдат рассматривал его оружие. Да, на побережье тихого океана легко можно было приобрести карабин иностранного производства совершенно легально. Были бы деньги. Но пистолет... Впрочем, помимо оружия, среди его вещей можно было найти предметы самого разного производства, и далеко не все они были редкостью в этой стране. Немного успокоившись, Джесси решил действовать по обстановке. Судя по месту, в котором он оказался, бежать отсюда ему не удастся. Уж слишком мощно выглядели прутья решётки и замок, на который его заперли.

Но сидеть ему пришлось недолго. Часа через два клапан палатки откинулся и на пороге появились всё те же трое военных. Жирно чавкнул хорошо смазанный замок, и дверь клетки открылась. Джесси жестом было приказано выйти и двинуться на улицу. Наручники с него так и не сняли, так что терять время на какие-то ещё меры безопасности солдаты не стали.

Но Джесси и сам не пытался изменить статус-кво. Судя по ухваткам этой троицы, справиться с ними голыми руками было не так-то просто. Джесси с первого взгляда стало ясно, что это спецназ. Полицейский или армейский – значения уже не имело. Как говаривал незабвенный папаша его приятеля: «Хрен редьки не слаще». Джесси привели в другую палатку и, пристегнув к железному стулу, сваренному из кусков металлического уголка, оставили одного. А вот это уже был плохой признак. Обычного бродягу, беженца не стали бы так жёстко фиксировать. В палатку вошёл высокий, абсолютно седой мужчина крепкого телосложения и, внимательно посмотрев на Джесси, коротко спросил:

– Ты кто такой?

– Женька, – так же коротко ответил Джесси.

– Женька, а дальше?

– Савельев.

– Так, Савельев Евгений, а по отчеству? – быстро спросил мужчина, нетерпеливо барабанил пальцами по столу, на который опирался.

– А-а, э-э, – протянул Джесси, лихорадочно соображая, о чём его спрашивают.

– Понятно. Янкерс или Европа? – усмехнулся мужчина.

– Чего? – окончательно растерялся Джесси.

– Хватит дурака включать, – небрежно отмахнулся мужчина, легко переходя на английский.

Причём Джесси был готов поклясться, что акцент у мужика был австралийский или из тех, с каким говорят южнее линии Мейсона-Диксона. Понимая, что уже умудрился в чём-то проколоться, Джесси посмотрел на мужика и неопределённо пожал плечами.

– Хочешь узнать, где ты прокололся? – продолжал говорить мужик. – Для всех, кто мало знаком с нашими реалиями, вопрос про отчество всегда вызывает ступор. У вас просто нет такого понятия. Так откуда ты? Европа или все-таки Штаты?

Джесси был профессионалом. Моментально сообразив, что этот странный мужик умудрился расколоть его в какие-то пять минут, он сделал глубокий вдох, словно собрался нырнуть ледяную воду, и, собравшись с духом, ответил, мысленно впадая в тихую панику:

– Спецагент ФБР Джесси Сталк.

– Похоже, дела у вас совсем плохи, если твоё начальство рискнуло забросить к нам неподготовленного человека, – усмехнулся мужик.

– Откровенно говоря, дела действительно не очень, – вздохнул Джесси. – Твари уже откровенную охоту на нас устраивают, прямо как в фильме «Хищник».

– Ох и любите же вы аналогии с Голливудом, – усмехнулся мужик. – Откуда язык знаешь?

– В детстве у друга научился. Говорю легко, а вот писать и читать с огромным трудом получается. Честно говоря, для меня самого это задание оказалось полной неожиданностью.

– Значит, разговоры про Владивосток взялись не с потолка? Границу перешёл в районе Берингова пролива?

– Да.

– И пограничники пропустили?

– Какие пограничники? Я за полгода раз семь с людьми разговаривал. Думал, вообще говорить разучусь, – грустно усмехнулся Джесси.

– М-да, покосили нас твари, – мрачно кивнул мужик.

– Как вы догадались, что я не местный? – неожиданно спросил Джесси. Ему действительно важно было это понять.

– Оружие. Карабин можно было и у нас купить. Дорого, конечно, но можно. А вот «кольт-коммандо» – это не та машинка, которую может каждый беженец таскать.

– Почему? – не понял Джесси.

– «Кольт», «Глок» и «Беретта» были запрещены к продаже в России. Конечно, подпольно их в страну ввозили, но так мало, что вероятность найти один из них в развалинах – одна на миллион.

– Чёрт, знал ведь, что вся эта история плохо кончится, – вздохнул Джесси. – Что со мной будет?

– А вот это зависит от того, зачем тебя сюда прислали и что ты успел сделать, – тут же насторожившись, ответил мужик.

– Задание простое: узнать, что тут происходит и как вы боретесь с нашествием.

– И для этого они погнали тебя через весь континент пешком? – удивлённо спросил мужик.

– А что делать? Как известно, приказы не обсуждают.

– И что ты узнал?

– Считайте, что ничего. Я же говорю: за полгода не больше семи встреч с людьми. Схватку ваших парней с тварями увидел только сегодня. Потому и поехал за вашей машиной, что не понял, как они всё это проделали. Вот и решил поговорить с кем-нибудь из личного состава. Но даже в кошмарном сне не мог представить, что меня так просто расколют.

– Ясно. По старой доброй привычке воруем технологии, – усмехнулся мужик. – Что ж, раз тебе так фатально не повезло, мы сделаем просто. Мои ребята доведут тебя до границы и даже на прощание пинка не дадут. Вали обратно.

– Что? Вот так просто? – растерялся Джесси.

– Ага. Честно говоря, не до тебя сейчас. Своих забот выше крыши.

– И даже проверки не будет? – не поверил Джесси.

– А смысл? – усмехнулся мужик. – Я знаю, что ты мог увидеть за Уралом. И что видел здесь. Так что не хочу тратить на тебя время и средства. В общем, с ближайшей оказией отправишься обратно.

– С чем? – не понял Джесси.

– Это можно перефразировать: при первой возможности. Старинное выражение.

– А можно я немного здесь, у вас, побуду? Пусть даже в той клетке. Только чтобы рядом кто-то был. Поговорить. Пусть про погоду, про охоту, всё равно про что. Лишь бы рядом с людьми, – медленно, с расстановкой попросил Джесси.

Ему действительно вдруг стало страшно снова оказаться одному посреди развалин и диких человеческих стай. Как оказалось, это путешествие отняло у него слишком много сил. Удивлённо посмотрев на него, мужчина качнул головой и задумчиво проговорил:

– Похоже, тебя и вправду здорово допекло, если ты готов сидеть в клетке, лишь бы рядом с людьми.

– Полгода автономного плавания, – криво усмехнулся Джесси. – Я же говорю: думал, что человеческую речь забуду.

– Ладно. Посидишь пока под замком, а там видно будет, – милостиво согласился мужчина, и Джесси облегчённо перевёл дух.

* * *

Капитан Миша разделил своё отделение на пары и, объяснив бойцам задачу, занялся обеспечением Матвеевой избы всем необходимым. Как оказалось, запасов у Матвея было немного. Точнее, совсем не было, а прокормить трёх здоровых мужиков и крупную собаку было не так-то просто. Капитан каким-то образом умудрился выбить своему отделению машину, на которой и привёз Матвея домой, и теперь носился на ней по всему городку, добывая продукты, боеприпасы и различные жизненные мелочи. Появление в доме новых жильцов Рой воспринял как личное оскорбление и принялся всячески отравлять бойцам жизнь. Понимая, что такое противостояние может плохо закончиться, Матвей принялся сглаживать острые углы, но однажды не уследил за собакой и был вынужден разнимать телохранителя и разъярённого пса. Ухватив собаку за задние лапы, он оттащил Роя в сторону и, перекрывая его лай, рявкнул:

– Рой, фу!

Он старался редко использовать эту команду, но в подобной ситуации другого выхода не было. Крякнув, Матвей вскинул кобеля на руки и, вынеся в сад, поставил на землю. Присев на корточки, он твёрдой рукой взял его за морду и, жёстко встряхнув, решительно, в голос сказал:

– Ещё раз так сделаешь, будешь сидеть в вольере.

«Они плохо. Мешают», – услышал он в ответ обиженную мысль.

«Чем они тебе мешают?» – удивился Матвей, заметно успокоившись.

«Я хочу говорить. Они мешают. Они лишний».

«Вот оно что! Да ты, приятель, просто ревнуешь», – улыбнулся Матвей, сообразив, по какой причине кобель так люто невзлюбил бойцов.

«Я хочу говорить, они мешают. Прогони их», – решительно потребовал Рой.

«Я не могу их прогнать. Они охраняют нас от врагов».

«Я охранять нас от врагов», – возразил Рой.

«Малыш, нам придётся терпеть их. Мы не можем их прогнать. Давай просто отдохнём и потом опять пойдём убивать врагов. Никто не будет мешать нам говорить. Даже они. Ты и я всегда будем вместе, пока не умрём. Так что, перестань злиться и просто представь, что их нет».

«Что есть представь?» – тут же спросил Рой.

«Сделай вид, что их нет, – перефразировал свою просьбу Матвей. – Просто води себя так, словно не видишь их. Они хорошие ребята, не надо их обижать».

«Я не обжать их. Я кусать их».

«Нет. Ты не будешь их трогать. Они – наши друзья. Мы вместе с ними будем убивать врагов. Ты же умный пёс, Ройка. Думай, что они пришли к нам в гости, как приходят Маша и Бак».

«Гости хорошо. Гости весело. Они не кусать, играть», – ответил Рой, испустив прямо-таки мученический вздох сомнения.

«Вот именно. И ты можешь с ними играть и говорить», – быстро ответил Матвей.

«Они не слышать меня», – снова вздохнул Рой.

«Жаль. Я надеялся, что, разговаривая с другими людьми, ты научишься лучше говорить», – задумчиво протянул Матвей.

«Я плохо говорить?»

«Нет, просто иногда мне трудно тебя понять. Особенно когда ты торопишься или волнуешься».

«Что есть волнуешься?» – тут же последовал вопрос.

Матвей давно уже заметил за ним эту особенность. Пёс регулярно задавал ему разные вопросы, словно стремился побольше узнать об окружающем мире и людях. Но их разговоры

обычно сводились к нескольким фразам, после чего Рой отправлялся в сад по своим собачьим делам. Вообще, пёс всё больше поражал Матвея своими данными. Ему сложно было оперировать абстрактными понятиями, но во всём, что касалось естественного окружающего, точнее, вещного мира, всё было просто. Он с первого раза запоминал названия предметов и серьёзных машин и легко отличал их от всех остальных. Кроме того, он и сам вполне мог указать проводнику не только направление, в котором следовало искать противника, но и сориентировать его на местности. Так, например, во время тренировок он легко определял, где именно прятался пленный гуманоид, и, не сходя с места, выводил бойцов прямо на него, твёрдо называя те или иные ориентиры.

Эти тренировки, проводимые при участии нескольких облеченных доверием головастики, занимали почти всё время боевой пары, но им обоим этого было мало. И Рой, и Матвей мечтали снова оказаться в настоящем деле, и проводник регулярно донимал генерала просьбами отправить их на задание. Но в ответ оба слышали только категорические отказы. Однажды Рою это всё надоело, и во время очередной тренировки он устроил настоящую итальянскую забастовку. Дождавшись, когда пленный гуманоид скроется в лесу, он, вместо того чтобы начать ментально сканировать окрестности, просто улёгся у ног Матвея и прикрыл глаза. Внимательно наблюдавшие за ним головастики снимали каждое их движение и, увидев такое безобразие, дружно подступили к Матвею, требуя немедленно начать демонстрацию. Небрежно отмахнувшись от них, как от назойливых мух, Матвей опустился на колени рядом с собакой и, заглянув Рою в глаза, тихо спросил:

«Что с тобой, мальчик? Ты не хочешь ловить врагов?»

«Я его ловить уже пять раз. Он живой. Мы убивать врагов. Зачем ловить, если не убивать?» – вполне резонно ответил пёс, даже не делая попыток подняться.

Подошедший к ним Лоскутов настороженно покосился на собаку и, повернувшись к Матвею, спросил:

– Что происходит, Матвей Иванович?

– Сидячая забастовка. Он этого ксеноса уже пять раз ловил и теперь вполне резонно интересуется, зачем его ловить, если всё равно отпустят, – устало улыбнулся Матвей.

Ему и самому давно уже надоели эти глупые игры. По мнению проводника, тех повторений, что уже были, вполне достаточно для учёных, чтобы получить исходные материалы для изучения. Но головастики не унимались, требуя от них всё новых и новых доказательств способности Роя к общению. Но сегодня пёс решил сделать всё по-своему. Глядя на Матвея, генерал попытался выяснить, с чего это вдруг пёс вздумал бунтовать, но один из стоявших рядом учёных всё испортил. Подступив к собаке, он ухватил Роя за ошейник и, дёрнув, приказал:

– А ну, встать, цирк блошинный!

В следующую секунду тихо дремавший пёс превратился в разъярённого монстра, вцепившегося в локоть державшей его за ошейник руки. Вой укушенного головастика, рёв собаки и треск сломанной кости слились в один кошмарный концерт. Рой сбил головастика с ног и, вцепившись в горло, с огромным удовольствием сжал зубы. Матвей удивился, когда неожиданно понял, что пёс действительно получает удовольствие от драки, даже такой жалкой. В этот момент ещё один головастик выхватил пистолет и, неловко передёрнув затвор, вскинул оружие, целясь в собаку. Роя спасли только неопытность учёного и реакция Матвея. Одним движением выхватив пистолет, Матвей приставил его к голове головастика и во весь голос заорал:

– Брось оружие, тварь, или я тебе сейчас мозги вышибу! Быстрее, сука!

Тычок срезом ствола оказался так силен, что порвал кожу на голове учёного. По разом побледневшему лицу медленно стекла струйка крови, и головастик оторопело опустил пистолет. Выхватив оружие из его ослабевшей руки, Матвей стволом своего пистолета оттолкнул его в сторону и, с ненавистью глядя учёному в глаза, тихо прошипел:

– Ты, погань дешёвая, посмел на мою собаку ствол поднять?

– Он убивает человека! – завопил в ответ перепуганный головастик.

– Он? Нет, это я убил его, – ответил Матвей и, не глядя, всадил пулю в голову лежащего на земле учёного.

Все, стоящие рядом, дружно охнули, когда воцарившуюся было тишину разорвал неожиданный выстрел и девятимиллиметровая пуля расплескала по молодой траве кровь и мозговое вещество головастика.

– Никто больше не убьёт мою собаку, – повторил Матвей, медленно поднимая пистолет.

Глаза стоявшего перед ним учёного вылезли из орбит от испуга, когда он неожиданно для себя понял, что сейчас будет убит. Стоявший перед ним человек был сумасшедшим. В его глазах плескалась дикая смесь ненависти, боли и злости. Вскидывая пистолет, Матвей несколько раз повторил, словно заклинание:

– Никто больше не убьёт мою собаку. Никто больше...

– Матвей! – прозвучало в воздухе, как щелчок хлыста.

Шагнув вперёд, генерал встал между учёным и проводником, пытаясь заглянуть Матвею в глаза. Неожиданно он вдруг получил поддержку от самого виновника этого скандала. Рой, отскочивший в сторону сразу после выстрела, быстро подошёл к Матвею и, упершись огромной башкой в бедро проводника, тихо заурчал. Во всяком случае, со стороны это выглядело именно так. Только его урчание больше напоминало работу дизельного двигателя на холостых оборотах. Не ожидавшие такого буйства стихий спецназовцы насторожённо замерли в стороне, поглядывая на генерала и ожидая команды к действию. Толчок Роя вывел Матвея из состояния буйного помешательства, и он, тяжело помотав головой, уронил руку с пистолетом.

– Ты хоть понимаешь, что натворил? – тихо спросил Лоскутов, заглядывая ему в глаза.

– Никто не убьёт мою собаку, – тихо повторил Матвей, прижимая голову Роя к своему бедру.

– Всё, всё, старина. Всё закончилось, – быстро ответил генерал, протягивая руку за пистолетом.

Заметив его жест, Матвей поставил оружие на предохранитель и, сунув в кобуру, тихо, но решительно ответил:

– Если хотите отдать меня под трибунал, то не напрягайтесь.

– Что ты хочешь сказать? – растерялся генерал.

– Я застрелю Роя и застрелюсь сам, но в тюрьму не сяду. Идёт война, а мы, два лучше всех подготовленных бойца, вынуждены развлекать каких-то узколобых клоунов. Мы солдаты, а не подопытные кролики.

– Матвей, мы должны знать, что умеют эти собаки, – попытался объяснить ему генерал. Но Матвей прямо покачал головой.

– Всё, что они умеют, мы можем выяснить в поиске, а не сидя здесь, прячась за спинами других солдат.

– Эта собака принадлежит не вам. Она – часть эксперимента, – как всегда, вовремя влез в разговор один из головастиков.

Круто развернувшись, Матвей решительно подошёл к говорившему и, недолго думая, со всего размаху врезал ему кулаком по челюсти, одним ударом отправив в нокаут.

– Это моя собака, – зарычал он, стоя над поверженным учёным. – Моя, и никто не заберёт её у меня.

– Господа, вам всем лучше дружно заткнуться и исчезнуть отсюда, пока я сам за оружие не взялся, – громко сказал генерал, жестом приказывая капитану Мише забрать Матвея.

Подскочившие к проводнику спецназовцы аккуратно зажали его с двух сторон и, крепко взяв за локти, повели к машине. Внимательно следивший за каждым их движением Рой поспешил следом. Едва они оказались в машине, как пёс, подойдя вплотную к проводнику, принялся

старательно вылизывать ему лоб и виски. Настороженно глазевшие на них спецназовцы удивлённо переглянулись, и один из бойцов осторожно спросил:

– Чего это он делает?

– Пытается меня успокоить, – грустно улыбнулся Матвей.

– Слушай, а чего вы вообще завелись? Ну, поймали бы эту тварь ещё раз, и что? Жалко, что ли? Пусть подавятся, – обезоруживающе усмехнувшись, спросил боец.

– Ему надоело бессмысленное повторение. Понимаешь, он отлично знает, что сбежать отсюда ксенос не может, а ловить его просто так он не хочет. Понимаешь, Рой – необычная собака. Он отлично знает, чем отличается бой от тренировки, а тренировка от дурацких повторений. Но всё бы ничего, если бы этот придурок не вздумал хватать Роя и пытаться заставить его работать. Этот пёс не та собака, с которой можно так обращаться. А самое главное, он не должен был доставать оружие. Это мой пёс, и его никто не может убить, по крайней мере, пока я жив, – тихо закончил Матвей, прижимая голову собаки к груди.

– Да уж, побуянили вы, – вздохнул боец. – Чего теперь будет-то?

– А какая разница? – равнодушно пожал плечами Матвей. – У меня, кроме этого пса, ни одной живой души рядом не осталось. Так что лет через девять – двенадцать и моя очередь придёт.

– В каком смысле? – не понял боец.

– В прямом. Собаки мало живут. Так что... – Он снова пожал плечами.

Оторопело посмотрев на него, боец удивлённо кивнул, сообразив, о чём он говорит, и, помолчав, тихо ответил:

– Дело, конечно, хозяйское, но зачем так торопиться? Да и война эта ещё неизвестно когда закончится. Такие бойцы, как ты, на вес золота. Мы с вами всего пяток раз в поиске были, но всегда с добычей возвращались, а главное – все.

– Это не я. Это всё он, – грустно улыбнулся Матвей.

– Да какая разница, кто именно? Ты, он... Вы оба выводите нас на пришельцев и помогаете вернуться на базу живыми. Он их находит, а ты переводишь всё это на человеческий язык. Так какое мне дело, кто именно это делает? Главное, что вы с нами.

– Может, и так, – вздохнул Матвей. – Да видно, не судьба нам больше в поиск вместе сходить. После сегодняшнего у нас с Роем один путь. Свалить отсюда подальше, пока генерал не решил меня под трибунал отдать. Благо и власти, и поводов для этого у него больше, чем надо. Только я под трибунал не пойду. Учтите, парни, если кто-то за мной явится, будем отбиваться. Я и Рой. На что он способен, вы знаете, а я... В общем, не влезайте. Не хочу я на совести ваши жизни иметь.

– Ну, это ты, конечно, загнул, – усмехнулся боец, – но могу тебе только одно пообещать: никто из нас против вас не пойдёт. Так что если за тобой прокурорские явятся, выкручивайся сам. Наше дело – вас охранять, а не арестовывать. Сидевшие в машине бойцы дружно закивали головами, соглашаясь со своим делегатом. Опустив глаза, Матвей неожиданно понял, что так и продолжает сжимать в руке пистолет, выхваченный у учёного. Почему бойцы так и не забрали его, он так и не понял, но, подумав, быстро сунул оружие за пояс, под куртку. Дверь открылась, и в машину заглянул капитан Миша. Обведя всех сидящих внимательным взглядом, он повернулся к Матвею и, подумав, осторожно спросил:

– Как ты? Успокоился?

– Что, там уже прокурорские копытом землю роют? – криво усмехнулся Матвей.

– Не заводись. Не будет прокурорских, – отмахнулся капитан, влезая в машину.

От этого простого движения – вся машина закачалась, и в салоне сразу стало тесно. Усевшись на узкое, жёсткое сиденье, он поёрзал, устраиваясь поудобнее, и, посмотрев на Матвея, чуть усмехнулся:

– Значит, так, псих отмороженный. Генерал за тебя горой встал. Сумел всё так повернуть, что эти головастики оказались сами во всём виноваты. Хотя, честно тебе признаюсь, дел ты натворил серьёзных.

– Не повторяй, я это уже слышал, – мрачно усмехнулся Матвей, кивая на внимательно слушавших командира бойцов.

– Ничего, повторить не помешает. В общем, принято решение – на время оставить вас в покое. Но учти: если что, командование может принять решение забрать у тебя собаку. Вот только за пистолет не хватайся, – быстро добавил он, заметив, как Матвей дёрнулся. – Я тебе не враг. Сам понимаешь, твой пёс – часть проекта, а всё, что армии принадлежит, можно только или украсть, или сломать.

– Смеёшься? Я в это чучело всю душу вложил и теперь должен отдать его? Ну уж нет. Лучше я и его, и себя положу. Да и не сможет он с другим проводником работать. Не потому, что не хочет, а потому, что не умеет. Не учил я его этому. Так что можешь им так и передать. Даже найдя толкового кинолога, они не смогут передать ему собаку. Мы связаны не только физически, но и эмоционально.

– Ну, что-то такое генерал им и говорил, – задумчиво кивнул Миша.

– Кому «им»? – насторожился Матвей.

– А, ты же ничего не знаешь, – кивнул капитан. – Сегодня в эксперименте участвовал представитель Генштаба. Хотел лично убедиться, что все записи, что ему крутили, не фикция. А вместо демонстрации получил смертоубийство. Хотя нужно сказать, что именно его забастовка больше всего убедила проверяющего, – усмехнулся Миша, ткнув пальцем в Роя.

– В чём? – не понял Матвей.

– В том, что это не обычный пёс. А вообще, эти головастики давно уже у всего Генштаба в печёнках сидят. Проверяющий, когда услышал, что твоего пса, ну, того, первого, предатель застрелил, сам за пистолет схватился. Его же перед демонстрацией с твоим полным досье ознакомили. В общем, споров много было, но Лоскутов тебя отстоял.

– И что теперь? – задумчиво спросил Матвей.

– Завтра у вас встреча с проверяющим, а там видно будет.

– А с проверяющим-то зачем? – не понял Матвей.

– Высокое начальство желает лично побеседовать с человеком, который умеет разговаривать со своей собакой. Короче, помни один из главных постулатов армии, что начальник – царь и бог, и ешь его глазами.

– Ага, я помню, что подчинённый перед начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим начальство не смущать, – усмехнулся Матвей.

Услышав эту старую хохму, бойцы дружно расхохотались. Дверь машины в очередной раз распахнулась, и в салон заглянул сам генерал Лоскутов. С интересом оглядев веселящихся бойцов, он чуть усмехнулся и, найдя глазами Матвея, кивнул, показывая на Роя:

– Вылезайте. Пошли с начальством беседовать.

– Вот только начальства мне сейчас и не хватало, – проворчал Матвей, пристёгивая поводок к ошейнику собаки.

Генерал привёл их к замаскированному в кустах джипу иностранного производства и, лихо откозыряв невысокому худощавому мужчине в камуфляже без знаков различия, бодро доложил:

– Вот привел, как приказали, господин генерал-лейтенант.

– Александр Юрьевич, давайте без официоза, – чуть поморщившись, ответил мужчина, с интересом разглядывая Роя и проводника. – Значит, это и есть самый знаменитый в стране говорящий пёс? Интересно, он ведь ничем внешне не отличается от других собак. Может, чуть покрупнее, и всё.

– Так и есть. Он крупнее довоенных стандартов, но это даже хорошо. Легче справляться с ксеносами. Но самое главное не в этом. Мы связаны с ним эмоционально. Так что любая попытка передать его другому кинологу может плохо закончиться, – быстро произнёс Матвей, подсознательно заговорив о самом главном для себя.

– Хорошо дрессированная собака должна выполнять отданные ей команды, – влез в разговор незаметно подошедший мужчина.

Матвей сразу узнал одного из головастика. В драке он не участвовал, но, судя по наглости, в научном мире кое-какой вес имел.

– Ага, отданные её проводником, – презрительно фыркнул Матвей. – Что это за служебная собака, которая выполняет команды первого встречного? А это не просто служебный, это – боевой пёс. И воспитывал его я прежде всего как настоящего бойца, а не как подопытную крысу.

Сообразив, что ляпнул очевидную глупость, головастик оскалился, демонстрируя крупные жёлтые зубы. Судя по всему, это должно было означать свирепый оскал. Презрительно скривившись, Матвей демонстративно отвернулся от учёного, сосредоточив всё своё внимание на высокопоставленном проверяющем. Полюбовавшись на это противостояние с иронической улыбкой, тот снова опустил глаза, внимательно рассматривая собаку.

– Вы действительно говорите с ним, Матвей Иванович? – спросил он после долгого молчания. – Я имею в виду – словами, а не эмоциями или просто образами.

– Говорю именно словами, – кивнул Матвей. – Впрочем, вы и сами можете это проверить.

– Как?

– Одну минуту, – ответил Матвей. Он присел перед Роем, заглянул ему в глаза:

«Ройка, ты слышишь этого человека?»

«Да».

«Он сейчас попросит принести что-нибудь, и это надо сделать. Понимаешь?»

«Зачем?»

«Мы сегодня сделали не совсем правильно, и теперь – нужно сделать так, чтобы он не приказал забрать тебя. Сделай, пожалуйста», – просительно протянул Матвей, поглаживая пса по морде.

«Сделаю», – услышал он в ответ и, вздохнув, выпрямился.

– Теперь просто медленно и старательно, подумайте о том, что хотите от него получить. Ну, например, попросите его принести вам какой-то предмет из машины, – быстро проинструктировал Матвей проверяющего.

– Всё – про себя? – с интересом переспросил тот.

– Конечно.

Прикрыв от напряжения глаза, проверяющий задумался. Рой смотрел на него, склонив голову набок. Потом, не спеша обойдя его, направился прямо к машине. Наблюдавшие за ним телохранители переглянулись, когда пёс, поднявшись на задние лапы, принялся скрестить передней ручку двери. Потом крепкие когти пса всё-таки зацепили её, и дверь открылась. Забравшись в салон, Рой пару минут что-то старательно вынюхивал, после чего, выпрыгнув обратно на траву, решительно направился прямо к проверяющему, неся в пасти какой-то предмет. Внимательно присмотревшись, Матвей удивлённо покосился на отдавшего команду генерала, но эмоции сдержал. В зубах у пса был роскошный золотой «паркер». Поручать собаке принести такую дорогую вещь, зная, что усилие в его челюстях превышает несколько тонн, не самая удачная мысль. Но Рой оказался на высоте. Подойдя к проверяющему, пёс просто сунул ему в ладонь ручку и, презрительно фыркнув, улёгся рядом с Матвеем, демонстративно повернувшись к людям задом.

– Похоже, он не самого высокого мнения о моих умственных способностях, – усмехнулся проверяющий с заметной растерянностью.

– В этом задании самым трудным для него было открыть дверцу машины, – пожал плечами Матвей. – Это именно то, что вы просили его принести?

– Как это ни удивительно, но да.

– А что тут удивительного? – не понял Матвей.

– Да как вам сказать, – задумчиво протянул проверяющий. – Я в своей жизни много чего удивительного повидал, но вот с собакой мысленно говорить не приходилось. А кстати, почему слышать его можете только вы?

– Не только. Как выяснилось, есть ещё несколько человек, способных к ментальному контакту с ним.

– И кто же это? – тут же влез в разговор головастик.

– Весь вопрос в том, желает ли он сам иметь с ними дело. В принципе, он слышит практически всех. Но у одних есть обратная связь с ним, а у других – нет, – продолжал пояснять Матвей, демонстративно игнорируя учёного.

– То есть если его передать другому проводнику, то нет никаких гарантий, что этот пёс станет с ним работать? – уточнил проверяющий.

– Именно так, и поверьте: заставить его будет не просто сложно, а практически невозможно. Это не человек, и если он не захочет, то рычагов давления на него просто нет.

– Ещё как есть, – снова влез головастик. – Жрать захочет, будет работать как миленький.

– Если он захочет жрать, то спаси вас всех Господь! – презрительно ответил Матвей, невольно сжимая кулаки.

– Как это понять? – насторожился проверяющий.

– Просто. Это, как ни крути, животное: зверь, хищник. И плевать он хотел на все ваши замыслы, помыслы и другие гипотезы. Он хочет есть, и он поест. Впрочем, не только он. Думаю, вам уже приходилось слышать про стаи людоедов, которые бродят в развалинах. Поверьте, это совсем не шутки. Для них человек – это не «венец природы», а прежде всего добыча. И заметьте, очень лёгкая добыча.

– Но ведь это обычный дрессированный пёс, – растерялся проверяющий.

– Дрессированный – да, пёс – точно, но не обычный. Прежде всего это одна из самых умных, так сказать, думающих пород. Их история насчитывает тысячи лет. Ведь изначально это были боевые собаки. Не бойцовые, а именно боевые. Ротвейлеров обряжали в кольчуги, и они наравне с воинами сражались в боях. Два таких натасканных пса брали тяжеловооружённого всадника. Есть даже фрески, где изображены именно эти собаки в войске Александра Македонского. Именно благодаря такой богатой истории эти породы так легко поддаются дрессировке, но именно из-за неё они всегда сложны в управлении. У них есть на всё своё мнение. И подчиняться они будут только тому, кого действительно уважают и принимают за вожака. А с этими псами всё ещё сложнее.

– Почему? – тут же спросил проверяющий.

– Потому что их невозможно обмануть. Они чувствуют и слышат не только то, что вы им говорите, но и то, *что вы думаете в этот момент на самом деле*, – ответил Матвей, выделив голосом последнюю фразу.

– Значит, если кто-то попытается его обмануть, он вполне может вцепиться ему в горло?

– Конечно. Скажу откровенно, я даже не знаю, что он может придумать, чтобы отравить жизнь тому, кто ему не понравится. Он ещё щенком умудрялся выдавать просто иезуитские номера, а сейчас... – Матвей неопределённо махнул рукой, всем своим видом показывая, что действительно этого не знает.

– Судя по всему, у нас действительно нет другого выхода, чем оставить этого пса вам, – задумчиво ответил проверяющий.

– Ерунда. Собака не может выбирать себе хозяина, – возмущённо взвизгнул головастик.

– Господин генерал, вы не могли бы услать этого кретина куда-нибудь подальше? Ради его же блага и здоровья, – мрачно прошипел Матвей, чувствуя, как волна ярости снова застилает сознание.

– Да кто вы такой, чтобы...

– А и вправду, шли бы вы отсюда, уважаемый, – резко оборвал учёного проверяющий. – Дайте армейским дуболомам поговорить про выпивку и баб без вашего участия.

– Ну, знаете ли?! Я этого так не оставлю. Сегодня же о ваших манипуляциях будет известно моему начальству, – яростно окрысился головастик.

– Да ради бога. Только помните: бумага в стране – дефицитный материал. А теперь исчезните отсюда, пока я не рассердился, – ответил проверяющий так, что заносчивого головастика просто смело с места.

Дождавшись, пока он отойдёт на достаточное расстояние, проверяющий повернулся к Матвею и, вздохнув, тихо спросил:

– А теперь строго между нами: что из всего вами сказанного правда?

– Всё. В данном случае лучше всего было говорить правду. Я действительно не представляю, как он может воспринять другого проводника. Ведь я воспитывал его с самого детства.

– Он правда может стать людоедом?

– Я уже говорил, что это прежде всего хищник. Умный, сильный, смелый, но хищник. Так какая ему разница, что это будет за мясо? Ведь даже обладая паранормальными способностями, он незнаком с такими понятиями, как «человеческая этика» и «законы». Ему просто наплевать на них. А вообще, весь этот проект – ошибка.

– Вот как? Ну-ка, обоснуйте! – с интересом попросил проверяющий.

– Всё просто. Вместо того чтобы пытаться создать из обычных животных прототип Моро, нужно было бросить все силы на разработку приборов, способных определять местонахождение тварей.

– Моро? Это ещё что такое? – не понял генерал.

– Помните, у Эдгара По остров доктора Моро? Сумасшедший вивисектор пытается создать из животных людей, оперируя их без всякого наркоза и обезболивающего. А закончилось всё это восстанием и уничтожением всех живших на острове людей. Конечно, это фантазия, но, как ни странно, она очень реально начинает воплощаться в жизнь. И боюсь, нам стоит опасаться того же самого.

– Почему вы так решили? И почему всё-таки Моро?

– Моро, потому что эти собаки были созданы точно так же, искусственно. А опасаться нам стоит потому, что человек слабее и глупее тех, кого пытается создать. Как думаете, что будет со всей человеческой цивилизацией, если вот такие звери вдруг решат, что люди слишком много себе позволяют? Ведь люди слабее и беспомощнее, чем эти идеальные солдаты.

– Собаки Моро. Интересное название, – задумчиво покачал головой проверяющий.

Услышав эти слова, головастик, сумевший снова незаметно подобраться поближе к разговору, просто взвился от злости.

– Да как вы смеете так нас оскорблять?! Сравнить известных учёных с сумасшедшим хирургом, придуманным чокнутым наркоманом! Это унижение всего научного мира! – вопил он, едва не подпрыгивая от возбуждения.

– Заткнись, – резко оборвал его проверяющий. – Ещё раз влезешь в *мой* разговор – и я тебя загоню на край географии пингвинов изучать. Пшёл вон!!!

Последние слова проверяющего прозвучали с таким презрением, что Матвей не удержался и прыснул от смеха. Похоже, все головастики отличались особым уровнем занудности и были способны вывести из себя даже святого. Головастик, попавший в опалу, задохнулся от возмущения, беззвучно шлёпая губами и медленно наливаясь дурной кровью. Бросив на него презрительный взгляд, проверяющий жестом приказал своим телохранителям убрать голова-

стика в сторону. Ухватив его за локти, эти безликие шкафы просто унесли его в сторону, ловко прижав к машине и не давая больше приблизиться к говорящим. Покосившись на откровенно веселящегося Матвея, проверяющий грустно усмехнулся и, качнув головой, устало сказал:

– Познакомившись с вашим псом, я прихожу к такому же мнению. Мы не должны пытаться сделать идеального солдата из того, кого сама природа уже одарила всеми необходимыми для боя возможностями. Пусть лучше наши головастики займутся более практичными вещами.

– Вот именно. Пусть попробуют улучшить стрелковое оружие. Идея обычного порохового заряда стара как мир, – поддержал его Матвей. – Так Рой останется у меня?

– Конечно. Я не хочу разбирать дела о съеденных во время экспериментов учёных, – усмехнулся проверяющий.

Протянув Матвею руку, он крепко пожал ему ладонь и, кивнув генералу Лоскутову, уселся в машину. Проводив его взглядом, Матвей присел рядом с собакой и, похлопав пса по мускулистому плечу, устало проворчал:

– Поехали домой, приятель.

Задумчиво смотревший на них Лоскутов неопределённо пожал плечами и, подумав, спросил:

– Что собираешься делать?

– В каком смысле? – не понял Матвей.

– Ну, одного из главных головастиков вы с Роем пришибли, так что весь проект теперь оказался под угрозой.

– Я не думаю, что всё так плохо, – вздохнул Матвей. – Вся беда в том, что их цели и ваши, как говорят в Одессе, – это две большие разницы. Вас и меня в том числе интересует прежде всего боевой аспект этого проекта. А их – научный. Думаете, им все эти проверки и повторения нужны, чтобы усилить силовую или какую-то ещё подобную составляющую? Нет. У них более высокие цели.

– Ну, я догадывался о чём-то подобном, – кивнул в ответ Лоскутов. – Но это не даёт тебе права отстреливать их, как тварей.

– И не собираюсь, – грустно усмехнулся Матвей. – Я только одного хочу. Чтобы они все запомнили, что стрелять в мою собаку я никому не позволю. Даже если мне придётся самому взяться за оружие.

– Это всё верно, но пристрелил-то ты не того, кто за пистолет схватился, а того, кому твой зверь руку отгрыз.

– Потому я его и добил. Слышал, как кости затрещали. У Роя хватка с усилием в несколько тонн, так что там даже восстанавливать нечего было бы. А не выстрели я, так он бы ему вообще клешню оторвал. Так что в любом случае он был обречён.

– Ты в этом уверен? – спросил генерал.

– Абсолютно. Рой же его за локоть взял, одновременно выкручивая руку назад. Так что плечевая кость раздроблена, словно по ней молотком прошлись, а мышцы и сухожилия, пятьюдесятью килограммами живого веса, просто порвались бы, как тряпки. Пёс же не просто тянет, он трепать начинает.

– Чёрт, ну и монстр, – проворчал Лоскутов.

– Не монстр, а нормальный боевой пёс, натасканный именно на серьёзную схватку с гуманоидом. Именно с гуманоидом, а не с себе подобными. Улавливаете разницу?

– Откровенно говоря, не очень, – честно признался генерал.

– Учить его драться с другими собаками нет смысла. Это он умеет изначально, от природы. А вот сражаться с теми, кто имеет руки и ноги, – это совсем другое дело. И именно этому я его учу всё это время. Учю так, чтобы, сцепившись с человеком, он как можно быстрее мог привести его в надлежащий вид. Тихий и печальный.

– И зачем так круто?

– Да затем, что человек может перехватить оружие другой рукой или ударить ногой. Здесь всё по-другому. Разница в росте, весе, способности к передвижению. Какой смысл хватать за горло, если в руке будет пистолет или нож? Кроме того, мне ещё нужно научить его уходить с линии стрельбы.

– Это как? – окончательно растерялся генерал.

– Собака движется к противнику не по прямой, а прыгая из стороны в сторону, сбивая прицел. Ну, так, словно он не нападает, а хочет поиграть. Это сбивает стрелка с толку и заставляет его нервничать, делать ошибки при стрельбе. Попасть в собаку, движущуюся таким образом, может только очень опытный, хладнокровный стрелок.

– Лихо. Странно, что я не слышал про такой способ, – удивился Лоскутов.

– Это описано в пособиях для дрессировки собак для службы в НКВД. Тридцатые – сороковые годы прошлого века.

– Очень интересно. И где же вы нашли эти пособия?

– В одной старой библиотеке. Ещё в институте мы поехали работать в стройотряд, и нас бросили на разборку старой библиотеки. У меня уже тогда была собака, и, наткнувшись на эти брошюры, я с большим удовольствием оставил их себе. Кстати, на каждой стоял гриф ДСП: для служебного пользования. А если учесть, что дело было не где-то, а в Коми, то сами понимаете, что им стоило верить.

– Ммм-да! Услышь я всё это до войны, тут же приказал бы проверить по нашим каналам. А теперь даже не знаю, стоит ли заводитьсь.

– А почему нет? Насколько мне известно, почти все библиотеки до войны были оцифрованы, а значит, такие данные должны были сохраниться на электронных носителях, – пожал плечами Матвей.

– Чёрт, а ведь верно, – усмехнулся генерал, от избытка чувств звонко прищёлкнув пальцами. – Нет, Матвей Иванович, я вас от себя точно не отпущу.

– Почему? – удивился Матвей. – В смысле, зачем я вам?

– Откровенно говоря, пока и сам не знаю, но чувствую, что пригодитесь, – улынулся Лоскутов.

– И чем мне это грозит? – насупился Матвей.

– Очередными приключениями. Меня настораживает только одно. Вы так легко впадаете в ярость и начинаете убивать, что это становится опасным для окружающих. Боюсь, мне придётся отдать вас на растерзание нашим мозгокрутам, чтобы избавить вас от этой мании.

– Это не мания, – тихо ответил Матвей, чувствуя, как в жилах закипает кровь. – Твари отобрали у меня всех, кого я любил. Даже собаку. И теперь, когда возникает хоть малейшая угроза этому щенку, я бью на опережение. Вы уже слышали мои слова: «Никто больше не убьёт мою собаку».

– Хорош щенок! Человеку руку оторвал и не замурлыкал, – усмехнулся генерал.

– Для меня он ещё долго будет щенком.

Отвечая генералу, Матвей так стиснул в кулаке брезентовый поводок, что погнул кольцо, которым к нему крепился карабин. Бросив быстрый взгляд на его сжатые кулаки, Лоскутов покачал головой и, ткнув пальцем в его сжатые костяшки, тихо сказал:

– Вот видите? А ведь мы всего лишь разговариваем.

– Это война, генерал. И не мне вам напоминать об этом, – глухо ответил Матвей. – Когда я начинал свою службу в СКС и пристрелил своего первого ксеноса, то поклялся, что не успокоюсь, пока не уничтожу по сотне этих тварей за каждую из моих девочек.

– Я знаю, что это такое, но это не повод, чтобы становиться монстром. Даже из-за потери близких. Вы не один такой.

– Я знаю. Но это сильнее меня. Кроме того, я по профессии не солдат, а юрист, и моё оружие не автомат, а статья закона и умение быстро думать. Я не просил себе такой жизни и никогда не хотел убивать. Тем более людей. Даже таких.

– Таких? Каких таких? – настороженно спросил генерал.

– Подлых, жестоких, фанатичных. Я не пацифист и не благодушный интеллигент. Я обычный человек, живший своей обычной жизнью, но теперь я такой, каким стал. И все ваши мозгокруты, вместе взятые, не смогут меня изменить. Не потому, что я такой крутой, а потому, что этот пёс – всё, что осталось от моей семьи. Я не сумел защитить их, но я могу спасти его, и я это сделаю.

Голос Матвея звучал глухо, но в нём была такая сила и убеждённость, что Лоскутов, стоявший рядом с ним, невольно вздрогнул и отодвинулся в сторону. Это было бессознательное движение, но когда генерал понял, что именно сделал, то резко остановился и удивлённо уставился на проводника, стоявшего пред ним с опущенной головой и сжатыми кулаками.казалось, что ещё немного – и Матвей просто бросится на него. Удивлённо качнув головой, генерал сунул руки в карманы и, помолчав, ответил:

– Значит, так. Сейчас отправляетесь домой и ложитесь спать. Оба. А утром всей командой в поиск. Но учти: от машины не отходить и в драку не влезать. Ваше с ним дело – вывести бойцов на тварей и проследить, чтобы ни один из них в живых не остался. Вопросы?

– Никак нет. Только разрешите до отъезда этого прикончить, – попросил заметно повеселевший Матвей, кивая на темнеющий лес.

– А ты кровожадный, Матвей Иванович, – вздохнул Лоскутов.

– Я уже всё объяснил, Александр Юрьевич.

– Сколько тебе времени потребуется, чтобы найти его?

– Думаю, минут за сорок управимся.

– Капитана с собой возьми.

– Не надо. Он безоружный. Сами разберёмся, – хищно усмехнулся Матвей, поворачиваясь к собаке.

– Рой, ищи. Эта тварь наша, – раздалась его команда, и спокойно сидевший пёс стремительно сорвался с места.

Развернувшись, Матвей ринулся следом за ним. Стоявший у машины капитан, увидев, как эта сумасшедшая парочка сломя голову ринулась в лес, быстро подошёл к генералу и, поглядывая на кусты, за которыми они скрылись, быстро спросил:

– Разрешите подстраховать, господин генерал. Хрен его знает, что эта тварь придумать может.

– Отставить, капитан. Пусть они пары выпустят. Да и неизвестно ещё, кто кого прикрывать должен. У него собака, а у тебя только автомат и кулаки. Сам понимаешь: получишь по дурной башке поленом – лови его потом, вооружённого.

Мрачно насупившись, капитан Миша напряжённо посмотрел в сторону леса и, помолчав, тихо спросил:

– А если тварь на дерево заберётся и сверху на него кинется?

– Не гони волну, капитан. Не тот человек наш Матвей, чтобы позволить какой-то твари на себя с деревьев прыгать. У меня такое впечатление сложилось, что он и сам не хуже своей собаки ксеносов чует. Совсем озверел с этой службой.

– Побольше бы нам таких озверевших – уже бы и войну закончили, – мрачно проворчал в ответ капитан, не отводя взгляда от зарослей.

Два выстрела прозвучали хлётко, словно кто-то взмахнул бичом. Ещё через десять минут кусты рядом с командным пунктом учебного центра затрещали и оттуда вышли Матвей и Рой. Бросив быстрый взгляд на часы, генерал удовлетворённо качнул головой и с довольным видом констатировал:

– Двадцать две минуты на всё. Лихо.

– Тренировки своё дело сделали, – пожал плечами Матвей. – Мы с Ройкой эти кусты уже как свою избу изучили. Так что он меня не по следу, а по пеленгу на цель вывел. А эта погань так оборзела, что уже и не прячется. Сидит себе под деревом, на земле кружочки рисует. Декадент. Но он больше так не будет.

– Он, по-моему, вообще больше никак не будет, – усмехнулся капитан.

– Мы старались, – в тон ему ответил Матвей, и генерал, услышав его ответ, от души расхохотался.

– Всё, братцы. Валите домой. Надоели, видеть больше ваши рожи не могу, – сквозь смех приказал он.

Улыбнувшись в ответ, бойцы не спеша направились к своему «узику». Бросив на Мишу задумчивый взгляд, Матвей неопределённо пожал плечами и спросил:

– Ну, наши рожи ему вполне надоесть могли, а на твою маску-то он чего взъелся? Может, тебе её постирать надо?

Услышав его слова, капитан просто зашёлся от хохота. Бойцы, дисциплинированно сидевшие в машине, принялись удивлённо переглядываться, с подозрением посматривая на своего командира. Усевшись на сиденье, Матвей с усмешкой покосился на всё ещё хохочущего капитана и, повернувшись к водителю, коротко скомандовал:

– Домой.

Кивнув, водитель запустил двигатель, и старый рыдван, гремя и поскрипывая, покатил в сторону деревни. Кое-как успокоившись, Миша с размаху хлопнул Матвея по плечу, едва не смахнув его на пол, и, повернувшись к своим бойцам, сказал:

– Завтра в поиск, парни. Так что ночевать будем в деревне.

– Слава те господи! Неужели отпустили? – проворчал один из бойцов.

– Его благодарите, – кивнул на Матвея капитан. – Да ещё вот эту зверюгу. Сами видели, что они сегодня устроили. Не знаю, что уж он там генералам наговорил, но Лоскутов нас завтра в поиск отправляет.

Бойцы заметно оживились, вполголоса обсуждая будущий день. Пользуясь тем, что внимание бойцов было отвлечено от него, Матвей откинулся на борт машины и, прикрыв глаза, принялся вспоминать их с генералом разговор. Его очень неприятно царапнул тот факт, что генерал считал его неуправляемым монстром, которому самое место в дурдоме, и, если бы не война, он бы с удовольствием туда Матвея и отправил. Почувствовав его настроение, Рой положил тяжёлую башку ему на колени, и Матвей, автоматически погладив его, услышал:

«Ты хороший. Я не работать с другим»/

Эта короткая, обрывисто сказанная фраза пронзила Матвея, словно пуля. Усталость, напряжение, злость, пережитые за этот длинный день, смешались в один жуткий коктейль. Спазм, перехвативший горло проводника, заставил его судорожно вздохнуть. Матвей боялся открыть глаза, чувствуя, что под плотно сжатыми веками закипают слёзы.

– Ты чего, братишка? – настороженно спросил капитан, наклоняясь к Матвею.

– Ничего, Миша. Всё в порядке, – тихо ответил Матвей, усилием воли сдерживая себя.

– Своих, что ли, вспомнил? – не унимался капитан.

– Ага, – кивнул Матвей, решив не вдаваться в подробности.

Не объяснять же этому громиле, никогда в жизни не имевшему дело с собаками, что его только что пожалел его собственный пёс, откровенно сказав, что любит его. Для таких, как Миша, подобные отношения были чем-то странным, если не сказать хуже. Нет, он, безусловно, принимал все плюсы и хорошие стороны подобного симбиоза, но влезать в него лично – увольте!

– Бывает, – тем временем продолжал гудеть Миша. – Я вот стариков своих потерял. До сих пор простить себе не могу, что не увёз их из города. Всё некогда было. Крутился как белка

в колесе. То одно, то другое... А сейчас, как назад оглянешься, понимаешь: ведь ерунда всё было. Лучше бы стариков на дачу увёз, глядишь, и живы были бы.

– Знал бы, где упадёшь, – вздохнул Матвей, медленно приходя в себя.

– Это точно, – кивнул в ответ капитан. – Слушай, может, вечером посидим, отметим наше избавление от головастика и тому подобной напасти? – спросил он, звучно щёлкнув себя по горлу.

– «Шило»? – с лёгкой улыбкой спросил Матвей.

– Обижаешь, братишка. «Конинкой» побалуемся. Мы тут месяца четыре назад один магазин зачищали, а там в подвале куча ящиков неразбитых стоит. Ну, мы с ребятами и позаимствовали немного. Не пропадать же добру.

– Паленый, небось, – проворчал Матвей.

– Ну ты и привереда! Настоящий. Магазин фирменной торговли. Там подвалы глубокие, для сохранения температурного режима. Даже ящики фирменные. Вот кое-что и уцелело.

– А нас за задницу не возьмут за такие шутки? Под мародёрство подвести запросто можно.

– А кто подводить-то будет? Прокурорские, что ли? Так они нас как огня боятся. У самих рыло в таком пуху, что за всю жизнь не отмыться. А тару мы завтра в развалинах похороним. Так что? Заведёмся? – с явным азартом поинтересовался капитан.

– Да и хрен с ним. Давай, – решительно кивнул Матвей. – Я на себя уже столько навешал, что от пары бутылок «конины» – ни холодно, ни жарко.

– Да брось ты, – отмахнулся Миша. – Прокурорские от тебя сами теперь шарахаться будут. Им очень серьёзно указали, чтобы держались от вас обоих подальше.

– С чего это вдруг? – спросил Матвей.

– А с того, что ваша пара лучше всех работает. Показатели такие, что аж зашкаливают. Я краем уха слышал, как Лоскутов проверяющему докладывал.

– Кстати, о птичках. Что это за гусь был, не знаешь?

– Какой-то генерал-лейтенант. ФИО мне не известно. Сам понимаешь: не сообщили, значит, и знать не положено. Думаю только, что это лицо, очень приближённое к самым верхам. Да ладно, уехал, и хрен с ним.

– Как-то ты не очень правильно ко всему этому относишься, – задумчиво протянул Матвей.

– Всё просто, братишка. Устал я от всех этих приседаний и реверансов. Я боевик, а не дипломат. Моё дело – стрелять, минировать, уничтожать, а не перед начальством трепака выплясывать. Уволить не уволят, а в нашем деле и день-то пережить – проблема. Куда уж планы строить!

– Согласен. Ладно, тогда давай жить как в последний день, и – гори оно всё синим пламенем, – усмехнулся в ответ Матвей.

– Вот это по-нашему, – рассмеялся Миша, наградив его ещё одним увесистым хлопком по плечу.

Добравшись до деревни, парни загнали машину во двор и, отодвинув хозяев в сторону, сноровисто принялись готовить немудрящую закуску. Спустя час в доме началась обычная мужская пьянка. Добытый бойцами коньяк и вправду оказался настоящим! Где эти прохиндеи умудрялись прятать его, Матвей так и не понял, но бутылки появлялись на столе регулярно – по мере их опустошения. Утром, несмотря на количество выпитого, всё отделение бодро готовилось к выходу в поле. Даже Матвей, не большой любитель спиртного, чувствовал себя вполне уверенно. Добравшись до базы, бойцы пересели в ставший уже родным БМП и, доложившись начальству, покатали в сторону города.

* * *

Заместитель директора регионального отдела ФБР Смит Саллеван стоял навтыяжку перед сенатором Стейрис и тихо мечтал заполучить в руки свой любимый «магнум», чтобы закончить это бесконечное и глупое разглагольствование одним выстрелом. Его, человека, прослужившего своей стране почти всю сознательную жизнь, распекал какой-то придурок, ни черта не смысливший в обеспечении безопасности этой самой страны. Хотя по нынешним временам от той могучей сверхдержавы мало что осталось. И самое неприятное, что никто не мог ничего поделать. Все оставшиеся в живых учёные были собраны в нескольких бункерах, построенных на случай ядерной войны, и обеспечены всем необходимым для изучения свалившихся на планету гуманоидов. Но пока безрезультатно. Судя по всему, до этого зажавшегося индюка такой скорбный факт так и не дошёл. Сенатор вёл себя так, словно ничего не произошло и он сидит в своём кабинете в Вашингтоне. Нужно было отдать должное секретной службе, обеспечивавшей безопасность руководящей верхушки страны. Первый удар ксеносов пришёлся на Нью-Йорк, и парни из охраны успели вывезти почти всех, заседавших в Белом доме.

И вот теперь Саллеван вынужден был выслушивать всю эту несусветную чушь, стараясь удержать на лице подобающую случаю мину. Сидевший перед ним сенатор с самодовольным видом пенял ему на то, что у одного из первых лиц агентства до сих пор нет всей необходимой информации и он не может ответить на такой простой вопрос: что происходит в других странах? Больше всего его интересовало происходящее в Европе и России. Его, видите ли, не устраивает тот факт, что отправленный в Россию агент не может выйти на связь просто из-за отсутствия таковой. Все спутники, обеспечивавшие на орбите связь между континентами, были уничтожены ксеносами после того, как проклятые русские умудрились активировать один из своих старых спутников и, разогнав его, уничтожить один из кораблей пришельцев, устроив самое настоящее космическое ДТП. Несколько выпущенных баллистических межконтинентальных ракет были подняты на орбиту и активированы, после чего пришельцы старательно сбивали буквально всё, что пыталось оторваться от земли. Кстати, до такого использования ракет тоже додумались именно русские, но положения это не спасло.

Слушая тупую болтовню сенатора, Саллеван старательно припоминал все ключевые моменты этой странной войны, пытаясь понять, как такое вообще могло произойти. Столько лет кичиться тем, что в стране самая лучшая система ПВО, самые мощные ракеты, система НАСА, НОРАД, – и всё это не смогло спасти страну от практически полного уничтожения. Ведь пришельцы сумели за несколько дней почти уничтожить все индустриальные центры Земли. Вздвогнув, Саллеван неожиданно понял, что слишком сильно задумался и сенатор уже несколько минут дожидается ответа на какой-то свой вопрос. Озадаченно посмотрев на этого напыщенного индюка, Саллеван вздохнул и неожиданно для себя произнёс:

– Херня это всё.

– Что?! – взвизгнул от избытка чувств сенатор. – Да как вы смеее?! Вы понимаете, что говорите?!

– Вполне. Как понимаю и то, что отдал безопасности этой страны лучшие годы своей жизни, а такие болтуны, как вы, просто просрали её, побоявшись вовремя использовать весь военный потенциал. А теперь по вашей команде я вынужден отправлять в неизвестность неподготовленных ребят. Из всех, кто работал у меня в русском отделе, осталось только двое. Две девчонки из эмигрантов второго поколения. Да, они владеют языком, но понятия не имеют об оперативной полевой работе. Кроме того, я не уверен, что им под силу проделать тот же путь, которым ушёл последний агент. Через всю страну – на собачьей упряжке, а потом на лыжах. Всё. Нам больше некого туда отправлять. И если честно, сэр, я не вижу необходимости

вообще делать это. Если вам так хочется кого-то распекать, то обратите своё внимание на учёных, которые вот уже три года не могут обеспечить нас необходимыми данными для борьбы с пришельцами.

Закончив свою бурную речь, Саллеван круто развернулся и вышел из кабинета, не спрашивая разрешения и вообще не обращая внимания на то, что стало с высоким начальством. Это был конец его карьеры, и он ни о чём не жалел. Столько лет рвать зубами всех, на кого указывали, и теперь оказаться у разбитого корыта, скрываясь в подземных бункерах, словно крыса в норе. Только теперь, высказав в лицо этому индюку всё, что думает, Саллеван понял, насколько он устал от всего этого, и испытал настоящее чувство облегчения, сообразив, что смело может готовить все текущие дела к сдаче. После такого демарша его не просто уволят, а с треском вышибут из агентства, быстренько найдя кого-то молодого и ретивого. Он едва успел добраться до своего кабинета, когда его секретарша Бекка, вбежав с квадратными от удивления глазами, сообщила, что его срочно вызывает к себе директор агентства. Чуть усмехнувшись, Саллеван кивнул и, выходя в коридор, тихо сказал:

– Готовьтесь встречать нового шефа, мисс Ребекка. Похоже, ваш старик выходит в тираж.

Уже в коридоре, услышав её растерянное аханье, он потрянул головой и, небрежным жестом распустив узел галстука, решительно направился на пятый, самый нижний уровень бункера. Именно там располагался кабинет директора некогда всемогущей конторы. Войдя в ярко освещённую приёмную, он молча кивнул молодому агенту-секретарю и, остановившись у стола, сказал, продолжая улыбаться:

– Мне сообщили, что шеф желает меня видеть.

– Одну минуту, мистер Саллеван, – ответил секретарь, снимая трубку телефона.

Смит по достоинству оценил его выдержку, когда парень даже не вздрогнул, услышав столь фамильярную фразу от старейшего заместителя директора. Быстро доложив о прибытии Саллевана, он выслушал ответ и, положив трубку, улыбнулся своей фирменной улыбкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.